

**НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ.
СОВРЕМЕННОСТЬ**

**SCIENCE. EDUCATION.
THE PRESENT**

№ 1

2025

**НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ.
СОВРЕМЕННОСТЬ**

2025, № 1

Основан в 2016 г.

**SCIENCE. EDUCATION.
THE PRESENT**

2025, № 1

It is founded in 2016.

ISSN печатной версии: 2658-7335

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ журнал включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук с 23.09.2022

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-72249 от 24.01.2018 г. Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (роскомнадзор)

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека (Российский индекс научного цитирования) № 165-04/2021

Объединенный каталог «Пресса России» – подписной индекс 38977

УЧРЕДИТЕЛИ:

- **ООО «Наука и образование»**

РЕДАКЦИЯ:

- **ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР**

Попов Михаил Юрьевич,
доктор социологических наук, профессор, Почетный сотрудник МВД РФ, Заслуженный сотрудник органов внутренних дел Кубани, директор издательства ООО «Наука и образование»

- **ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА**

Вишневецкий Кирилл Валерьевич,
доктор юридических наук, профессор, начальник учебно-методического управления Краснодарского университета МВД России

- **ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ**

Шелкова Елена Андреевна

ISSN for printed version: 2658-7335

By the decision of the Presidium of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation the journal is included in the list of peer-reviewed scientific journals in which the main scientific results of dissertations for the scientific degrees of doctor and candidate of sciences should be published from 23.09.2022

Mass media registration certificate: PI № FS 77-72249 dated January 24, 2018 of Federal service for supervision in the sphere of telecom, information technologies and mass communications (roskomnadzor)

License Agreement Scientific Electronic Library
(Russian Science Citation Index) № 165-04/2021

The integrated catalog «Press of Russia» – subscription index 38977.

FOUNDERS:

- **LLC «Science and education»**

EDITORIAL BOARD:

- **EDITOR-IN-CHIEF**

Popov Mikhail Yuryevich,

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Honored Employee of the Kuban Internal Affairs Bodies, Director of the Publishing House of Science and Education LLC

- **DEPUTY CHIEF EDITOR**

Kirill V. Vishnevetsky,

Doctor of Law, Professor, Head of Educational and Methodological Department Krasnodar Ministry of Internal Affairs University of Russia

- **MANAGER OF EDITION**

Shelkova Elena Andreyevna

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Абакумова Ирина Владимировна,

академик Российской академии образования, доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии, педагогики и дефектологии, Донской государственной технической университет;

ЗАМЕСТИТЕЛИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Говердовская Елена Валентиновна,

доктор педагогических наук, профессор, заместитель директора по последипломному и дополнительному образованию, Пятигорский медико-фармацевтический институт, филиал Волгоградского государственного медицинского университета;

Лучинский Юрий Викторович,

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории правового регулирования, Кубанский государственный университет;

Семенцов Владимир Александрович,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса, Кубанский государственный университет;

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Бабаев Михаил Матвеевич,

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра, Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации;

Байер Елена Александровна,

доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и практики физической культуры и спорта, Донской государственной технической университет, директор ГКУСО РО Азовского центра помощи детям;

Богатырев Валерий Викторович,

доктор юридических наук, профессор, профессор Юридического института, Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, профессора юридического факультета, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»;

Давыдова Галина Ивановна,

доктор педагогических наук, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского», г. Ялта;

Жиркова Евгения Алексеевна,

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой истории русской литературы, теории литературы и критики, Кубанский государственный университет;

Звонарева Лола Уткировна,

доктор исторических наук, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью Института мировых цивилизаций, Москва;

Иванцов Сергей Вячеславович,

доктор юридических наук, профессор, ученый секретарь ученого совета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Игнатов Александр Николаевич,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Кашкаров Алексей Александрович,

доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России;

Клименко Таужан Микаиловна,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса, Юридический институт Северо-Кавказской государственной академии;

Коломийцева Елена Юрьевна,

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой журналистики, Московский государственный институт культуры;

Мамедов Рашад Юсуф оглы,

доктор философии по праву, доцент, доцент кафедры гражданского права, Академия полиции Азербайджанской республики;

Невский Сергей Александрович,

Заслуженный сотрудник МВД РФ, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника, начальник научно-исследовательского центра № 1 Всероссийского научно-исследовательского Института МВД России;

Немыка Анна Анатольевна,

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного, Кубанский государственный университет;

Павлов Юрий Михайлович,

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой публицистики и журналистского мастерства, Кубанский государственный университет;

Скуратовская Марина Леонидовна,

доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой дефектологии и инклюзивного образования, Донской государственный технический университет;

Федотова Ольга Дмитриевна,

доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой начального образования, Донской государственный технический университет;

Хоронько Любовь Яковлевна,

доктор педагогических наук, профессор кафедры образования и педагогических наук, Академия психологии и педагогики Южного федерального университета;

Шаталова Ольга Васильевна,

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, методики его преподавания и документирования Елецкого государственного университета имени Бунина;

Шкаплеров Юрий Павлович,

кандидат юридических наук, первый заместитель начальника Могилевского института Республики Беларусь;

Шульженко Вячеслав Иванович,

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания, русской филологии и журналистского языка, Пятигорский государственный университет.

EDITORIAL COUNCIL:

THE CHAIRMAN OF EDITORIAL COUNCIL

Irina V. Abakumova,

Academician Russian Academy of Education, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Psychology, Pedagogy and Defectology, Technical University;

VICE-CHAIRMEN OF EDITORIAL COUNCIL

Elena V. Goverdovskaya,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Deputy Director for Postgraduate and Additional Education of the Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical Institute, a branch of the Volgograd State Medical University;

Yury V. Luchinsky,

Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of History and Legal Regulation, Kuban State University;

Vladimir A. Sementsov,

Doctor of Law Sciences, Professor, Professor of Department of Criminal Proceedings, Kuban State University;

MEMBERS OF EDITORIAL COUNCIL

Mikhail M. Babaev,

Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher of the Research Center, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

Elena A. Bayer,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Theory and Practice of Physical Culture and Sports, Don State Technical University, Director of the Azov Child Care Center;

Valery V. Bogatyrev,

Doctor in Law, Professor of the Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov, Professor of the Faculty of Law, Moscow Financial-Industrial University «Synergy»;

Galina I. Davydova,

Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of the Psychology Department of the Humanitarian Pedagogical Academy (branch) of the Federal State Educational Institution of Higher Education «V.I. Vernadsky KFU», Yalta;

Evgenia A. Zhirkova,

Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of the History of Russian Literature, Literature Theory and Criticism, Kuban State University;

Lola U. Zvonareva,

Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Advertising and Public Relations of the Institute of World Civilizations, Moscow;

Sergey V. Ivantsov,

Doctor of Law, Professor, Academic Secretary of the Academic Council of the V.Y. Kikoty Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Alexander N. Ignatov,

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminology of the V.Y. Kikoty Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Alexey A. Kashkarov,

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Crimean branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Tauzhan M. Klimenko,

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Law Institute of the North Caucasus State Academy;

Elena Yu. Kolomiitseva,

Doctor in Philology, Professor, Head of the Department of Journalism, Moscow State Institute of Culture;

Rashad Yu. Mamedov,

Doctor of Philosophy in Law, Associate Professor, Assistant Professor of Civil Law Department, Police Academy of the Azerbaijan Republic;

Sergey A. Nevsky,

Honored Employee of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Deputy Head, Head of the Research Center № 1 of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Anna A. Nemyka,

Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian as a Foreign Language, Kuban State University;

Yuri M. Pavlov,

Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Journalism and Journalistic Skills, Kuban State University;

Marina L. Skuratovskaya,

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Defectology and Inclusive Education, Don State Technical University;

Olga D. Fedotova,

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Primary Education, Don State Technical University;

Lubov Ya. Khoronko,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Education and Educational Sciences, Academy of Psychology and Pedagogy of the Southern Federal University;

Olga V. Shatalova,

Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language, Methods of Teaching and Documenting it at Yelets State University named after Bunina;

Yuri P. Shkaplerov,

Doctor in Law, First Deputy Head, Mogilev Institute of the Republic of Belarus;

Vyacheslav I. Shulzhenko,

Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Linguistics, Russian Philology and Journalistic Language, Pyatigorsk State University.

КОНТАКТЫ:

○ ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Попов Михаил Юрьевич

Тел.: +7(928) 268-34-15

e-mail: popov-52@mail.ru

○ ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ

Шелкова Елена Андреевна

Тел.: +7(988) 167-67-67

e-mail: milena.555@mail.ru

○ РЕДАКЦИЯ РАСПОЛОЖЕНА ПО АДРЕСУ

350005, Краснодарский край, г. Краснодар, Переулок Народный, д. 2/1

Часы приема: понедельник – пятница, 10⁰⁰ – 17⁰⁰

Тел./факс: +7(988) 167-67-67

Адрес для писем: 350005, г. Краснодар, а/я 1812, Попову М.Ю.

CONTACTS:

○ EDITOR-IN-CHIEF

Popov Mikhail Yur'evich

Ph.: +7(928) 268-34-15

e-mail: popov-52@mail.ru

○ MANAGER OF EDITION

Shelkova Elena Andreevna

Ph.: +7(988) 167-67-67

e-mail: milena.555@mail.ru

○ THE EDITORIAL OFFICE IS LOCATED AT THE ADDRESS

350005, Krasnodar Territory, Krasnodar, Narodny Lane, 2/1

Reception hours: Monday – Friday, 10⁰⁰ – 17⁰⁰.

Ph./fax: +7(988) 167-67-67

Address for correspondence: for Popov M.Yu., po box 1812, Krasnodar, 350005, RF.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Гарашова Е.М.</i> Проблемы компьютерного перевода модальных глаголов	21
<i>Рысухин В.С.</i> Гностицизм и Иов в «Ледяной трилогии» В. Сорокина	25
<i>Хематзадех Ф., Габдреева Н.В.</i> Фонетическая вариантность русизмов в персидском языке	30

ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Бай Ужлига</i> Стратегии медиа в построении образов женщин – политических деятелей в России	36
<i>Чередниченко Л.В., Иванов Д.С.</i> Жанровые особенности социальной журналистики (на примере информационного портала «Такие Дела»)	43

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е.</i> Трансформация уголовно-правовой науки	53
<i>Балданов Р.В.</i> Гражданское процессуальное отношение, возникающие в связи с трансграничной несостоятельностью: вопросы теории	69
<i>Королькова Э.В.</i> Социально-политическая обусловленность необходимости законодательной защиты публичной личности	75
<i>Кривицкая Ю.С.</i> Субъектный состав наследственных правоотношений, в том числе несовершеннолетних детей, возникающий в контексте семейного бизнеса	81
<i>Матюшева Т.Н.</i> Регулируемое эволюционирование законодательства – основа модернизации системы образования	86
<i>Шурдумов А.А.</i> Проблема судебных издержек в исполнительном производстве для новых кредиторов по переуступленным правам требований	92
<i>Ястребова О.И., Елкина Д.Д., Спиченко К.Н.</i> Правовое регулирование употребления иностранных слов и терминов	97

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

(РУБРИКА НЕ ВКЛЮЧЕНА В ПЕРЕЧЕНЬ ВАК ПРИ МИНОБРНАУКИ РФ)

Любецкий Н.П., Самыгин С.И., Агафонов С.В., Демьянова Л.М.

Факторы, влияющие на воспитание гармоничной личности и на уровень индивидуального, и социального здоровья российской молодежи 107

Лядов В.В., Петренко А.В., Самыгин С.И.

Некоторые проблемы организации образовательной деятельности церковно-приходских школ и школ грамоты Черкасского отделения Донского епархиального училищного совета в конце XIX в. 122

CONTENTS

PHILOLOGICAL SCIENCES

<i>Egyana M. Garashova</i> Problems of computer translation of modal verbs	21
<i>Vladimir S. Rysukhin</i> «The Plot of Job» in modern russian prose	25
<i>Forouzan Hematzadeh, Natalia V. Gabdreeva</i> Phonetic variation of russianisms in the persian language	30

JOURNALISM

<i>Bai Wuriliga</i> Media strategies in building images of female political figures in Russia	36
<i>Lyudmila V. Cherednichenko, Dmitry S. Ivanov</i> Genre features of social journalism (using the example of the information portal «Takie Dela»)	43

JURISPRUDENCE

<i>Mikhail M. Babaev, Yuri E. Pudovochkin</i> Transformations of criminal law science	53
<i>Ruslan V. Baldanov</i> Civil procedure legal relationship arising from cross-border insolvency: theory issues	69
<i>Elina V. Korolkova</i> Socio-political conditionality of the need for legislative protection of the public personality	75
<i>Julia S. Krivitskaya</i> The subject matter of hereditary legal relations, including minor children, arising in the context of family business	81
<i>Tatiana N. Matyusheva</i> Regulated evolution of legislation – the basis of modernization of the education system	86
<i>Albek A. Shurdumov</i> The problem of legal costs in enforcement proceedings for new creditors on assigned claims	92
<i>Oksana I. Yastrebova, Daria D. Elkina, Kristina N. Spichenko</i> Legal regulation of the use of foreign words and terms	97

PEDAGOGICAL SCIENCES

(THE RUBRIC IS NOT INCLUDED IN THE LIST OF THE HIGHEST CERTIFICATION COMMISSION
UNDER THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

*Nikolay P. Lyubetsky, Sergey I. Samygin,
Sergey V. Agafonov, Lyudmila M. Demyanova*

Factors influencing the upbringing of a harmonious personality
and the level of individual and social health of Russian youth 107

Vladimir V. Lyadov, Alexander V. Petrenko, Sergey I. Samygin

Some problems of the organization of educational activities
of parochial schools and literacy schools of the Cherkassy branch
of the Don diocesan school council at the end of the XIX century 122

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЖУРНАЛИСТИКА

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-1-2>
УДК 81

Attribution
cc by

ПРОБЛЕМЫ КОМПЬЮТЕРНОГО ПЕРЕВОДА МОДАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ

Гарашова Е.М.

Бакинский государственный университет

Аннотация. Поскольку развитие современной науки и техники очень велико, это открывает безграничные горизонты в вопросе современных способов перевода модальных глаголов в английском языке, а также открывает путь к решению многих проблем. Поскольку язык постоянно развивается и быстро реагирует на развитие, он знает инновации и решение проблем, вызванных изменениями в языке. Перевод на компьютере может быть неполным или даже менее с точки зрения контекста. Поскольку используется модальный глагол, предшествующему предложению следует придавать соответствующее значение.

Ключевые слова: модальные глаголы, основные глаголы, вопросительная форма, компьютер, характеристика.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

PROBLEMS OF COMPUTER TRANSLATION OF MODAL VERBS

Egyana M. Garashova

Baku State University

Abstract. The development of modern science and technology opens up unlimited horizons in the issue of modern ways of translating modal verbs in English and also opens a way for solving many problems. As we know language is constantly evolving and responding quickly to development it knows to innovate and solve problems caused by changes in the language.

Translation on a computer may be incomplete or even less in terms of context. At the same time during computer translation, the meaning of modal verbs can be found correctly in the context and the meaning should be given according to the sentence assembled before and after the modal verb is used.

Keywords: modal verbs, main verbs, question form, computer, feature.

Funding: Independent work.

Введение.

Модальные глаголы в английском языке и связанные с ними темы отличаются своей актуальностью и разнообразием. Они способствуют более ясному и всестороннему восприятию нашей речи. В настоящее время публикуется множество исследовательских работ, учебников и учебных пособий, связанных с модальными глаголами. Однако эти работы не смогли восполнить пробелы и недостатки перевода данной категории глаголов.

За последние годы некоторые продвижения в области перевода хотя и принято считать позитивными, все же по-прежнему остаются неясности и неточности, встречающиеся при компьютерном переводе модальных глаголов. Наша задача – предотвратить подобные случаи в будущем и стараться искать пути более точного

перевода, максимально приближенного к оригиналу.

Стремительное развитие науки и техники способствовало в свою очередь вынесению на обсуждение выдвинутых грамматистами предложений и методов, касающихся устранения некоторых проблем в области перевода модальных глаголов, и особенно трудностей, возникающих при их компьютерном переводе на разные языки.

Обсуждение.

Говоря о переводческой деятельности и ее заслугах нельзя не отметить роль современных технологий в области перевода модальных глаголов, что, в свою очередь, делает актуальной проблему качества машинного перевода. Независимо от нашего желания, этот вид перевода уже занял достаточно прочное место в перевод-

ческой сфере. С другой стороны, наличие грамотного переводчика, обладающего достаточными лингвистическими знаниями и высоким уровнем профессионализма (включая большой опыт работы в этой области) оставляет желать лучшего. Именно в этом и состоит, главным образом, первопричина возникновения многих проблем и недоразумений.

Само собой разумеется, что быстрое обновление технических возможностей и программного обеспечения в этой области также играет очень важную роль. Нельзя упускать из виду тот огромный потенциал, который дает читателям Интернет, находящийся в авангарде передовых технологий. В интернет-пространстве, которое стало неотъемлемой частью нашей жизни, мы можем, воспользовавшись предоставленной различными источниками информацией, уточнить наши знания о правилах употребления модальности и модальных выражениях, а также их переводе. В этом случае на помощь приходят различные поисковые интернет-сайты и программы.

Например, Гугл, Яндекс и другие подобные поисковики дают нам возможность работать с некоторыми бесплатными программами-переводчиками. Однако использование этих программ не означает, что мы полностью доверяем переводу, предоставленному интернет-сайтом. При этом возможность смыслового несоответствия и внеконтекстного перевода отдельных слов и выражений может быть чрезвычайно высока. Учитывая это, необходимо обратить внимание на множество мелких и ненужных на первый взгляд, но на самом деле имеющих большое значение нюансов.

В некоторых источниках при переводе модальных глаголов подчеркивается необходимость учета социального контекста. Например, А.Л. Грир и М.М. Здренгеа в своей книге «A Guide to the Use of English Modals and Modal Expressions» (руководство по употреблению модальных глаголов и модальных выражений в английском языке) рассматривают и объясняют трудности и проблемы, которые могут возникнуть при переводе модальных глаголов с помощью компьютерных программ [1]. Здесь подчеркивается, что для точного определения значения модального глагола в переводимом предложении необходимо посмотреть на предложения, которые стояли до и после этого слова, и переводить исходя из этого контекста. В большинстве случаев, варианты в программах-переводчиках даются без проверки, что значительно препятствует правильному переводу текста. В особенности неуместно употребленный вариант перевода создает условия для неправильного понимания или неясности смысла.

Разнотипные события и процессы, происходящие в нашем современном мире, под сильным влиянием современных технологий с небывалой скоростью сближают разрозненные, разобщенные, дифференцированные на протяжении сто-

летий, и даже тысячелетий явления – национальные или региональные особенности, привычки, комплексы. Это, в свою очередь, влияет и на перевод модальных глаголов.

Воспользовавшись современными технологиями, мы получили прекрасную возможность переводить английские тексты и предложения с модальными глаголами. Чтобы яснее выразить то, о чем мы говорим, давайте кратко рассмотрим роль и семантические оттенки модальных глаголов. Это может помочь нам уделять больше внимания тому, на что следует обращать больше внимания при переводе модальных глаголов, и в то же время уделять больше внимания контексту при их переводе.

Модальные глаголы, выражающие отношение говорящего к действию, одновременно указывают на возможность, вероятность, необходимость и, в то же время, на желательность действия [2].

Есть несколько характерных черт, присущих немногочисленной группе модальных глаголов. Главные черты, которые отличают их от других глаголов, заключаются в том, что они однозначно требуют употребления после них глагола и имеют оттенки значения. В отличие от глагола, модальные глаголы играют в предложении вспомогательную роль [3]. Именно по этой причине большинство модальных глаголов сами участвуют в образовании вопросительной и отрицательной формы предложения. Модальные глаголы следуют в предложении после основного глагола. Это один из факторов, учитывая который можно добиться правильного перевода.

Как уже отмечалось, модальные глаголы не могут употребляться самостоятельно, так как в обязательном порядке требуют после себя употребления глагола.

Место употребления и разнообразие оттенков значения играют ключевую роль в переводе модальных глаголов. В каких же случаях и значениях мы можем использовать модальные глаголы? В основном мы используем их в следующих случаях: уверенность, способность, желание, возможность, разрешение, необходимость, совет, принужденность по ситуации и пр. Может возникнуть вопрос: почему мы используем модальные глаголы, когда есть основные? Мы кратко упомянули выше, в каких случаях используются модальные глаголы. Но давайте еще раз рассмотрим на примерах и в обобщенном виде, в каких целях мы их употребляем. Прежде всего следует напомнить, что одна из основных причин, по которой мы используем модальные глаголы, заключается в их способности сделать нашу речь и письмо более вежливыми и логичными.

Мы увидим это более наглядно, если вкратце рассмотрим основные значения модальных глаголов:

1. В значении возможности, способности, умения что-либо сделать мы можем выразить свое мнение следующим образом:

If you want to send a letter to Ali, I can help you. – Если ты хочешь отправить письмо Али, я могу тебе помочь.

2. Высказать свое мнение относительно вероятности какого-либо события можно в следующем примере:

It might rain tonight. – Сегодня вечером может пойти дождь.

3. Когда мы уверены в произошедшем событии:

It can't / might not / couldn't have been my parents mistake. – В этом не может быть вины моих родителей.

4. Для более вежливого выражения предложения или вопроса с целью уточнения правильности выбора действия:

Can / may / shall I open the window, it is very hot here. – Можно / разрешите / открыть окно, здесь очень жарко.

5. Чтобы выразить свои мысли более сложного характера:

I might / could / should / go to see the exhibition. – Я мог бы / мог / должен был / пойти на выставку и т.д.

Как известно, при переводе какого-либо материала на другой язык определенным изменениям подвергается и смысл переводимого. Перевод не считается нормальным, если эти семантические изменения превышают необходимый уровень. Поэтому для того, чтобы получить максимально правильное значение смысла при переводе модальных глаголов, очень важно учитывать контекст.

Заключение.

Наша цель при перечислении всего вышесказанного – продемонстрировать темные стороны, которые могут возникнуть при переводе модальных глаголов вне контекста. Как бы стремительно ни развивались наука и техника, это – продукт человеческого разума. Именно по этой причине модальные глаголы необходимо переводить в контекстуальном плане, чтобы избежать неясных или неуместных вариантов, которые могут возникнуть в процессе перевода. Очевидно, что в настоящее время это оптимальный вариант для устранения недопонимания или неправильного перевода в будущем. Развитие словарного запаса языка также способствует проявлениям в языке и социальных изменений.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Greere A.L. A Guide to the Use of English Modals and Modal Expressions / A.L. Greere, M.M. Zdrenghia. Cluj-Napoca, Clusium. Halliday, M.A.K., 2000.
2. Каушанская В.Л. Грамматика английского языка: пособие для студентов педагогических институтов. Л., 1963.
3. Гальперин И.П. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
4. Зайнуллин М.В. Модальность как функционально-семантическая категория. Саратов, 1986.
5. Иванова И.П. Теоретическая грамматика современного английского языка : учебник / И.П. Иванова, В.В. Бурлакова, Г.Г. Почепцов. М. : Высш. школа, 1981.
6. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика, М., 1974.
7. Эмоции в наших словах. URL : <http://fridge.com.ua/2010/04/emotsii-vnashih-slovah-slozhnosti-perevoda-umenshitelnolaskatelnih-form>
8. Diversity in Language as Seen from a Consideration of Modality and Mood in English. Foundations of Language 6. 3. 1970. P. 322–361.
9. Translation and Modal Meaning. In: ButiurcÀ, D.DruÕÀ, E.Imre, A. (eds): Terminology and Translation Studies. Cluj-Napoca, Scientia. 2011. P. 227–235.
10. Kosur H.M. Multiple modals in modern English: Use, history, and structure of Periphrastic modal verbs. 2009. URL : <http://ilstu.academia.edu/HeatherMarieKo>

References:

1. Greere A.L. A Guide to the Use of English Modals and Modal Expressions / A.L. Greere, M.M. Zdrenghia. Cluj-Napoca, Clusium. Halliday, M.A.K., 2000.

2. Kaushanskaya V.L. Grammar of the English language: a manual for students of pedagogical institutes. L., 1963.
3. Galperin I.R. Text as an object of linguistic research. M., 1981.
4. Zainullin M.V. Modality as a functional and semantic category. Saratov, 1986.
5. Ivanova I.P., Burlakova V.V., Pocheptsov G.G. Theoretical grammar of modern English: Textbook / - Moscow: Higher School, 1981.
6. Retsker Ya.I. Theory of translation and translation practice. M., 1974.
7. Emotions in our words. URL : <http://fridge.com.ua/2010/04/emotsii-vnashih-slovah-slozhnosti-perevoda-umen-shitelno-laskatelnyih-form>
8. Diversity in Language as Seen from a Consideration of Modality and Mood in English. Foundations of Language 6. 3. 1970. P. 322–361.
9. Translation and Modal Meaning. In: ButiurcĂ, D.DruŃĂ, E.Imre, A. (eds): Terminology and Translation Studies. Cluj-Napoca, Scientia. 2011. P. 227–235.
10. Kosur H.M. Multiple modals in modern English: Use, history, and structure of Periphrastic modal verbs. 2009. URL : <http://ilstu.academia.edu/HeatherMarieKo>

Информация об авторе

Гарашова Егяна Муса гызы
доктор философии по филологии,
преподаватель кафедры английского языка
(для гуманитарных факультетов),
Бакинский государственный университет
milena.555@mail.ru

Egyana M. Garashova
Doctor of Philosophy in Philology,
Lecturer at the Department of English
(for Humanities faculties),
Baku State University
milena.555@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 01.03.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.03.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.03.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-1-5>

УДК 821.161.1

Attribution

cc by

ГНОСТИЦИЗМ И ИОВ В «ЛЕДЯНОЙ ТРИЛОГИИ» В. СОРОКИНА

Рысухин В.С.

Кубанский государственный университет

Аннотация. В данной статье рассмотрен сюжет ветхозаветной Книги Иова как мировоззренческой основы романов Владимира Сорокина «Лёд», «Путь Бро» и «23000». Цель работы – исследовать причины обращения Сорокина к архетипу Иова в «Ледяной трилогии». В статье рассматривается гностическое учение, которое является основой мироощущения братьев Света в романах. Обращение Сорокина к Иову носит характер поиска способов преодоления гностицизма. Для раскрытия особенностей интеграции в современный текст ветхозаветных смыслов было использовано понятие Иов-ситуации, описывающее особенности функционирования архетипа в тексте. «Ледяная трилогия» рассматривается факт трансформации нарративной модальности Владимира Сорокина, что подтверждается высказываниями самого автора в интервью. Актуальность исследования связана с увеличением интереса к творчеству Владимира Сорокина, одной из ключевых фигур в современной русской постмодернистской литературе.

Ключевые слова: Иов, архетип, современная русская литература, имплицитность, постмодернизм.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

«THE PLOT OF JOB» IN MODERN RUSSIAN PROSE

Vladimir S. Rysukhin

Kuban State University

Abstract. This article examines the plot of the Old Testament Book of Job as the ideological basis of Vladimir Sorokin's novels «Ice», «The Way of Bro» and «23000». The purpose of the work is to investigate the reasons for Sorokin's appeal to the archetype of Job in the «Ice Trilogy». The article examines the Gnostic teaching, which is the basis of the worldview of the brothers of Light in the novels. Sorokin's appeal to Job is in the nature of a search for ways to overcome gnosticism. To reveal the features of the integration of Old Testament meanings into the modern text, the concept of Job-situation was used, describing the features of the functioning of the archetype in the text. The «Ice Trilogy» examines the transformation of Vladimir Sorokin's narrative modality, which is confirmed by the author's own statements in an interview. The relevance of the research is related to the increasing interest in the work of Vladimir Sorokin, one of the key figures in modern Russian postmodern literature.

Keywords: Job, archetype, contemporary Russian literature, implicitness, postmodernism.

Funding: Independent work.

Введение.

Творчество Владимира Сорокина – сложная постмодернистская стилистическая игра, отражающая тенденции современного литературного творчества. И до издания романа «Лёд» так и было – «Тридцатая любовь Марины», «Роман», «Сердца четырёх», «Голубое сало» как апофеоз культуры насмешничества несут читателю язвительно ироничного Сорокина, который последовательно подвергает отрицанию и деконструкции все ценности, которые только может найти и вербализовать. При этом Сорокин-постмодер-

нист не предлагает никаких иных ценностей, как это делали модернисты. Вот как его поэтику оценивает С. Резниченко: «Сорокин продолжает играть в привычно отработанную постмодернистскую игру. Карнавал, игра, лубок, лицедейство...» [4]. Сорокин предлагает читателю эффект негативного катарсиса: чтобы познать прелесть нормальной жизни, нужно увидеть её обратную сторону.

Трилогия в процессе своего создания наследовала постмодернистски-антигуманистическим традициям раннего Сорокина, потому что Соро-

кин говорит: «Когда я писал «Лед» и «Путь Бро», я сочувствовал братьям Света, но не могу сказать, что был на их стороне» [2]. Это вполне соответствует ранней сорокинской традиции уничтожать и извращать любые гуманистические ценности. Однако сам Сорокин признаётся, что, когда он писал третью часть Трилогии, он «стал сочувствовать посетителям сайта URL : www.icehammervictim.org, потому что они заслуживают большего сочувствия, чем эти братья. Будущее оказывается за ними» [2].

Это свидетельствует о некоторых изменениях в творческой парадигме Владимира Сорокина. Ледяная трилогия вполне могла продолжить традицию тотальной негодциации, если бы автор не перестал сочувствовать белокурым и голубоглазым гностикам, как это было при написании первых двух частей. Сорокин делает шаг в сторону гуманизма. И если прежде человеческая жизнь для сорокинской прозы не стоила ничего, то теперь мы видим, как автор начинает сочувствовать людям, пережившим страдания из-за братьев Света. Это позволяет привлечь к обсуждению понятие Иов-ситуации. В современной философии, психологии и литературоведении существует понятие Иов-ситуации как обобщённого описания событий, образов и сюжета книги Иова. Это переживание внезапной иррациональной катастрофы, попадая в которую, человек отчаянно ищет смысл и не может его найти, при этом обращение к Богу носит характер дерзкой апелляции к источнику смысла. В настоящей статье Иов-ситуация рассматривается как сюжетная доминанта «Ледяной трилогии», обращение Сорокина к которой обусловлено необходимостью преодоления гностического мироощущения.

Обсуждение.

Ведущий вектор исследования Ледяной трилогии Владимира Сорокина – разговор о гностицизме. Текст Владимира Сорокина явно отсылает читателя к гностическому мифу, воплощённому в главных героях первых двух частей трилогии – в Братьях Света. Гностический миф говорит о Первоначальном Верховном Божестве, которое «источает» свою благодать в виде «зонов» – эманаций божественной сущности – которые в свою очередь исчисляются тридцатью и образуют Плерому. В некотором смысле это духовный мир, чьё существование предшествует созданию материального мира. Среди зонов находится особая личность – София (мудрость), которая в стремлении познать Первобога заходит так далеко, что изгоняется им из Плеромы и порождает Ахамот (горе, страдание), от которой в свою очередь происходит Демиург. Этот персонаж не является зоном, он – первый из архонтов, божеств более низкой иерархии, божественных существ третьего порядка (Первобог – зоны – архонты). Однако Демиург первый после Первобога обладает творческой потенцией, он творит материальный мир, который одухотворяет София. С сотворением и управлением матери-

ального мира ему помогают порождённые им сущности – архонты, которые начиная с определённого момента ненавидят населяющих Землю людей, ибо те стремятся к трансцендентному и, главное, способны его достигать. Этот особый статус человека становится предметом зависти для Демиурга и его архонтов, потому что они, в отличие от их матери, Софии, а также людей, не имеют доступа к Плероме.

Сравним это с онтологией текста Владимира Сорокина: «Сначала был только Свет Изначальный. И свет сиял в Абсолютной Пустоте. И Свет сиял для Себя Самого. Свет состоял из двадцати трех тысяч светоносных лучей... Времени не существовало. Была только Вечность. И в этой Вечной Пустоте сияли мы, двадцать три тысячи светоносных лучей. И мы порождали миры. И миры заполняли Пустоту» [2, с. 48]. Может показаться, что Братья Света есть, в соответствии с гностическим мифом, зоны Света Изначального, то есть Первобога. Воплощение их в лучах напоминает принцип эманаций, описанный в гностическом мифе.

Однако здесь сразу можно предложить и второй, более предпочтительный, вариант соответствий: братья света – это архонты Демиурга, который творит материальные миры. Такой взгляд позволяет увидеть больше точек соприкосновения гностического мифа и сорокинского текста, поскольку создание земли Братьями Света воспринимается как «Великая Ошибка Света». Как Демиург в гностическом мифе не обладает непогрешимостью Первобога и проявляет некий аналог раскаяния – зависть творению – так и Братья Света в сорокинском тексте приходят к сожалению, о том, что они сотворили Землю. Собранные воедино в кругу 23000, они представляют собой Демиурга, который не обладает достаточной прозорливостью, чтобы понять опасность создания воды, после отражения в которой они распадаются на известное число частей.

Исследователи дают следующее определение мировоззрению гностиков: «мировоззрение, организованное по образцу космологической модели, насыщенной персоналогическими образами, мировоззрение, сочетающее в себе сотериологию и эсхатологию и провозглашающее культ гнозиса» [6, с. 172]. В мироощущении Братьев Света последовательно реализуются все указанные особенности гностицизма. Ледяная Трилогия Владимира Сорокина имеет мировоззренческую основу в виде гностицизма. Мироощущение Братства Света представляет собой цельное и последовательное гностическое учение. Однако остаётся важным для исследователей Владимира Сорокина вопрос: если согласиться, что Владимир Сорокин начиная с Ледяной Трилогии отходит от традиций постмодернизма в модернизм и ставит перед собой смысловые задачи, то зачем Сорокину нужен гностицизм? Он разделяет это мировоззрение или предлагает его критику? Б.А. Ланин, В.О. Кубышкина и другие исследователи замечают, что хотя Ледяная трило-

гия до самого финала имеет все черты утопии, всё-таки завершается антиутопично. Если мы примем гностицизм в качестве основной идеи, подвергаемой доказательству и/или критике, то определение Ледяной Трилогии как антиутопичного произведения позволяет говорить о том, что гностицизм здесь предлагается как отвергаемый антитезис по отношению к тезису, который Сорокин не формулирует до самого финала произведения. Тезис, который приходит как противоположность гностицизма, здесь – это вера в Бога.

Не случайно Земля не оказывается разрушенной в конце, не случайно Братья Света изображены обескураженными своим несостоявшимся единением и обожествлением – гностицизм Братства Света оказывается обманом, ложной концепцией, не ведущей к просветлению и обретению гнозиса. Во всяком случае, для человека, коими являются выжившие в финале Ольга и Бьорн (местные Адам и Ева), гностицизм пуст и бесполезен. Свет Изначальный не может даровать человеку ничего. Ольга и Бьорн уверены, что Бог есть и что именно Бог спас Землю от 23000 бесчеловечных гностиков.

Сорокин отстаивает людей перед лицом гностицизма, так сильно увлекшего и самого автора. Гностическое мироощущение не оставляет человечеству ни шанса на успех. Только избранные спасутся, только малое число знающих законы мира получит спасение, а подавляющее большинство – «мясные машины», обречённые на бессмысленную жизнь и бессмысленную смерть. Человек перед лицом иррационального божества – вот основная тема Ледяной Трилогии и по совместительству основная (вполне модернистская) ценность, отстаиваемая Владимиром Сорокиным, а также это ключевой мотив Ветхозаветной книги Иова, который становится сюжеттообразующим началом как в ветхозаветной книге, так и в сорокинской Трилогии. Не случайно первый эпиграф к Ледяной трилогии – цитата из Иова.

Первый эпиграф Ледяной трилогии таков: «Из чрева чрева выходит лёд, и иней небесный, – кто рождает его?» (Книга Иова, 38: 29). В книге Иова эти слова произносит Бог, являясь во славе к Иову, который посылает небу претензии в несправедливости, основываясь на убеждении в собственной непогрешимости. Главная интрига книги Иова и логики повествования в этом тексте заключается в том, что Бог – источник истины и создатель нравственного закона – не отвечает на вопросы Иова о несовершенстве известной Иову морали. Этому можно найти несколько объяснений, но ясно одно: ответ на все вопросы, которые задаёт Бог Иову – сам Бог. Лёд выходит из чрева Божьего, и Бог рождает иней небесный. Не безликие лучи, презирающие воплотившуюся жизнь, сотворили наш мир, а Господь Бог, оставшийся непознанным братьями Света. Можно также отметить, что в таком эпиграфе заключается и умонастроение книги Иова, которое состоит в том, что Бог являет себя, хотя и не

даёт ответов на заданные человеком вопросы. Само по себе богоявление всё объясняет. Именно так происходит в финале трилогии: человеку (Ольгу и Бьорну) был явлен Бог, который не ответил на их вопросы, но подтверждением факта Своего существования привёл героев в состояние получивших откровение о мире.

Поскольку Сорокин сам в одной из самых значимых частей текста подключает Ледяную трилогию к смысловому пространству книги Иова, следует описать и иные сюжетные и мировоззренческие параллели, которые позволили бы объяснить логику нарративной стратегии Владимира Сорокина.

Мы можем проследить, как Ветхозаветный Иов много критического внимания уделяет окружающей его действительности, в которой он разочаровался. В качестве обобщающей мысли он говорит: «погибни день, в который я родился, и ночь, в которую сказано: зачался человек!» (Иов. 3:3). Иов осознаёт свою проблему не только локально в своём частном случае, он ищет глобальные причины существования такой ошибки. Он находит их в несовершенстве дня своего рождения, но в этой экстраполяции можно пойти дальше и сказать: «будь проклят мир, который был сотворён», потому что в нём возможны страдания. Идентичное критическое мироощущение становится лейтмотивом и предметом обсуждения в первых двух частях Ледяной трилогии. Сотворение Земли называется не иначе как «Ошибкой света» – подобное пессимистичное мировоззрение свойственно и страдающему Иову, и Братьям Света (а вместе с ними и автору) в Ледяной Трилогии.

Впрочем, в истории Иова Бог не только источник смыслов для человека, но и иррациональная воля, обладающая тайным знанием, которое не получится объяснить или понять земным умом. К Его воле можно только прикоснуться, и средство для этого – узреть Его Самого и дела его. Этот мотив мы видим реализующимся в финале Ледяной трилогии. Человечество в лице Бьорна и Ольги входит в контакт с Братством Света и, не имея возможности стать одними из них, понять их стремление к свету, заговорить сердцем, Бьорн и Ольга тем не менее получают возможность прикоснуться к сущности потустороннего через участие в ритуале – предполагаемом эсхатологическом действии. Они, как и Иов, имеют несовершенное понимание сущности, обитающей в трансцендентности, (в терминологии Иова – «слышать слухом уха»). При этом они, как и Иов, отказываются от своей борьбы против Братства, когда встречаются с ним лично (на языке Иова – «теперь же мои глаза видят Тебя; поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле»). Иов, не получая ответ на свои вопросы, тем не менее покоряется воле Бога, с Которым он имел возможность общаться лично. Так и претензии человечества в лице Ольги и Бьорна куда-то исчезают, и они покорно идут исполнять волю Братства.

Результаты.

В чём же тогда соответствие ролей в сюжетной линии Книги Иова и Ледяной Трилогии Сорокина? Для начала укажем на очевидное соответствие сатаны как обвинителя человека и Братства Света как точно таких же ненавистников всего человеческого. Задача сатаны в Книге Иова – дискредитировать праведника, доказать Богу его несовершенство, а в лице Иова – и всего человечества. Это критическое, уничтожающее, обвиняющее, нелюбящее начало. Такими предстают, и братья Света Изначального в Ледяной Трилогии – нелюбящей сущностью, наиболее явно проявляющей себя в функции человеконенавистничества. При этом следует отметить, что такой образ вполне согласуется с нелюбящим Демиургом в гностическом мифе. И во всех трёх случаях над проделками обвинителей возвышается Высочайшая инстанция (в Книге Иова – это собственно иудейский Яхве, в гностическом мифе это Первобог, а у Сорокина – тоже Бог, который являет себя в самом конце).

Остаётся понять, где в этой истории звучит голос Иова. А.В. Татаринцов считает, что им не могут быть Ольга и Бьорн: «Остаётся ли в «Пути Бро» и в романе «Лед» подтекстовый голос Иова, его ответ высшим силам, его нежелание смириться с приговором? Вряд ли он обнаруживается в голливудской деятельности шведа и русской еврейки из романа «23000» [3, с. 675]. Здесь следует согласиться: кинематографичные Ольга и Бьорн имеют мало общего со страдальцем из Книги Иова. Однако если увидеть в них только частность от общего – человеческого – то Иов обнаруживается во всей человеческой общности романа. Как Братья Света мыслят себя в некотором смысле как нечто единое, так и человечество они довольно часто оценивают, как некую общность: «мясо клубится». Это самое «мясо» и есть человечество на языке гностических героев Сорокина. И поскольку мы в виде общности определили у общности Братьев Света функцию обвинителя, сатаны, то мы по той же самой модели можем определить у человечества (мяса) в трилогии функцию Иова. Конечно, статус повествователя у Сорокина получает не Иов, а Сатана – гностические обвинители человека, однако это не отменяет функциональную общность человеческой общности, выраженной в Ольге и Бьорне как в критически-трансцендентно ориентированном Иове-страдальце.

Остаётся ответить на последний вопрос: зачем Сорокину нужен Иов в его Трилогии? Зачем

Владимир Сорокин явно связывает свой текст со сложной ветхозаветной историей страдальца, искавшего Бога и нашедшего Его? Книга Иова тоже может быть рассмотрена как диалог о древнем, ещё дохристианском – иудейском – гностицизме, который тогда ещё не носил своего имени, но как явление явно существовал. Если вновь обратиться к определению сути гностического учения (здесь нам нужно извлечь его от новозаветных мифологем и рассмотреть, как набор общепонятных мировоззренческих установок), то можно увидеть, что мироощущение трёх друзей Иова довольно точно может быть описано словами «мировоззрение, организованное по образцу космологической модели, насыщенной персонологическими образами, мировоззрение, сочетающее в себе сотериологию и эсхатологию и провозглашающее культ гнозиса».

Иов в данном случае субъект преодоления поклонения гнозису. Несмотря на то, что его главное стремление – познать Бога, способ познания он выбирает в корне отличающийся от того, который предлагают гностики (его друзья). Даже если мы посмотрим на финал текста, то увидим, что Иов так и не получает от Бога никакого знания: Иов получает переживание присутствия Творца – и ни одного ответа на заданные вопросы. Книга Иова предлагает читателю форму преодоленного каббалистического гностицизма, и поэтому она нужна Сорокину как первоисточник, с которого тематически начинается тот долгий диалог о гнозисе, к которому Сорокин подключается спустя около трёх тысяч лет после его начала.

Заключение.

Ледяная Трилогия – яркий закономерный феномен своего времени, которому, как и многим другим текстам современников Сорокина, свойственно сюжетное и мировоззренческое родство с Ветхозаветным Иовом в форме реализации архетипа Иов-ситуации на сюжетном и идеологическом уровне прочтения художественного произведения. Апелляция Сорокина к праведнику из земли Уц на самом видном месте – в эпилоге – свидетельствует о том, что это родство может быть понято самим автором и сознательно применено в качестве нарративной стратегии при создании художественного произведения. Эту тенденцию следует оценивать, как положительную с точки зрения существования сверхзадачи художественной литературы просвещать читателя и формулировать аксиоматику времени в художественной форме.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Безрукавая М.В. Романы В. Сорокина 2000-х годов: между постмодернизмом и модернизмом. Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 3(49).
2. Сорокин В.Г. Ледяная трилогия. Corpus, 2021. 800 с.
3. Татаринов А.В. Художественные тексты о евангельских событиях: жанровая природа, нравственная философия и проблемы рецепции : дис. ... д-ра филол. наук. 2006. 648 с.
4. Резниченко С. «Теллурия» как образ будущего. URL : <http://svpressa.ru/culture/article/76438/?rss=1>
5. Писатель Владимир Сорокин: «Мне надо согреться после «Льда». Интервью с Владимиром Сорокиным. URL : <https://iz.ru/446837/pisatel-vladimir-sorokin-mne-nado-sogretsia-posle-lda>
6. Иванова И.И. Репрезентация мотивов гностицизма в современной отечественной прозе / И.И. Иванова, Кубышкина В.О., А.А. Серебряков // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 45. С. 171–185.
7. Кубышкина В.О. Утопические идеалы в романах В. Сорокина «Лед» и «Теллурия» // Культура. Духовность. Общество. 2014. № 10. С. 58–65.

References:

1. Bezrukavaya M.V. V. Sorokin's novels of the 2000s: between postmodernism and modernism. Problems of history, philology, and culture. 2015. № 3(49).
2. Sorokin, V.G. The Ice Trilogy. Corpus, 2021. 800 p.
3. Tatarinov A.V. Artistic texts about evangelical events: genre nature, moral philosophy and problems of reception : dis. ... dr. philol. sciences'. 2006. 648 p.
4. Reznichenko S. «Tellurium» as an image of the future. URL : <http://svpressa.ru/culture/article/76438/?rss=1>
5. Writer Vladimir Sorokin: «I need to warm up after the Ice». Interview with Vladimir Sorokin. URL : <https://iz.ru/446837/pisatel-vladimir-sorokin-mne-nado-sogretsia-posle-lda>
6. Ivanova I.I. Representation of gnosticism motifs in modern Russian prose / I.I. Ivanova, V.O. Kubyshkina, A.A. Serebryakov // Bulletin of Tomsk State University. Philology. 2017. № 45. P. 171–185.
7. Kubyshkina V.O. Utopian ideals in V. Sorokin's novels «Ice» and «Telluria» // Culture. Spirituality. Society. 2014. № 10. P. 58–65.

Информация об авторе

Рысухин Владимир Сергеевич
преподаватель;
аспирант,
Кубанский государственный университет
op.irbis@gmail.com

Vladimir S. Rysukhin
Lecturer;
Graduate Student,
Kuban State University
op.irbis@gmail.com

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 18.02.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 15.03.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.03.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-1-7>

УДК 81

Attribution

cc by

ФОНЕТИЧЕСКАЯ ВАРИАНТНОСТЬ РУСИЗМОВ В ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ

Хематзадех Ф., Габдреева Н.В.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация. Статья посвящена исследованию фонетической вариантности русизмов в современном персидском языке, представляющей собой сложную и малоизученную область лингвистики. Основная тема исследования – анализ процессов адаптации русских слов к фонетической системе персидского языка и выявление факторов, обуславливающих существование различных вариантов произношения одного и того же русизма. Перед авторами стояли следующие задачи: во-первых, рассмотреть фонетические особенности персидского языка и сравнить его с русским языком; во-вторых, систематизировать и описать основные типы фонетических изменений, которым подвергаются русские слова при заимствовании в персидский язык (эпитеза, протеза, диереза и др.). Результаты исследования демонстрируют наличие значительной фонетической вариативности русизмов в персидском языке, обусловленной взаимодействием различных фонетических закономерностей персидского языка и особенностей звуковой структуры заимствованных слов. Анализ показал преобладание определённых типов фонетических адаптаций, а также зависимость выбора варианта произношения от контекста и социолингвистических факторов. Полученные данные позволяют глубже понять механизмы заимствования и адаптации лексических единиц в контактных языковых ситуациях и способствуют изучению дальнейших сопоставительных лингвистических исследований фонетики русского и персидского языков.

Ключевые слова: вариантность, русский язык, персидский язык, русизм, заимствование, протеза, эпитеза, диереза.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

PHONETIC VARIATION OF RUSSIANISMS IN THE PERSIAN LANGUAGE

Forouzan Hematzadeh, Natalia V. Gabdreeva

Kazan Federal (Volga region) University

Abstract. This article is devoted to the study of the phonetic variation of Russisms in contemporary Persian, a complex and under-researched area of linguistics. The main research topic is the analysis of the adaptation processes of Russian words to the Persian phonetic system and the identification of factors causing the existence of different pronunciation variants of the same Russism. The author's tasks were twofold: firstly, to consider the phonetic Specifics of the Persian language and compare it with the Russian language; secondly, to systematize and describe the main types of phonetic changes that Russian words undergo when borrowed into the Persian language (epithesis, prosthesis, diaeresis, etc.). The results of the study demonstrate the presence of significant phonetic variability of Russianisms in the Persian language, due to the interaction of various phonetic patterns of the Persian language and the features of the sound structure of borrowed words. The analysis showed the predominance of certain types of phonetic adaptations, as well as the dependence of the choice of pronunciation on context and sociolinguistic factors. The data obtained allow for a deeper understanding of the mechanisms of borrowing and adaptation of lexical units in contact language situations and contribute to the study of further comparative linguistic studies of the phonetics of the Russian and Persian languages.

Keywords: variation, Russian, Persian, russianism, loan word, prosthesis, epithesis, diaeresis.

Funding: Independent work.

Введение.

Когда слово переходит из одного языка в другой, оно подвергается фонетической адаптации, что-

бы соответствовать звуковой системе нового языка. Иностранные звуки, отсутствующие в языке-реципиенте, заменяются близкими или

© Хематзадех Ф., Габдреева Н.В.

похожими, существующими в этом языке. Структура слова, количество фонем и их порядок, как правило, сохраняются, благодаря межъязыковой идентификации фонем. Кроме того, могут изменяться просодические характеристики слова, такие как интонация, акцентуация и тембр, делая его более «родным» в контексте нового языка.

Русский язык, благодаря историческим и политическим связям, оказал заметное влияние на многие языки мира, в том числе и на персидский. Взаимодействие России и Ирана на протяжении веков, а также современные политические, экономические и культурные связи привели к проникновению значительного числа русских слов – русизмов – в персидский лексикон. Однако процесс заимствования не ограничивается простым переносом слов; он включает сложную адаптацию иноязычных элементов к фонологической системе принимающего языка.

Фонетические изменения, происходящие при переходе из одной языковой системы в другую, охватывают изменения в акцентологических, гласных и согласных звуковых системах. Изменения акцентологические затрагивают положение ударения в слове. Изменения в области гласных звуков могут включать замену одних гласных другими, появление или исчезновение дифтонгов, изменение их длительности. Изменения в области согласных звуков могут касаться замены одних согласных другими, появления или исчезновения отдельных согласных звуков, а также изменения их места артикуляции.

Обсуждение.

Ключевым аспектом данного исследования является анализ фонетической вариантности русизмов в персидском языке. В некоторых справочных материалах, понятия «вариантность» и «вариативность» употребляются как синонимы. Однако в современной лингвистике, особенно в социолингвистике и диалектологии, между этими терминами существует различие, хотя и тонкое.

Л.А. Вербицкая считает, что «вариативность – обязательная черта языка, она определяется языком, навязывается им» [2, с. 14].

В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой вариантность определяется как разнообразие и разнотипность речи, зависящее от условий употребления и социальных/территориальных характеристик говорящих [1, с. 43].

В лингвистике вариантность (от лат. *varians, variantis* – меняющийся) имеет два основных аспекта: она описывает различные способы выражения одной и той же языковой единицы, которые могут представлять собой отклонения от нормы, а также демонстрирует способ существования и функционирования языка как системы [3, с. 527].

Прежде чем рассмотреть типы фонетической вариантности русизмов, необходимо сказать несколько слов о фонетике персидского языка.

Персидский язык принадлежит к индоевропейской языковой семье и официально используется в Иране, Таджикистане и Афганистане, а также распространен в некоторых частях Узбекистана, Пакистана, Ирака и Индии. Несмотря на то, что часто используется термин «персидский язык» как единое целое, на самом деле, он представляет собой континуум диалектов, из которых три выделяются как стандартизированные литературные языки:

- Фарси: это официальный язык Ирана. Он является наиболее распространенным вариантом и служит стандартом для многих носителей персидского языка за пределами Ирана и часто используется как синоним «современного персидского языка»;
- Дари: это официальный язык Афганистана. Он очень близок к фарси, с незначительными различиями в произношении, лексике и грамматике;
- Таджикский: это официальный язык Таджикистана. Отличия от фарси и дари проявляются в лексике, грамматике и орфографии, в значительной степени из-за влияния русского языка.

В персидском языке всего 29 фонем – шесть гласных и двадцать три согласных. Классификация гласных звуков в персидском языке является предметом постоянных дискуссий среди иранистов. Не существует единого мнения относительно их точного состава, качества и фонологического статуса дифтонгов. Хотя большинство специалистов сходятся на существовании шести монофтонгов и двух дифтонгов, детали их артикуляции и классификации остаются спорными. Традиционно, персидский вокализм описывается как состоящий из шести монофтонгов: *ā, u, i, a, e, o*, и двух дифтонгов: *eu, ow*. Однако точное фонетическое описание этих звуков и их взаимоотношения требуют более детального рассмотрения.

Для качественной характеристики персидских гласных используется трёхмерная модель, основанная на трех основных артикуляционных признаках: ряд (передний, средний, задний), степень подъема языка и участие губ (лабиализация).

1. Ряд: Персидские гласные делятся на три ряда: передний (*i, e*), средний (*a*), задний (*ā, u, o*).
2. Степень подъема языка: в пределах каждого ряда выделяются два уровня подъема языка: верхний подъём (*i, u, e*), средний подъём (*a, ā, o*).
3. Участие губ (лабиализация): Этот параметр разделяет гласные на две группы: лабиализованные: *ā, u, o* (произносятся с округлением губ) и нелабиализованные: *i, e, a* (произносятся без округления губ).

В персидском языке звуки, традиционно называемые дифтонгами, такими как /ey/ и /ow/, обладают рядом особенностей, которые ставят под сомнение их классификацию как истинных дифтонгов. Дифтонг, по определению, представляет собой сочетание двух гласных звуков в пределах одного слога. Однако во втором элементе персидских /ey/ и /ow/ наблюдается ослабление артикуляции. Эти элементы (/i/iw/) функционируют скорее как полугласные (или полусогласные), чем как полноценные гласные звуки. Их можно квалифицировать как ослабленные, ненапряженные аналоги гласных /i/ и /u/. Ещё более весомым аргументом против классификации как дифтонгов является их поведение в морфологических контекстах. Перед гласными, например, в изафетных словосочетаниях, второй элемент /ey/ и /ow/ чётко переходит в согласный звук. — /i/ или /v/ соответственно. При этом первоначальный гласный и полугласный оказываются разделены на разные слоги. Рассмотрим пример слова *реу* («ступня», «след»). В словосочетании *ре-уе ра* («ступня ноги», «след ноги»), звук /y/ (уе — изафетный показатель) объединяется в отдельный слог с последующим гласным. Это демонстрирует, что в данном случае /y/ функционирует как согласный звук, а не как часть дифтонга. В заключение, на основании описанных фонетических и морфологических особенностей, более точным является описание /ey/ и /ow/ не как дифтонгов, а как гласных с последующим полугласным или монофтонгом с глитом [6, с. 19–22].

Персидский язык характеризуется наличием приблизительно 23 согласных фонем. Эта цифра является приблизительной, поскольку точное количество фонем зависит от принятой фонологической модели и может варьироваться в зависимости от анализа. Однако большинство исследователей сходятся на приблизительном числе около 23.

В работе И.К. Овчинниковой «Учебник персидского языка» персидские согласные классифицируются по трем параметрам: а) по артикулирующему органу, б) по способу образования преграды и в) по участию голоса [5, с. 15].

В своей работе И.К. Овчинникова предлагает описание согласных персидского языка, группируя их по месту образования. Она указывает на то, что при произнесении этих согласных в качестве артикуляторов задействованы язык, губы, зубы, язычок и гортань. Классифицируя согласные по способу образования, Овчинникова выделяет смычные, щелевые и дрожащие. При этом смычные она разделяет на чистые (включая носовые и неносовые) и аффрикаты, а щелевые — на срединные (однофокусные и двухфокусные) и боковые [там же].

Сравнение консонантных систем русского и персидского языков выявляет существенные количественные и качественные различия. Это различие проявляется как в отсутствии в одном

языке звуков, присутствующих в другом, так и в разных принципах организации фонемных систем. В персидском языке отсутствуют некоторые согласные, широко распространенные в русском. К ним относятся, например, [й], [ц], [щ], и [ы]. Наличие этих звуков является характерной чертой русского фонетического строя, и их отсутствие в персидском языке указывает на существенные отличия этих языков. В свою очередь, персидский язык располагает согласными, не имеющими аналогов в русском. Среди них можно выделить [j], [ɣ], и [h], отражающие специфику персидской артикуляции. Помимо различий в конкретном составе фонем, существуют различия в их организации. В русском языке согласные характеризуются оппозициями по звонкости/глухости и твердости/мягкости. Эти оппозиции являются фундаментальными для русской фонетики и влияют на морфологические процессы, например, чередование согласных в разных грамматических формах слов. В персидском же языке подобных оппозиций нет. Отсутствие противопоставления по звонкости/глухости и твердости/мягкости принципиально изменяет фонетический облик языка и упрощает его фонетическую структуру по сравнению с русским.

Результаты.

Существенные различия в фонетических системах русского и персидского языков, описанные выше, обуславливают необходимость фонетической адаптации русизмов при их заимствовании в персидский язык. Другими словами, русские слова, попадая в персидскую языковую среду, неизбежно подвергаются изменениям в своём звуковом облике, чтобы соответствовать артикуляционным нормам и фонологическим закономерностям персидского языка. Далее мы рассмотрим фонетические варианты:

Изменения акцентологические.

Разные языки демонстрируют различный подход к ударению. Персидский и русский языки имеют разные системы ударения. В русском языке ударение подвижно и может падать на любой слог слова, в то время как в персидском ударение, как правило, фиксировано. Ударение в персидском языке изучалось многими учеными.

Александр Ходзько — первый человек, исследовавший ударение в персидском языке. Он считает, что ударение в существительных, прилагательных и инфинитивах приходится на последний слог.

Согласно М. Мешкатоддини (иранский лингвист), в персидском языке ударение имеет фиксированное положение — на первом или последнем слоге слова. Расположение ударения определяется грамматическими характеристиками слова. В частности, в существительных и прилагательных ударение неизменно падает на последний слог. Эта закономерность сохраняется и в процессе словообразования, где ударение переносится на конечный суффикс [4, с. 100].

В персидском языке изменение места ударения иногда приводит к разнице в значении, например, в слове [vali], если ударение ставится на второй слог [vali], это означает «отец», а если оно ставится на первый слог [va'li], это означает «но».

В целом, можно сказать, что в персидском языке есть слова с одинаковыми фонемами, и иногда ударение вызывает семантическое и грамматическое различие между ними [7, с. 90].

В связи с положением ударения в персидских глаголах, Фаршидвард считает, что глаголы, имеющие приставки (mi, ne, be, m), имеют ударение на одних и тех же элементах, за исключением тех случаев, когда они сопровождаются наречиями (dar, bar, farā, foru). Эти наречия снимают ударение с других слогов глагола и присваивают его себе [там же].

Рассматривая положение ударения в русизмах в персидском языке, мы также видим, что в большинстве из них ударение перенесено на конечную часть слова. Например: *СУхарь* → *sūxārī*, *ГуберНАтор* → *governāTOR*.

Было найдено только одно заимствованное слово, значение которого в персидском языке может измениться при изменении ударения, и это слово [bānk-e] «банка». Если ударение ставится в начале слова, то оно означает «банк», а если оно ставится на последний слог, то оно передает значение «банка».

Изменения в области гласных и согласных звуков.

Когда персы заимствуют слова из русского языка, им приходится сталкиваться с трудностями из-за звуков и сочетаний звуков, отсутствующих в персидском языке. Чтобы сделать заимствованное слово произносимым, говорящие на персидском языке изменяют его, удаляя или заменяя недопустимые и нехарактерные согласные и гласные, а также добавляя или заменяя гласные.

Эпентеза, или вставка, — это фонетический процесс, заключающийся во вставке дополнительного звука или слога в слово. Этот звук обычно появляется между другими звуками, часто для облегчения произношения или для предотвращения сложных сочетаний звуков. Эпентеза может быть обусловлена различными фонетическими процессами, такими как ассимиляция, диссимиляция, или стремлением к сохранению определённой слоговой структуры. Согласно фонетическим правилам персидского языка, начало слова не может состоять из двух согласных звуков. Таким образом, при добавлении гласной [e] перед согласными в начальном слоге эти заимствованные слова изменяются фонетически. Например:

шпон → 'ešpo(u)n, *стель* → 'estep, *стакан* → 'estekān.

Также, для соблюдения фонетических правил персидского языка, часто происходит вставка гласных звуков [o] или [e] в середине двух начальных согласных. Например:

брезент → berezent, *бригада* → berigād, *дрожки* → doroške, *хлеб* → xelab, *хром* → xorom.

Апокопа и редукция гласных: Апокопа — это фонетический процесс отбрасывания (отсечения) конечного гласного звука в слове. Это приводит к укорочению слова и может изменить его звучание. В персидском языке множественное число образуется суффиксом [-ha] (в разговорной речи — [a]). Поскольку наличие конечного открытого слога с гласным [a] нетипично для персидского языка (за исключением нескольких имен собственных), заимствованные слова, оканчивающиеся на [a], претерпевают изменения. Например:

a > Ø: вакса → vāks, *ванна* → vān, *лента* → lent, *верстатка* → versād, *колбаса* → kālbās, *конфета* → kānfet.

В безударном положении гласные звуки русского языка подвергаются редукции — процессу, заключающемуся в укорочении их длительности и изменении артикуляции. Это изменение служит важным сигналом для определения места ударения в слове, а невыполнение редукции считается отклонением от литературной нормы. Примечательным моментом в редукции звучания русизмов в персидском языке является то, что во всех них гласная после взрывной согласной «к» превратилась в «е»:

a > e: бочка → boške, *банка* → bānke, *коляска* → kāleske, *замазка* → zāmāske, *жилетка* → jeliṭye, *закуска* → zākūckā, *шашка* → šuške

i > e: дрожки → doroške

o > e: окошко → 'āquške

Озвончение: *k > g: квадрат* → govādrāt, *касса* → gārse, *коленкор* → gālingor

b > p: бостон → fāstoni

Переход g > d: *чугун* → čodan

Геминация — это фонетическое явление, заключающееся в удвоении согласного звука. Это значит, что один и тот же согласный звук произносится дважды подряд, образуя длинный согласный, напр. *казак* → qazzāy, *шуметь* → šammāte

Синкопа — это процесс выпадения одного или нескольких звуков внутри слова. В персидском языке отсутствует аффриката [tʃ]. Поэтому для заимствования используются ближайшие по звучанию фонемы из имеющегося в персидском языке инвентаря. Аффриката [tʃ] заменяется последовательностью [t] и [s]. Это разложение аффрикаты на составляющие фонемы — один из способов преодоления фонетического несоответствия. Напримр, *царь* → tezār, *цемент* → sement, *щипцы* → šipsi.

Звук [ч] в русском языке является аффрикатой – сложным звуком, состоящим из двух элементов: смычного [т] и щелевого [ш]. В процессе заимствования в персидский язык происходит упрощение этого сложного звука. Компонент [т] выпадает, оставляя только щелевой компонент [ш]. Например, *бочка* → *boške*, *почтовый* → *poštovāy*.

Диереза или **выкидка**, представляет собой комбинаторное изменение звуков, заключающееся в выпадении одного или нескольких звуков внутри слова. Этот процесс может быть обусловлен стремлением к упрощению произношения и иногда связан с ассимиляцией или диссимиляцией. В персидском языке не характерны скопления трёх и более согласных подряд. Поэтому при заимствовании русских слов, содержащих такие скопления, они упрощаются. Для облегчения произношения один или два согласных из группы выпадают. Например, в слове «*мундштук*» [mundʃtu:k] сочетание согласных [нд] упрощается до одного согласного [ш], в результате чего слово приобретает форму [moʃtuk]. Другим примером является слово *верстатка* [versād], в котором согласный звук [т] выпадает в середине слова. Кроме того, в последнем слоге глухой согласный звук [т] изменился на звонкий согласный звук [д].

Изучая русские заимствования в персидском языке, мы также обнаружили ряд слов с атипичными фонетическими изменениями. Фонетические изменения этих слов не следуют ни одному из правил персидского языка. Слова, такие как [ʻeskenās] (от русского «*ассигнация*»), [ʻārdal] «*ординарец*» и [girvānke] «*гирька*». Некоторые из них также сохранили произношение практически без изменений. Например, слова *купе* [kupe], *борщ* [borʃ] и *мужик* [muʒik].

Заключение.

Анализ русских заимствований в персидском языке выявил неоднородность фонетических адаптаций. Часть заимствований демонстрирует нестандартные фонетические изменения, не поддающиеся объяснению с позиции известных правил персидской фонологии. Эти изменения могут указывать на процессы спонтанной фонетической адаптации, вероятно, связанные с устной передачей и стремлением к упрощению произношения. Наряду с этим, отмечается наличие заимствований, сохранивших практически неизменное произношение, близкое к русскому варианту. Данное наблюдение свидетельствует о существовании различных стратегий фонетической интеграции заимствований в персидский язык, зависящих, по всей видимости, от различных факторов, требующих дальнейшего изучения.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд. М. : Едиториал УРСС, 2004.
2. Вербицкая Л.А. Русская орфоэпия (К проблеме экспериментально-фонетического исследования особенностей современной произносительной нормы). Л. : ЛГУ, 1976.
3. Гаджиева Н.З. Тюркские языки // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1990.
4. Мешкатоддини М. Фонетическая структура персидского языка. Мешхед : Мешхедского университета, 2006.
5. Овчинникова И.К. Учебник персидского языка. М. : Московский университет, 1956.
6. Рубинчик Ю.А. Современный русский язык. М. : Восточная литература, 2001.
7. Фаршывдвард Хосров. Грамматика персидского языка, Тегеран : Сохан, 2003.

References:

1. Akhmanova O.S. Dictionary of linguistic terms. 2nd ed. M. : Editorial, 2004.
2. Verbitskaya L.A. Russian orthoepy (On the problem of experimental-phonetic study of the features of the modern pronunciation norm). L. : Leningrad State University, 1976.
3. Gadzhieva N.Z. Turkic languages // Linguistic encyclopedic dictionary. M. : Soviet encyclopedia, 1990.
4. Meshkatoddini M. Phonetic structure of the Persian language. Mashhad : Mashhad University, 2006.
5. Ovchinnikova I.K. Textbook of the Persian language. M. : Moscow University, 1956.
6. Rubinchik Yu.A. Modern Russian language. M. : Eastern Literature, 2001.
7. Farshidvard Khosrov. Grammar of the Persian language. Tehran : Sokhan, 2003.

Информация об авторах

Хематзадех Форузан

аспирант,
Казанский (Приволжский)
федеральный университет
hemmatzadehf@yahoo.com

Hematzadeh Forouzan

Graduate Student,
Kazan Federal (Volga region) University
hemmatzadehf@yahoo.com

Габдреева Наталия Викторовна

доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка
как иностранного,
Казанский (Приволжский)
федеральный университет
n.gabdreeva@mail.ru

Natalia V. Gabdreeva

Doctor of Philology,
Professor of the Department
of Russian as a Foreign Language,
Kazan Federal (Volga region) University
n.gabdreeva@mail.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 02.03.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.03.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.03.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-1-8>

УДК 070

Attribution

cc by

СТРАТЕГИИ МЕДИА В ПОСТРОЕНИИ ОБРАЗОВ ЖЕНЩИН – ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ В РОССИИ

Бай Ужилига

Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация. В статье исследуются стратегические подходы российских медиа к формированию и поддержанию образов женщин-политиков, оказывающих значительное влияние на политический дискурс и общественное восприятие гендерных ролей в политике. Авторы проводят комплексный анализ новостных публикаций, интервью и аналитических материалов, с целью выявления ключевых способов репрезентации женщин, занимающих государственные и партийные должности в России.

Научным интересом является понимание того, как медиа-стратегии влияют на общественное восприятие и легитимность женщин в политике, что особенно важно в контексте постепенно возрастающего числа женщин на высоких позициях. Результаты исследования могут быть полезны как для ученых, занимающихся изучением гендерной политики, так и для практиков, разрабатывающих стратегии коммуникации в политике.

Ключевые слова: женщины в политике, медиа стратегии, гендерные установки, политический имидж, стереотипы, социальное представление, феминизм, Эльвира Набиуллина, Валентина Матвиенко, Ирина Подносова.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

MEDIA STRATEGIES IN BUILDING IMAGES OF FEMALE POLITICAL FIGURES IN RUSSIA

Bai Wuriliga

Saint Petersburg State University

Abstract. The article examines the strategic approaches of the Russian media to the formation and maintenance of images of female politicians, who have a significant impact on political discourse and public perception of gender roles in politics. The authors conduct a comprehensive analysis of news publications, interviews, and analytical materials in order to identify key ways of representing women in government and party positions in Russia.

The scientific interest is to understand how media strategies influence public perception and legitimacy of women in politics, which is especially important in the context of the gradually increasing number of women in high positions. The results of the study can be useful both for scientists studying gender policy and for practitioners developing communication strategies in politics.

Keywords: women in politics, media strategies, gender attitudes, political image, stereotypes, social representation, feminism, Elvira Nabiullina, Valentina Matvienko, Irina Podnosova.

Funding: Independent work.

Введение.

В современном мире медиа играют ключевую роль в формировании общественного мнения и укреплении различных социальных стереотипов, в том числе и гендерных. Особое внимание, в этом контексте, привлекает образ женщин-политиков, который формируется в медиапространстве. В России эта тема имеет свою специфику из-за исторических, культурных и поли-

тических особенностей. Женщины, занимающие высокие государственные посты, регулярно становятся объектами внимания как со стороны СМИ, так и широкой общественности. Данная статья посвящена анализу медиа стратегий, используемых для создания образов женщин-политических деятелей в России, на примере Эльвиры Сахипзадовны Набиуллиной, Валентины Матвиенко и Ирины Подносовой.

Цель данного исследования заключается в анализе стратегий, применяемых медиа для формирования образов женщин-политических деятелей в России, а также в выявлении ключевых проблем и особенностей этого процесса.

Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к анализу медиа стратегий, применяемых для создания образов женщин-политиков, что редко рассматривается в российских и зарубежных публикациях.

Материалы и методы исследований.

Для достижения поставленных целей в статье используются как качественные, так и количественные методы анализа. Основными источниками исследования служат новостные статьи российских издательств, в которых отображаются образы рассматриваемых женщин-политиков. Для качественного анализа применяется метод дискурс-анализа, который позволяет выявить характерные особенности и тональности медиа повествования.

Обсуждение. Результаты.

1. Суть и некоторые проблемы формирования медиа стратегий

С наступлением второго десятилетия 21 века изменения в деятельности каждого отдельного государства и мира в целом набирают все большую скорость, и СМИ как никогда раньше готовы отвечать на важнейший запрос общества – а именно получение ежедневной информации о происходящем. Следует отметить, что при такой турбулентной трансформации средства массовой коммуникации приобретают значительную власть определения общественных идей и мнений касательно любой из сфер жизни. Предоставление информации о политических действиях занимает весомую часть деятельности массмедиа [1, с. 58–59].

Транслирование актуальных событий носит не чисто пропагандистский характер. Массмедиа действительно обращаются к фактическим элементам характера или поступков политического деятеля, однако, может отбирать интересующие её детали, которые решают какую-либо коммуникативную задачу [2, с. 115].

Агентство ВЦИОМ регулярно проводит опросы, выявляющие мнение граждан РФ на различные темы. Среди интересующих тем – женщины, занимающие политическую роль в современных реалиях государства. Рассмотрим результаты исследований о женщинах в политической сфере, проведенных и опубликованных ВЦИОМ. В 2020 году работа вышла под следующими заголовком и анонсом:

Сохранить прекрасный пол.

Популяризация традиционных ценностей и запрос на «сильную руку» меняют представление россиян о женщине в политике [3].

В анонсе заметна оппозиция «прекрасного пола» и «сильной руки», которая, скорее, попадает под стереотипные модели. Сочетание «прекрасного пола» акцентирует на внешность женщин, но не раскрывает политический характер действий [4, с. 90]. Данный анонс еще сильнее разграничивает образы мужчин и женщин в политике: широкое распространение консервативных семейных идей, малое количество ярких образов женщин-государственных деятелей в медиа платформах, устойчивая тенденция на избрание «сильных» политиков во главе государства, под которыми подразумеваются мужчины. Только в конце раздела публикации дается возможное объяснение запроса: россияне долгое время не наблюдали женщин в этом посту – «со времен Екатерины II».

Таким образом, несмотря на то что, что в самой статье указывается на преобладание гендерных стереотипов в обществе, контекстное построение статьи еще более усиливает данный эффект. Наблюдается использование стратегии на понижение с опорой на гендерные стереотипы.

В 2024 г. ВЦИОМ вновь проводит среди россиян мониторинговый опрос касательно вовлеченности женщин в политику. Публикация с обзором и результатами выходит со следующими заголовком и анонсом:

Женщины в политике: мониторинг.

Женщины-политики для россиян – это норма, а не исключение. По сравнению с мужчинами им приписывают большую эмпатичность, рассудительность и... эмоциональность! [3].

Можно предположить, что сочетание «норма, а не исключение» в первом предложении анонса вновь наводит на мысль об «исключительности» женщин в политической сфере. Выделение качества эмоциональности, сопровождаемого восклицательным знаком, после троеточия создает впечатление, словно это является самым важным качеством, которое стоит запомнить [5, с. 80]. Результаты исследования, прежде всего, указывают на частоту упоминания эмпатии и рассудительности, а эмоциональность входит в категорию недостатков.

Таким образом, в анонсе было использована тактика «переакцентирования».

Обратим внимание на один из разделов публикации со следующим названием:

Ничем не хуже мужчин.

Подобное сравнение вновь смещает акцент на преобладающую позицию мужчин-политических деятелей. Казалось бы, тут действует стратегия на повышение позиции женщин в глазах аудитории, однако в результате получается, скорее, подчеркивание «пониженной» позиции женщин в официальном руководстве.

2. Образ Эльвиры Сахипзадовны Набиуллиной в новостных статьях российских издательств.

Для описания карьеры и личной жизни Председателя Центрального банка РФ Эльвиры Сахипзадовны Набиуллиной была создана статья со следующим заголовком:

Кто такая Эльвира Набиуллина и что она делает с российской экономикой. Только главное и интересное — Глава ЦБ, повелительница ключевой ставки, укротительница курса рубля [6].

Стоит отметить, как метафора «повелевания», «укрощения» создает образ политика, которому принадлежит большая власть и сила. Подобное ощущение читателям транслируют также метафоры «разрушитель», «гроза финансистов». Однако подобное признание силы автором статьи может показаться несколько неискренним, если они стоят рядом с другими стереотипными образами, к примеру:

Как студентка-отличница и любитель искусства стала грозой финансистов всей страны — и за что её постоянно критикуют?

Автор статьи словно заставляет самого читателя поставить под сомнение профессиональные компетенции председателя ЦБ, говоря о том, что образ прилежной обучающейся, хобби которой является творчество, не может иметь значимости среди финансистов. Кроме того, вопрос: «За что её постоянно критикуют?» переакцентирует внимание на негативную реакцию насчет кредитно-денежной политики Набиуллиной, нежели на положительные отклики. Об эмоциональной составляющей характера политика говорят следующее:

Эмоции на публике проявляет редко. Но однажды, по словам дочери Евгения Ясина, Набиуллина расплакалась, после того как им нагрубил охранник консерватории за то, что Эльвира припарковалась слишком близко к входу.

Сам пример, приведенный автором после слов «но однажды», не говорит о свойственной политиком сдержанности в чувствах, как замечено в первом предложении, а интерпретируется читателем как эмоциональность. подкрепленное примером свойство, определенно, запомнится аудитории больше.

Следует отметить, как издания 2 года назад также опубликовало материал о Набиуллиной, схожий во многих моментах по содержанию, с заголовком: **Многозначительная Набиуллина. За что уважают и критикуют главу российского Центробанка [6].**

Образ таинственной женщины-политика подкрепляется эпитетами «многозначительная», «загадочные брошки». Отличие статей 2022 и 2024 годов состоит в том, что более ранняя публикация

в равной степени указывает на наличие как негативных мнений, так и положительных о методах проведения финансовой политики: «за что уважают и критикуют», «за что ее хвалят и критикуют, а также какой будет ее роль в новой реальности». Двойственность характера отмечается подзаголовком «Ранимый и принципиальный интеллигент против государственников». По такому же принципу сочетания противоположных черт построен заголовок статьи от издательства «Газета.ру»:

«Стальная Эльвира»: Economist выяснил, почему Набиуллину боятся подчиненные и уважают на Западе [7].

Приведенные примеры говорят о том, что, в большей степени, для описания профессиональной деятельности в новостных статьях используется не стратегия нейтральности, а стратегия на понижение.

3. Образ Валентины Ивановны Матвиенко в новостных статьях российских издательств.

В статье 2011 года от издательства «Ведомости» был опубликован материал, раскрывающий этапы становления профессиональной карьеры женщины-политика Валентины Матвиенко. В нем приведены множество слов о Матвиенко от других дипломатов, в том числе:

Когда в коридоре посольства раздавался стук ее каблуков, иные дипломаты прятались в туалете.

Я знаю женщин-политиков, которые в ситуациях, когда нужно выбить деньги, идут к начальству и плачут, используют женские чары.

Валентина Ивановна гордилась, что может по-мужски работать, что она не плачущая блондинка.

Она заплакала. У нее сочетается профессионализм с потрясающей женственностью.

Противники ее оскорбляли, было много грязи. Но она же женщина. Я видел: она сидела и плакала.

Новых идей она не предлагала, но, как говорится, коня и трепетную лань могла впрячь в одну телегу [8].

В данных отрывках можно заметить маркированные элементы гендера как категории, такие, как «стук каблуков», «женские чары». Плач прямо ассоциируется с характеристиками женщины, «блондинки» или «потрясающей женщины», что ставится в оппозиции с «мужской работой». Замечается, что при описании профессиональных качеств автор статьи использует метафору, не приводя конкретные примеры и давая примечание «как говорится, новых идей не предлагала». Данная метафора также включена в заголовок но-

востного материала, что не дает читателю конкретного понимания о политической активности Валентины Матвиенко. Кроме того, в заголовке указывается не конкретные имя и фамилия, а местоимение «она», что может транслировать образ женщин-политиков в целом. В приведенных примерах значителен эффект стратегии на понижение с опорой на гендерные стереотипы, тактика на переакцентирование.

Стоит отметить, как в столь ранней публикации настолько сильна гендерная категоризация при изображении политического портрета Матвиенко. В некоторых материалах приводится сравнение российского политика с Маргарет Тэтчер, известной для аудитории как «железная леди», к примеру:

«Русская Маргарет Тэтчер». Карьера и личная жизнь Валентины Матвиенко [9].

Уже в самом анонсе приводится «способность» быть не только профессиональным представителем власти, но и гражданином, успешно выполнившим свою традиционную социальную роль:

Валентине Матвиенко удалось не только построить карьеру, но и создать крепкую семью.

Особенности, приведенные в статье и собственные «железной леди», — «жесткий характер», «принципиальность», «твердость». Замечается, что в материале также применяется прием расположения качеств на весах, читателям показывается, что можно подчеркнуть в политике с одной стороны и с другой стороны:

Твердость сочетается в ней с удивительной широтой души.

Сильная женщина и опытный дипломат.

Прежде всего, это удивительно красивая женщина — интеллигентная, тактичная и душевная. При этом Валентина Ивановна — пророжденный лидер, обладающий железной волей, колоссальной харизмой.

На первый план приводится особенность внешности Матвиенко, затем ожидаемые для гендера индивидуальные качества. Только после этого перечисляются сильные черты Валентины Матвиенко как представителя власти, сопровождаемые оговоркой «при этом».

4. Образ Ирины Леонидовны Подносовой в новостных статьях российских издательств

В апреле 2024 года вступила на должность Представитель Верховного суда РФ Ирина Подносова. Следует обратить внимание на то, как СМИ охарактеризовывают женщину-представительницу судебной власти в настоящий момент, проследить, изменился ли характер медийного дискурса касательно женщин.

Нейтральный тон наблюдается в публикациях многих издательств сразу же после появления информации о новом кандидате на пост Представителя Верховного суда России в апреле 2024 года. «Известия» создало материал с нейтральным заголовком и подзаголовками:

Особо важное заседание: чего ждут от будущей главы Верховного суда [10].

Рекомендовали президенту.

Какие дела вела Ирина Подносова.

«Подготовлена к должности».

Стоит отметить, как в конструкциях отсутствуют маркеры, каким-либо образом отсылающие к гендерным суждениям [11, с. 77]. Кроме того, в подзаголовках употребляются слова, которые говорят о степени подготовленности Подносовой к реализации позиции. В содержании материала присутствует характеристика профессиональных качеств Подносовой без дополнительных коннотаций, как «хорошо подготовленный человек», «профессионал», «высококвалифицированный юрист», «внимательный ответственный человек, одна из достойнейших кандидатур», которая дополняется фактами из биографии о решенных судебных делах. Примечательно, что в названиях материалов, скорее, подчеркивается ее профессиональный бэкграунд, нежели личностные качества:

Председатель с земли [12]. «Непаркетный генерал». Назначен новый глава Верховного суда РФ [13].

Примечательно, что во втором заголовке прилагательный «новый» не изменяется на «новая», тем самым подчеркивая гендерную нейтральность сообщения, прежде всего, говорится о появлении нового человека на политической судебной арене, а не мужчины или женщины. В статьях содержатся выражения, указывающие исключительно на деловые качества и умения, не на внешность или характер: *Человек работал «на земле».*

Кандидат обладает блестящей квалификацией и всеми необходимыми знаниями.

Человек профессиональный, глубоко владеющий предметом.

Прошла, как положено, все ступени от земли. Поэтому она знает всю судебную систему, знает плюсы и минусы и над чем надо работать.

В заголовке и подзаголовках другого материала также не наблюдаются какие-либо акценты на гендерные качества государственного деятеля:

Помогла мигранту, посадила убийц. Какие приговоры выносила новая глава Верховного суда.

Бесследные процессы.

Судебный быт.

Авторитет и деловые качества.

«Правосудие ценно ко времени».

В одном из заголовков можно отметить эпитет, указывающий на характер Подносовой, однако, он также не причисляется к гендерному маркированию:

*«Не была карьеристкой»: вероятную главу Верховного суда Подносову назвали щепетильным руководителем [14] **ответственность и отзывчивость** к простым людям.*

*Ирина Александровна была очень **щепетильна** и не переносила никаких склок и аппаратных интриг.*

*Она вообще очень была **влюблена в свою профессию**.*

В конструкциях отмечается, скорее, происхождение политика и его отношение к своей работе, но не суждения окружающих о ней самой.

В целом во многих материалах приводятся слова дипломатов, не содержащие каких-либо гендерных маркеров и подчеркивающие профессиональную степень Подносовой и единое мнение руководителей о компетенции настоящей главы Верховного суда. Во всех перечисленных примерах четко отслеживается стратегия на повышение, или тактика анализ-плюс, при которой формируется образ профессионального и объективного политика.

мируется образ профессионального и объективного политика.

Заключение.

В исследовании было рассмотрено множество примеров реализации образа женщины-политического деятеля в новостных статьях, среди них – Валентина Матвиенко, Ирина Подносова и Эльвира Набиуллина. Отмечается, что, в большей степени, при описании деятельности Матвиенко и Набиуллиной используется стратегия на понижение с опорой на гендерные стереотипы, которые, прежде всего, связаны с внешностью и качествами, присущими в традиционном взгляде на характеристики личностей женского пола.

Построенные тексты по данной стратегии оттеняют оценку самих профессиональных качеств Матвиенко и Набиуллиной, несмотря на их компетентность в ключевых сферах государства. В значительной степени используется тактика на переакцентирование, когда внимание останавливается на «мужских» чертах политиков. В данном ключе, проявляется власть медиа в построении сильных ассоциаций женских профессиональных компетенций через мужские, что, в конечном счете, накладывает отпечаток на восприятие политики аудиторий.

Определенно, что политические СМИ все еще остаются значительно гендерно-маркированной средой, однако, имеют место плавные трансформации, на которых лежит будущее определение роли женщины-государственного деятеля для аудитории.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Михалёва О.Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.
2. Гавра Д.П. Основы теории коммуникации. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Юрайт, 2016. 282 с.
3. Женщины в политике: мониторинг // ВЦИОМ. 2024. 01 августа. URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/zhenshchiny-v-politike-monitoring>
4. Катенева И.Г. Манипуляции в текстах СМИ как эффективный инструмент политического воздействия и социального контроля (На материале предвыборной кампании 2011 года // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2011. Т. 11. № 6. С. 89–94.
5. Экономика и право : монография / А.А. Ардизинба [и др.]. Чебоксары : Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2023. 172 с.
6. Кто такая Эльвира Набиуллина и что она делает с российской экономикой. Только главное и интересное – Глава ЦБ, повелительница ключевой ставки, укротительница курса рубля // Секрет Фирмы. 2024. 16 января. URL : <https://secretmag.ru/enciklopediya/nabiullina.htm?ysclid=m87oww1trk5409171>

7. Вишневская Е. «Стальная Эльвира»: Economist выяснил, почему Набиуллину боятся подчиненные и уважают на Западе // Газета.ру. 2024. 02 июня. URL : <https://www.gazeta.ru/business/2024/06/02/19183249.shtml>
8. Мокроусова И. «Она коня и трепетную лань могла впрячь в одну телегу» // Ведомости. 2011. 19 сентября. URL : https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2011/09/19/silnaya_polovina
9. «Русская Маргарет Тэтчер». Карьера и личная жизнь Валентины Матвиенко // StarHit. 2024. 07 апреля URL : <https://www.starhit.ru/novosti/russkaya-margaret-tetcher-karera-i-lichnaya-jizn-valentinyi-matvienko-207225>
10. Менинбаева А. Особо важное заседание: чего ждут от будущей главы Верховного суда / А. Менинбаева, С. Кучушев, Я. Штурма // Известия. 2024. 16 апреля. URL : <https://iz.ru/1683329/alsu-menibaeva-stanislav-kuchushev-iana-shturma/osobo-vazhnoe-zasedanie-chego-zhdut-ot-budushchei-glavy-verkhovnogo-suda>
11. Корня А. Председатель с земли // Коммерсант. 2024. 17 апреля. URL : <https://www.kommersant.ru/doc/6650852>
12. Законова В. «Непаркетный генерал». Назначен новый глава Верховного суда РФ // Legal. Report. 2024. 17 апреля. URL : <https://legal.report/neparketnyj-general-naznachen-novyj-glava-verhovnogo-suda-rf>
13. Меньшакова Н.Н. Стратегии и тактики манипулятивности в политических статьях СМИ / Н.Н. Меньшакова, Е.В. Ильенков // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 1. С. 76–86.
14. Вазенина К. «Не была карьеристкой»: вероятную главу Верховного суда Подносову назвали щепетильным руководителем // MKRU. 2024. 01 апреля. URL : <https://www.mk.ru/social/2024/04/01/ne-byla-kareristkoy-veroyatnuyu-glavu-verkhovnogo-suda-podnosovu-nazvali-shhepetilnym-rukovoditelem.html>

References:

1. Mikhaleva O.L. Political discourse: The specifics of manipulative influence. М. : LIBROCOM Book House, 2009. 256 p.
2. Gavra D.P. Fundamentals of the theory of communication. 2nd ed., corrected and add. М. : Yurayt, 2016. 282 p.
3. Women in politics: monitoring // VTsIOM. 2024. August 01. URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskie-obzory/zhenshchiny-v-politike-monitoring>
4. Kateneva I.G. Manipulation in media texts as an effective tool of political influence and social control (Based on the material of the 2011 election campaign // Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History. Philology. 2011. Vol. 11. № 6. P. 89–94.
5. Economics and law: A monograph / A.A. Ardizinba [et al.]. Cheboksary : Limited Liability Company Publishing House Wednesday, 2023. 172 p.
6. Who is Elvira Nabiullina and what is she doing with the Russian economy? Only the main and interesting thing is the Head of the Central Bank, the mistress of the key rate, the tamer of the ruble exchange rate // The Secret of the Company. 2024. January 16. URL : <https://secretmag.ru/enciklopediya/nabiullina.htm?ysclid=m87oww1trk5409171>
7. Vishnevskaya E. «Steel Elvira»: The economist found out why Nabiullina is feared by subordinates and respected in the West // Gazeta.ru. 2024. June 02. URL : <https://www.gazeta.ru/business/2024/06/02/19183249.shtml>
8. Mokrousova I. «She could harness a horse and a trembling doe into one cart» // Vedomosti. 2011. September 19. URL : https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2011/09/19/silnaya_polovina
9. «The Russian Margaret Thatcher». The career and personal life of Valentina Matvienko // StarHit. 2024. April 07. URL : <https://www.starhit.ru/novosti/russkaya-margaret-tetcher-karera-i-lichnaya-jizn-valentinyi-matvienko-207225>
10. Meninbayeva A. Specially important session: What they expect from the future head of the Supreme Court / A. Meninbayeva, S. Kuchushev, Y. Shturma // Izvestia. 2024. April 16. URL : <https://iz.ru/1683329/alsu-menibaeva-stanislav-kuchushev-iana-shturma/osobo-vazhnoe-zasedanie-chego-zhdut-ot-budushchei-glavy-verkhovnogo-suda>
11. Kornya A. Chairman from the ground // Kommersant. 2024. April 17. URL : <https://www.kommersant.ru/doc/6650852>
12. Zakonova V. «Neparket General». A new head of the Supreme Court of the Russian Federation is appointed // Legal. Report. 2024. April 17. URL : <https://legal.report/neparketnyj-general-naznachen-novyj-glava-verhovnogo-suda-rf>
13. Menshakova N.N. Strategies and tactics of manipulateness in political articles of mass media / N.N. Menshakova, E.V. Ilyenkov // Eurasian Humanitarian Journal. 2024. No. 1. P. 76–86.
14. Vazhenina K. «She was not a careerist»: the likely head of the Supreme Court, Podnosova, was called a scrupulous leader // MKRU. 2024. April 01. URL : <https://www.mk.ru/social/2024/04/01/ne-byla-kareristkoy-veroyatnuyu-glavu-verkhovnogo-suda-podnosovu-nazvali-shhepetilnym-rukovoditelem.html>

Информация об авторе

Бай Ужилига

аспирант,
Санкт-Петербургский
государственный университет
baiwuriliga@gmail.com

Bai Wuriliga

Graduate Student,
Saint Petersburg State University
baiwuriliga@gmail.com

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 03.03.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.03.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.03.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-1-11>

УДК 070.15

Attribution

cc by

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ (НА ПРИМЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОРТАЛА «ТАКИЕ ДЕЛА»)

Чередниченко Л.В., Иванов Д.С.

Тихоокеанский государственный университет

Аннотация. Данная статья посвящена определению жанровых особенностей социальной журналистики, которая занимает особое положение в современном медиапространстве и общественных отношениях, в контексте ее функционально-целевого назначения. Актуальность данного исследования обусловлена запросом журналистского сообщества на поиск наиболее эффективных форм предъявления социально значимого проблемного контента. Цель исследования – раскрыть жанровые особенности социальной журналистики на примере материалов информационного портала «Такие дела». В работе обозначено функционально-целевое назначение и типологические особенности социальной журналистики, выделены характерные для социальной журналистики жанры, которые способствуют эффективному решению задач социальной журналистики. Материалом исследования послужили публикации информационного портала «Такие дела» опубликованные с 01 по 31 октября 2024 года (всего было проанализировано 104 публикации). При написании работы использовались описательно-аналитический, сравнительно-сопоставительный методы исследования и метод контент-анализа. Авторы статьи приходят к выводу, что основу жанровой модели социальной журналистики, несмотря на активное развитие цифровых форм предъявления информации, составляют классические жанры; среди них наиболее значимыми в репрезентации социальных проблем являются те, которые создают эффект прямого включения в проблемные ситуации и представляют истории простых людей.

Ключевые слова: социальная журналистика, новые медиа, типология СМИ, функции журналистики, жанры журналистики.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

GENRE FEATURES OF SOCIAL JOURNALISM (USING THE EXAMPLE OF THE INFORMATION PORTAL «TAKIE DELA»)

Lyudmila V. Cherednichenko, Dmitry S. Ivanov

Pacific National University

Abstract. This article aims to identify the genre features of social journalism, which holds a unique position in the modern media landscape and societal relations, within the context of its functional and purposive orientation. The relevance of this study stems from the journalistic community's demand for effective forms of presenting socially significant problem-oriented content. The research objective is to explore the genre features of social journalism through an analysis of materials published on the «Takie Dela» information portal. The study outlines the functional-purpose orientation and typological characteristics of social journalism, identifying genres inherent to it that facilitate the effective resolution of its objectives. The research material includes publications from the «Takie Dela» portal dated October 1–31, 2024 (104 publications in total). The methods employed include descriptive-analytical, comparative-contrastive approaches, and content analysis. The authors conclude that, despite the active development of digital formats, classical genres remain central to the genre model of social journalism. Among these, the most significant for representing social problems are genres that create an effect of direct immersion into problematic situations and foreground the stories of ordinary people.

Keywords: social journalism, new media, media typology, functions of journalism, journalism genres.

Funding: Independent work.

Введение

Социальная журналистика (или «журналистика соучастия») в научном и общественном контексте понимается как одна из форм журналистской деятельности, где в центре работы издания стоит освещение жизни уязвимых групп населения, их проблем, поиска решений и поддержки. Сектор гуманитарных исследований предлагает несколько подходов к определению социальной журналистики: «тематическая специализация журналистов, объектом которой является социальная сфера и человеческая повседневность, а также смежные с ней реалии; предметно определенная совокупность текстов СМИ, отражающая эти реалии; особая позиция, акцентирующая гуманитарные приоритеты в оценке реалий; своеобразие технологических аспектов профессиональной деятельности; непосредственное участие граждан в производстве и обмене информацией» [8, с. 152].

В рамках социальной журналистики можно рассматривать группу регулярных и оставшихся в истории СМИ, которые оформились как отдельная ветвь журналистской деятельности, сфокусированная, в первую очередь, на гуманистических ценностях и помощи человеку. Т.И. Фролова связывает появление социальной журналистики с «поворотом к человеку», который произошел как в медиа, так и в гуманитарных науках [10, с. 47].

Главной миссией социальной журналистики является, в первую очередь, обращение к человеку, улучшение условий его жизни и решение острых проблем в обществе. Это предполагает решение следующих функциональных задач:

1. Помощь человеку в конкретной ситуации и создание на ее основе алгоритма для решения той или иной социально значимой проблемы.
2. Обращение к новым проблемным темам для их оценки и отслеживания изменений, побуждение читателя к социально активной позиции.
3. Организация площадки для выражения новых взглядов и оценок, недопущение замалчивания и невнимания к социально важным проблемам.
4. Предоставление полной информации о состоянии социальной сферы и участие в осуществлении социальной политики и функционировании общественных институтов.
5. Нормализация общественных отношений с поддержкой равновесия интересов, предоставления разных точек зрения и организация равного диалога для всех социальных групп.
6. Моральная поддержка людей и помощь в преодолении чувства одиночества и безысходности, рассказывание об опыте других людей, напоминание о возможности помочь другому.

7. Осваивание новых жизненных реалий, помощь в приспособлении к меняющемуся миру и ориентации в нем, стимулирование творческой жизненной активности и в особенности индивидуальной инициативы [2], [8, с. 154].

Социальная журналистика предполагает и особенности репрезентации своей деятельности. В зависимости от миссии, понимания редакциями целей и задач своей деятельности социальная журналистика может быть адвокативной, фандрайзинговой, конструктивной журналистикой решений [3, с. 71]. Пройдя тридцатилетний процесс метаморфоз наравне с другими СМИ – процессы дигитализации и конвергенции – социальная журналистика приобрела определенные формы предъявления социально значимой информации, расширила возможности эффективного воздействия на общественное сознание за счет интерактивного потенциала сетевой журналистики [6, с. 155].

Результаты

Жанровую модель можно считать основополагающей в формировании контента социальных журналистов, а также в максимизации эффекта журналистского намерения. Жанры и форматы, как определенный «скелет» продукта, обрамляет все последующее повествование и заложенные профессионалом идеи и смыслы, которые предъявляются аудитории при помощи как вербальных, так и невербальных элементов. Говоря о классических жанрах в журналистике соучастия, специалисты этого направления выделяют определенную матрицу форм материалов, которые по прошествии времени показали наибольшую эффективность, и которые актуальны для социальной журналистики до сих пор. Среди них называются жанры всех трех категорий: информационные, аналитические и художественно-публицистические. Однако стоит отметить, что журналисты в соответствии с поставленными задачами меняют привычный предмет отображения жанра для наибольшего усиления эффекта.

Среди жанров информационной группы наиболее заметным в журналистике соучастия является репортаж, который Т.И. Фролова обозначает как «социальный» [10, с. 273]. Актуальность репортажа в журналистике соучастия подтверждается исследованием Е.Ю. Юдиной, в котором отмечается, что 80 % опрошенных специалистов назвали репортаж «наиболее удобными для написания социально ориентированных материалов» среди информационных жанров [11, с. 145]. Это обусловлено особенностями формы: центральное место человека в материале, присутствие героев; возможность сфокусироваться на деталях; прямое включения читателя в происходящее; динамика повествования, способная захватить читателя.

В журналистике соучастия репортаж в большей степени приобретает черты художественного

жанра. Первоочередной задачей журналиста является работа с образами, которые могут быть близки читателю и раскрывать новые смыслы материала. Это наблюдается в подходе к репрезентации того или иного события, так как журналистика соучастия не стремится за мейнстримными темами и по большей части обращает внимание именно на те сюжеты, которые важны с точки зрения миссии издания и гуманистической цели. Поэтому репортаж остается одним из самых востребованных жанров социальной журналистики, который позволяет максимально точно сфокусироваться на человеке и социально значимых проблемах.

Другим популярным информационным жанром журналистики соучастия выступает интервью. В отличие от других журналистских жанров, используемых в социальных СМИ, интервью не включает в себя трансляции определенной действительности и сюжетов с «героями», а концентрируется на поиске причин тех или иных проблем и способах их решения.

Опрос Е.Ю. Юдиной среди журналистского сообщества показал, что 46,7 % специалистов считают интервью самым популярным и наиболее встречаемым в современных СМИ [11, с. 145]. Данная статистика демонстрирует заинтересованность аудитории в информативном и профессиональном контенте, к которому и обращаются социальные журналисты. Чаще всего интервью в социальных СМИ ведутся с экспертами из сфер интересов издания, которые работают в дружественных НКО. Такой подход к содружеству плодотворен всем участникам коммуникации: журналисты получают контакты к профессионалам, которые могут предоставлять важную информацию для СМИ, а некоммерческие организации имеют возможность привлечь внимание и возможную материальную помощь к своему учреждению.

Таким образом, использование интервью в сфере социальной журналистики способствует решению нескольких журналистских задач: анализ социальной проблемной ситуации и поиск ее решения; предоставление аудитории информации, которая может иметь практическую значимость и помочь в решении социальных проблем; привлечение внимания к некоммерческим организациям, которые работают с проблемными ситуациями, помощь в продвижении НКО.

Аналитические жанры также занимают важное место в контенте социальной журналистики. Закладывая в своей основе миссию по улучшению жизни общества, а также задачи по решению социальных проблем, аналитические материалы выступают средством для наиболее полного раскрытия конфликтных ситуаций, включения сразу нескольких точек зрения, причин и следствий проблем, а также способов их решения. М.А. Бондаревская выделяет несколько наиболее популярных аналитических жанров в журна-

листике соучастия: корреспонденцию, статью, обозрение, расследование, комментарий [1].

Вышеперечисленные аналитические жанры выполняют задачи в репрезентации социальных проблем: детальный и многосторонний разбор ситуаций, выявление причин и следствий, а также приблизительные прогнозы и способы по решению. Различаться эти материалы могут по предмету отображения. Например, если в корреспонденции для журналиста важно продемонстрировать и проанализировать локальную проблемную ситуацию с максимальной оперативностью, то комментарий будет отвечать за взвешенный анализ компетентных лиц, наполненный аргументацией и возможными исходами [5, с. 83]. В отличие от информационных и художественно-публицистических жанров, аналитические нацелены не на героев и их истории, не на стимулирование эмоционального отклика читателя к теме материала, а именно на факты и максимальную пользу информации.

Художественно-публицистические жанры в социальной журналистике часто направлены именно на эмоциональную составляющую, привлекая таким образом читателя к проблеме или проблемной ситуации, а также демонстрируют уникальный человеческий опыт в той или иной сфере. М.А. Бондаревская связывает уникальность и частое обращение к художественно-публицистическим жанрам в социальных СМИ с тем, что «журналист может выразить свою позицию в них, и уже этим воздействовать на аудиторию» [1, с. 104].

Наиболее популярным художественно-публицистическими жанром в журналистике соучастия является очерк, предпочтение которому отдали 73,3 % опрошенных Е.Ю. Юдиной журналистов [11, с. 45]. Актуальность очерка в социальной журналистике, в первую очередь, определяется предметом отображения, а именно описываемой «чередой ситуаций, образующих путь человека в социальном пространстве в условиях преодоления препятствий – разрешения проблем» [5, с. 133]. Очерк позволяет журналисту не только продемонстрировать различные ситуации и предоставить своеобразную модель действий для читателя в той или иной социально-конфликтной ситуации, но и с помощью художественности жанра привлечь наибольшее внимание к описываемой проблеме, а также повлиять на гуманистические ценности и активную социальную позицию читателя.

Другим популярным художественно-публицистическим жанром в журналистике соучастия является житейская история, которую выделило 60 % респондентов [9, с. 45]. Житейская история повествует о герое и его пути и направлена на «ломание стереотипов» и подготовку читателя к нестандартным ситуациям, которые его могут ждать [5, с. 123]. Эта форма позволяет сформировать эмоциональную связь аудитории с теми или иными проблемами в обществе и их героя-

ми, а также стимулировать ее на поиск решений даже в самых нестандартных ситуациях. Житейская история наиболее полно отвечает одной из основных задач журналистики соучастия, заключающейся в фокусе на простых людях и повествовании о них.

Информационный портал «Такие Дела» относится к социально активным медиа, которые направлены на освещение проблем общества, поиск способов их решения и организацию помощи нуждающимся людям. Редакция относит свою деятельность к «журналистике решений», акцентирующей внимание на поиске решения проблемы. Издание имеет яркую гуманистическую миссию, в центр всех своих материалов ставит именно человека, формируют у своей аудитории определенный стиль жизни, где каждый человек может помочь нуждающимся и сам быть вдохновлен на улучшение жизни социума. Журналисты говорят о проблемах в разных сферах человеческой жизни, ищут решение и показывают на примере жизни героев, как можно выбраться из затруднительного положения и жить дальше.

«Такие Дела» публикует новостные, авторские, редакционные и комментарийные материалы. Новостные не являются центральным фокусом в работе издания и лишь создают определенную картину мира и информационное поле для своей аудитории. Они не занимают топовые места на главной странице портала и получают наиболее полное распространение в телеграм-канале и на других социальных платформах. Основными формами репрезентации контента являются репортаж, житейская история, обзорное, профайл и другие журналистские жанры и форматы.

Для рассмотрения жанровой матрицы информационного портала «Такие Дела» методом сплошной выборки были отобраны материалы, опубликованные в октябре 2024 г. Детальный анализ журналистских материалов проводился по первым трем наиболее популярным жанрам издания, являющимся наиболее востребованными в социальной журналистике. Проведенный анализ позволил выявить не только жанры, которые являются приоритетными для портала «Такие Дела», но и частоту их появления.

В исследуемый период жанры на портале представлены в следующем процентном соотношении: короткая заметка – 31 из 104 материалов (29,8 % от всех материалов); расширенная заметка – 35 из 104 материалов (33,7 % от всех материалов); репортаж – 7 из 104 материалов (6,7 % от всех материалов); житейская история – 7 из 104 материалов (6,7 % от всех материалов); обзорное – 4 из 104 материалов (3,8 % от всех материалов); очерк – 3 из 104 материалов (2,9 % от всех материалов); интервью – 2 из 104 материалов (1,9 % от всех материалов); материалы со смешением жанровых признаков – 15 из 104 материалов (14,4 % от всех материалов).

© Чередниченко Л.В., Иванов Д.С.

Обсуждение

Для социальной журналистики, к которой относится издание «Такие Дела», репортаж является самым частым и наиболее полным для реализации функций жанром. С помощью репортажа журналист может проиллюстрировать конфликтные ситуации, истории людей, которые нуждаются в помощи, и тем самым способствовать огласке и поддержке уязвимых групп. Журналистское присутствие, а также взгляд «здесь и сейчас» в репортажных материалах позволяет затрагивать чувства аудитории, и создавать те образы, которые смогут побудить целевую аудиторию приступить к действиям.

Сюжеты в репортажах «Таких дел» – нетривиальные истории, журналисты портала подходят к созданию репортажей через громкую новость, или событие, но используют при этом собственные истории, которые могут наглядно показать эффект и суть этих событий и явлений. Репортажи «Таких дел» создаются по уникальным историям, поэтому смотрятся намного живее, и чаще всего наиболее точно описывают действительность, на которую влияют те или иные факторы.

Примером такого материала является публикация Андрея Кузнецова «Собака, приближенная к боевой» [4], повествующая о работе приюта для бездомных животных в Курске, который несколько месяцев работает в условиях боевых действий. Это событие-ситуация является предметом отображения в материале, охватывая как проблемы самих работников приюта, так и эвакуировавшихся хозяев животных, которых отдали в этот приют, либо нашли волонтеры. В отличие от других материалов портала, этот текст не имеет доната, и поэтому аудиторию вовлекают только через погружение в саму ситуацию и ее проблему, при этом только иллюстрируя ее, и не предлагая какой-то помощи, но говоря о тех волонтерских организациях, которые работают на месте. Построение фактологического ряда в материале позволяет последовательно раскрыть проблемы людей, спасающих собак из боевых действий и ухаживающих за ними. Экспрессивная лексика присутствует на уровне цитат самих героев материала. Сюжет построен по схеме «один день работы», где журналист наблюдает за деятельностью приюта и параллельно расспрашивает работников о тех или иных особенностях в новых условиях деятельности. Материал выполнен по всем канонам журналистского жанра, через историю приюта наглядно показаны эффект, суть трагических событий и явлений, проблемы, с которыми сталкиваются жители Курской области.

Житейская история, также, как и репортаж, является основным жанром для социальной журналистики, который позволяет наглядно представить судьбу человека, его жизненные трудности, или, наоборот, достижения и помощь другим. Житейские истории «Таких дел» – это материа-

лы, которые либо заказываются какой-либо организацией для своего продвижения и сбора средств, либо самостоятельные истории, которые находят журналисты, чтобы помочь людям и организациям. Житейские истории, в отличие от других материалов, не включают в себе инфоповода или актуальности, а направлены именно на рассказ истории героя, что соответствует характеристикам художественно-публицистических жанров. В таких материалах используется метод сторителлинга, автор может выступать как «сторонним рассказчиком», так и человеком, который погружен в события и является «второстепенным персонажем».

Например, материал «Я живу нормально и могу помочь» [7] журналиста Ильи Семенова и фотографа Лизы Жаковой рассказывает историю Алексея, который в прошлом был бандитом и наркоманом, но после того, как заразился ВИЧ, смог отказаться от наркотиков и стать волонтером для других ВИЧ-инфицированных, оказывая им помощь. Его история является предметом отображения, заключающим в себя нетипичную судьбу. В целом, вся история Алексея построена на расширении кругозора и ломании стереотипов, демонстрируя трансформацию человека после борьбы с зависимостями и собственными кризисами. Оценок в материале нет, факты и фактоиды отображены на протяжении всего текста, так как автор выступает в качестве рассказчика и ведет повествование от третьего лица, что обуславливает такую структуру эмоционально-выразительных средств. Композиция подчинена принципам сторителлинга и охватывает полную историю трансформации Алексея: и его нынешнюю деятельность, и его чувства. Материал охватывает в повествовании и деятельность благотворительной организации «Гуманитарное действие», которая помогла Алексею научиться жить по-другому. В конце материала есть ссылка на донат, что содействует вовлечению аудитории в эту тему и выполняет роль призыва. Фотоматериалы в тексте дополняют содержание, позволяют увидеть героя время работы, его эмоции и усиливают воздействие публикации.

Одинаковое количество житейских историй и репортажей может говорить о том, что журналисты уделяют равное внимание людям и их судьбам, а также тем обстоятельствам и событиям, через которые они проходят. Популярность этих жанров прямо отвечает миссии портала.

Обозрение не является основным жанром для «Таких Дел» и публикуется на портале не чаще четырех раз в месяц. Материалы в этой форме могут быть посвящены как экономической тематике (как, например, повышение ключевой ставки и ее влияние на ипотеку), так и захватывать социальные сферы, разбирая какой-либо законопроект и его эффекты, или же отдельно взятые события. Обозрения создаются на интересующие аудиторию темы, имеют утилитарное значение и эксклюзивные прогнозы, и информацию,

что создает положительный фон для этих материалов и соответствует интересу аудитории.

Очерк, как художественно-публицистический жанр, также характерен для социальных медиа в принципе, однако в контент-анализе материалов портала он, наоборот, является наименее распространенным жанром. Скорее всего, это связано с тем, что очерки в «Таких делах» определенными героями-авторами, у которых есть интересные истории, в то время как житейскими историями и репортажами занимаются уже журналисты.

Очерки в «Таких делах» строятся по-разному. С одной стороны, предметом отображения может выступать история героя, с котым связаны несколько ситуаций и общий нарратив, вывод между ними. С другой — очерки могут затрагивать истории сразу нескольких людей, которых объединяет либо одна проблема, либо одна жизненная ситуация, из чего строится уже общий нарратив и вывод, что создает положительный эффект для материала, как с функциональной точки зрения, так и с точки зрения интереса аудитории.

Интервью на портале публикуются редко, это не характерный для социальной журналистики жанр. Он не имеет той «динамичности» и «живости», которая характерна для материалов социальной журналистики, через них трудно показать окружающую обстановку, сыграть на эмоциях, воздействовать на аудиторию. Интервью «Таких дел» экспертные, посвящены острой проблеме, которую анализируют специалисты. Такие материалы больше направлены не на раскрытие личности героя, а на получение важной для аудитории информации.

Материалы информационного портала «Такие Дела» созданы на основе классических журналистских жанров, которые способствуют наиболее полной и эффективной реализации функций социальной журналистики. Традиционные формы, дополненные визуальными форматами, образуют уникальные сочетания, добавляют новые смыслы.

Заключение

Социальная журналистика является направлением, которое, в первую очередь, ориентировано на человека и его место в мире, помогая ему преодолевать проблемные ситуации, привлекает внимание к ним, мобилизует общество для их решения. Реализация функций и задач социального медиа предполагает особый подход к выбору формы журналистского материала. Для презентации социальных конфликтов и проблемных ситуаций социальная журналистика обращается к наиболее эффективным традиционным жанрам, которые позволяют полно реализовать функции, сформировать эффекты социального воздействия.

Анализ информационного портала «Такие Дела» показал, что классические жанры являются

неотъемлемой частью репрезентации социальных проблем, особенно те, которые имеют эффект прямого включения в ситуации и раскрывают истории простых людей. Репортаж и группа художественно-публицистических жанров способны не только привлечь читателя к важным проблемам и прямо повлиять на их решение, но и дать полезную информацию для регулирования собственной жизни и формирования социально-активной позиции. Социальная журналистика берет на себя освещение не самых акту-

альных и известных тем, однако жанровая модель, в рамках которой репрезентуется действительность, способна создавать уникальные продукты социальной направленности. Существовая как особый институт, связывающий людей из уязвимых групп населения, гражданское общество и власть, социальный журналист выполняет функцию регулирования отношений между ними, организации помощи и поиска решений тех или иных проблем.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Бондаревская М.А. Жанровое своеобразие современной социальной журналистики (на примере журнала «Русский репортер») // Медиасреда. 2017. № 12. С. 100–107.
2. Дзялошинский И.М. Журналистика соучастия. Как сделать СМИ полезными людям. М. : Престиж, 2006. 104 с.
3. Иванян Р.Г. Оптика солидарности в современной социальной журналистике // Современные СМИ в контексте информационных технологий : сборник научных трудов 9-ой Всероссийской научно-практической конференции – 2023, Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2023 года. СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2024. С. 70–73.
4. Кузнецов А. Собака, приближенная к боевой // Такие Дела. 2024. URL : <https://takiedela.ru/2024/10/sobaka-priblizhennaya-k-boevoy> (дата обращения 10.01.2025).
5. Лазутина Г.В. Жанры журналистского творчества : учеб. пособие для студентов вузов. М. : Аспект Пресс, 2012. 320 с.
6. Олешко В.Ф. Социальная журналистика в контексте развития тенденций цифровизации контента // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2023. № 4. С. 152–155.
7. Семенов И. «Я живу нормально и могу помочь» // Такие Дела. 2024. URL : <https://takiedela.ru/2024/10/ya-zhivu-normalno-i-mogu-pomoch> (дата обращения 10.01.2025).
8. Фролова Т.И. Предметно-функциональные особенности социальной журналистики // Известия БГУ. 2014. № 2. С. 150–156.
9. Фролова Т.И. Социальная журналистика: двадцать лет спустя // Вестн. Моск. ун-та. Серия 10: Журналистика. 2023. № 6. С. 118–146.
10. Фролова Т.И. Человек и его мир в информационной повестке дня. Гуманитарные технологии в журналистике : учеб. пособие по соц. жур-ке. М. : АСИ, 2009. 288 с.
11. Юдина Е.Ю. Жанрово-тематические особенности подачи социальных материалов в интернет-изданиях // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2015. № 1. С. 41–47.

References:

1. Bondarevskaya M.A. Genre originality of modern social journalism (on the example of the magazine «Russian Reporter») // Mediasreda. 2017. № 12. P. 100–107.
2. Dzyaloshinsky I.M. Participatory journalism. How to make the media useful to people. M. : Prestige, 2006. 104 p.
3. Ivanyan R.G. Optics of solidarity in modern social journalism // Modern media in the context of information technology: collection of scientific papers of the 9th All-Russian scientific and practical conference – 2023, St. Petersburg, November 14–15, 2023. SPb. : St. Petersburg State University of Industrial Technology and Design, 2024. P. 70–73.
4. Kuznetsov A. A dog close to a fighting one // Takie Dela. 2024. URL : <https://takiedela.ru/2024/10/sobaka-priblizhennaya-k-boevoy> (date of application 10.01.2025).
5. Lazutina G.V. Genres of journalistic creativity : textbook for university students. M. : Aspect Press, 2012. 320 p.
6. Oleshko V.F. Social journalism in the context of the development of content digitalization trends // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philology. Journalism. 2023. № 4. P. 152–155.
7. Semenov I. «I live normally and can help» // Takie Dela. 2024. URL : <https://takiedela.ru/2024/10/ya-zhivu-normalno-i-mogu-pomoch> (date of application 10.01.2025).
8. Frolova T.I. Subject-functional features of social journalism // Bulletin of BSU. 2014. № 2. P. 150–156.

9. Frolova T.I. Social journalism: twenty years later // Vestn. Mosk. University. Series 10: Journalism. 2023. № 6. P. 118–146.
10. Frolova T.I. Man and his world in the information agenda. Humanitarian technologies in journalism: a tutorial on social journalism. M. : ASI, 2009. 288 p.
11. Yudina E.Yu. Genre and thematic features of the presentation of social materials in online publications // Sign: problematic field of media education. 2015. № 1. P. 41–47.

Информация об авторах

Чередниченко Людмила Викторовна
кандидат филологических наук,
доцент Высшей школы медиа,
коммуникаций и сервиса,
Тихоокеанский государственный университет,
г. Хабаровск
chchenko@mail.ru

Иванов Дмитрий Сергеевич
студент,
Институт социально-политических
технологий и коммуникаций
Тихоокеанского государственного университета,
г. Хабаровск
010190@togudv.ru

Lyudmila V. Cherednichenko
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Higher School
of Media, Communications and Service,
Pacific National University, Khabarovsk
chchenko@mail.ru

Dmitry S. Ivanov
Student,
Institute of Social and Political Technologies
and Communications
Pacific National University, Khabarovsk
010190@togudv.ru

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 02.03.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.03.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.03.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-1-1>

УДК 340

Attribution

cc by

ТРАНСФОРМАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НАУКИ

Бабаев М.М.¹, Пудовочкин Ю.Е.²

¹Всероссийский научно-исследовательский институт

Министерства внутренних дел Российской Федерации,

²Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

Аннотация. Цель публикации заключается в системном анализе трансформации уголовно-правовой науки. В ходе исследования использовались общенаучные (анализ, синтез, индукция и дедукция) и специально-научные (исторический, социологический) методы познания, а также метод контент-анализа. В процессе подготовки публикации использовались достижения отечественной теории уголовного права, философии, философии права, теории права. Рабочей гипотезой исследования выступает мысль о том, что между научной революцией и трансформацией науки нет принципиально значимых различий. Авторами отмечается, что вопрос о существовании и смене парадигм отечественного уголовного права фактически не исследован. Исследователями установлена тенденция, согласно которой, начиная с 2009 года, влияние политики на уголовно-правовую науку не только не исчезло, но и окрепло. Исходя из общей логики понимания социальных трансформаций, авторами выделено два основных этапа развития отечественного уголовного права начиная с 80-х годов XX века, что позволило выделить характерные черты для каждого из предложенных этапов. Сделан прогноз относительно развития отечественного уголовного права в ближайшей перспективе. В ходе исследования авторами проанализированы труды: О.Н. Библика, А.И. Бойко, Б.В. Волженкина, Я.И. Гилинского, Л.В. Головки, О.С. Гузеевой, Д.В. Гурина, Г.А. Есакова, А.Э. Жалинского, Н.Г. Иванова, А.Г. Кибальника, Т.В. Кленовой, И.А. Клепицкого, В.В. Кулыгина, Н.А. Лопашенко, И.М. Рагимова, Е.Н. Рахмановой, а также иных авторов

Ключевые слова: уголовное право, теория, наука, научное знание, исследование, трансформация, социальная трансформация, методология исследования.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

TRANSFORMATIONS OF CRIMINAL LAW SCIENCE

Mikhail M. Babaev¹, Yuri E. Pudovochkin²

¹All-Russian Scientific Research Institute

of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,

²O.E. Kutafin Moscow State Law University

Abstract. The purpose of the publication is to systematically analyze the transformation of criminal law science. The study used general scientific (analysis, synthesis, induction and deduction) and special scientific (historical, sociological) methods of cognition, as well as the method of content analysis. In the process of preparing the publication, the achievements of the domestic theory of criminal law, philosophy, philosophy of law, theory of law were used. The working hypothesis of the study is the idea that there are no fundamentally significant differences between the scientific revolution and the transformation of science. The authors note that the issue of the existence and change of paradigms of domestic criminal law has not been studied in fact. Researchers have established a tendency according to which, since 2009, the influence of politics on science has not only not disappeared, but also strengthened. Based on the general logic of understanding social transformations, the authors identified two main stages in the development of domestic criminal law since the 80s of the twentieth century, which made it possible to identify the characteristic features of each of the proposed stages. A forecast was made regarding the development of domestic criminal law in the near future. In the course of the study, the authors analyzed the works of: O.N. Bibik, A.I. Boyko, B.V. Volzhenkin, Ya.I. Gilinsky, L.V. Golovko, O.S. Guzeeva, D.V. Gurin, G.A. Esakov, A.E. Zhalinsky, N.G. Ivanov, A.G. Kibalnik, T.V. Klenova, I.A. Klepitsky, V.V. Kulygin, N.A. Lopashenko, I.M. Ragimov, E.N. Rakhmanova, and other authors.

Keywords: criminal law, theory, science, scientific knowledge, research, transformation, social transformation, research methodology.

Funding: Independent work.

О взаимосвязи социальных трансформаций и науки: теоретические пояснения.

С теми или иными разночтениями, уголовно-правовая наука традиционно понимается как «система знаний (взглядов, идей, представлений) об уголовном праве как явлении социальной жизни в его возникновении, развитии и выполняемой им роли в качестве регулятора общественных отношений» [1, с. 166]. Это определение в целом не вызывает возражений, хотя понятие «знание» и не полностью совпадает с понятием «научное знание», о чем убедительно писал А.Э. Жалинский [2, с. 460–463].

Вместе с тем, представляется, что оно отражает только один аспект анализируемого феномена – «знаниевый», тот, что связан с результатами функционирования науки. Сам процесс «функционирования» при этом остается за пределами дефиниции, а следовательно, и науковедческого анализа. Акцентированное внимание на него обратил А.Э. Жалинский, когда писал о научной деятельности как институциональном процессе, в рамках которого происходит получение научного продукта коммуницирующими научными институтами и научными кадрами¹.

С учетом этого, наука в самом общем и недетализированном виде может быть описана и исследована как с институциональной точки зрения (в качестве совокупности людей, институтов, их деятельности в различных формах, организации, коммуникации и пр.) и с точки зрения «знаниевой» (как система научной информации об уголовном праве). Такое различие представляется крайне важным в свете обсуждения проблем трансформации уголовно-правовой науки, поскольку причины, механизмы и последствия изменений в каждом из этих направлений ее понимания будут существенно различаться.

Даже взятая в самом общем виде связь социальных трансформаций и трансформации уголовно-правовой науки свидетельствует о том, что:

– развитие науки как таковой может стимулировать социальные трансформации (в качестве

примера достаточно упомянуть NBIC-технологии и их влияние на социальные процессы);

– развитие науки в целом может способствовать трансформации уголовно-правового знания (этот процесс можно наблюдать, в частности, на примере развития учений об ограниченной вменяемости, обсуждении вопроса о конструкции ответственности за преступления, совершаемые посредством использования искусственного интеллекта и пр.);

– социальные трансформации могут оказывать влияние на институциональный дизайн науки вообще и уголовно-правовой науки в частности (иллюстрацией здесь могут служить, например, создание тех или иных институтов, стимулирование или, напротив, ограничение международных научных контактов и т.п.);

– изменения институциональной основы уголовно-правовой науки оказывают существенное влияние на научное знание (здесь и вопросы качества научных исследований, и формирование приоритетной тематики и пр.);

– социальные трансформации, которые приводят к изменению в системе права, также корректируют уголовно-правовое знание за счет изменения предмета уголовно-правового изучения;

– наконец, социальные трансформации могут оказывать прямое непосредственное влияние на систему уголовно-правового знания.

Не в наших возможностях в рамках настоящей публикации осветить весь спектр представленных связей и зависимостей. Каждая из них вполне достойна самостоятельного анализа. Мы же, следуя логике анализа влияния социальных трансформаций на науку уголовного права, обратим внимание лишь на один аспект темы, а именно – непосредственное влияние социальных трансформаций на систему научного знания и связанный с этим процесс трансформации самой уголовно-правовой науки.

Одним из значимых аспектов самопознания науки, образующим вполне самостоятельный предмет исследования, выступает проблема трансформаций уголовно-правовой науки.

Обсуждение.

Общеизвестно, что предмет уголовно-правовой науки закономерным образом связан с феноменом права, а потому его трансформации по определению не могут не затронуть корреспондирующую область социального знания. В связи с этим, полагаем не просто оправданным, но и крайне необходимым поставить вопросы о том, как социальные и правовые трансформации от-

¹ См.: Жалинский А.Э. Уголовно-правовая наука // Избранные труды : в 4 т. Т. 4. Правовое мышление и профессиональная деятельность юриста. Науковедческие проблемы правоведения. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. С. 407. Признавая безусловную ценность дифференциации уголовно-правового знания на научное и не отвечающее критериям научного, в последующем изложении мы позволим себе до некоторой степени ею пренебречь, ассоциируя знание исключительно с научной информацией об уголовном праве.

ражаются на уголовно-правовой науке, возникают ли в связи трансформации самой науки, и если да, то в чем они состоят, каков механизм их формирования и проявления?

Насколько мы можем судить, вопрос о трансформациях уголовно-правовой науки в нашей литературе специально не исследовался. Сознавая, что анализ трансформаций уголовно-правовой науки и их связи с процессами изменения общественного устройства требует проведения масштабного (и не одного) исследования, мы обратим внимание в рамках настоящей публикации, во многом постановочной, лишь на отдельные, как представляется, наиболее значимые аспекты поднятой темы.

Трансформация системы уголовно-правового знания – феномен, по логике, вполне реальный и объективный, но, в силу ряда причин, крайне сложно поддающийся дефинированию (если поддается в принципе).

Во-первых, до настоящего времени остаются не вполне ясными содержание и границы предмета науки уголовного права, в первую очередь, в части взаимодействия уголовного права с уголовной политикой и уголовной социологией [3, с. 120–144].

Во-вторых, практически не обсуждается вопрос: Является ли наука уголовного права «чистой наукой» или наукой «прикладной», каково содержание и соотношение фундаментального (теоретического) и прикладного знания в ней?¹

В-третьих, не является очевидным или определенным само понятие «система уголовно-правовых знаний»: входят ли в нее и если входят, то какие принципы, понятия, категории, законы, теории, существуют и если да, то какие, уголовно-правовые школы (течения в науке)?

В силу этого, открытыми остаются вопросы: По каким изменениям и в какой именно части феномена уголовно-правовой науки можно судить о трансформациях в науке. Будет ли трансформацией изменение в научном обосновании правил квалификации того или иного отдельного преступления или вида преступлений? Считать ли трансформацией обоснование нового взгляда на краеугольные отраслевые понятия преступления

и наказания? Связана ли трансформация с разработкой новых уголовно-правовых теорий или формированием новых уголовно-правовых школ? На эти вопросы у нас нет ответа.

Вместе с тем, отсутствие ответа не предполагает необходимости прекращения научного поиска. Один из возможных вариантов представления о трансформации науки может быть сформирован, если отталкиваться от понятия научной революции, обоснованного в известной работе Т. Куна. Научные революции рассматриваются им как «такие некумулятивные эпизоды развития науки, во время которых старая парадигма замещается целиком или частично новой парадигмой, несовместимой со старой». Под парадигмами автор подразумевал «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений», а в качестве эквивалента понятия «замещение» использовал понятия «сдвиг», «преобразование», «трансформация». Замещение парадигм, согласно Т. Куну, есть процесс необратимый и невозвратный, «традиция нормальной науки, которая возникает после научной революции, не только несовместима, но часто фактически и несоизмерима с традицией, существовавшей до нее» [4, с. 17, 143, 151].

В качестве рабочей гипотезы можно высказать мысль о том, что между научной революцией в трактовке Т. Куна и трансформацией науки нет принципиально значимых различий. А поэтому есть основания для отождествления научной революции и этапа трансформации, кардинального, всестороннего, масштабного изменения фундаментального взгляда на предмет науки и на решение тех проблем, которые его составляют.

Вопрос о существовании и смене парадигм в уголовном праве фактически не исследован. В доступной нам литературе встретилось лишь две публикации, в которых использован сам термин «парадигма уголовного права». Так, И.Я. Гонтарь признает, что некоторые содержащиеся в теории уголовного права утверждения приобрели качество парадигм, которые «в течение длительного времени задают тон всем уголовно-правовым исследованиям». К числу таких парадигм он относит утверждения о том, что преступление общественно опасно и что наказывается именно преступление, а не преступник. Автор приходит к выводу о том, что эти парадигмы не отражают социальной реальности и нуждаются в переосмыслении, с учетом того, что в действительности наказанию подлежит преступник, свойством которого выступает общественная опасность [5, с. 140–149].

В работе А.А. Арутюнова парадигма уголовного права представляется как «суждения о природе и задачах уголовного права и предложения об уголовно-правовых мерах борьбы с преступностью через разработку уголовного законодатель-

¹ См., например: Чубинский М.П. Наука уголовного права и ее составные элементы // Журнал Министерства юстиции. 1902. № 7. С. 97–166. Автор писал, в частности: «Обращаясь ... к уголовному праву, мы прежде всего, должны заметить, что чистой наукой, как бы мы ни обрисовывали пределы его компетенции, оно признано быть не может, ибо оно призвано служить практическим потребностям человечества в области правосудия; оно может быть, следовательно, или искусством или прикладной наукой» (с. 123–124). О том, что наука уголовного права является подчеркнута прикладной пишут и современные специалисты, см., например: Актуальные проблемы уголовного права. Кур лекций / Под ред. Л.В. Лобановой : в 3 т. Волгоград: ВГУ, 2012. Т. 1. С. 7, 9.

ства и формирование практики правоприменения». При этом автор выделяет следующие виды парадигмы:

- 1) парадигма уголовно-правового подавления;
- 2) символическая парадигма;
- 3) парадигма бюрократического присвоения уголовного права (бизнес-парадигма);
- 4) парадигма рационального использования уголовного закона как социального инструмента [6, с. 32–43].

При всей значимости этих попыток ввести в уголовно-правовой дискурс понятие «парадигма», несложно заметить, что авторские рассуждения едва ли могут претендовать на полноценное и всестороннее понимание этой проблемы (Это не упрек авторам, формат работы которых – научная статья – едва ли позволяет раскрыть тему полностью). Теоретическое понимание уголовно-правовой парадигмы нуждается в дополнительном и специальном исследовании.

Как минимум, три вопроса возникают в связи с анализом представленных позиций.

Во-первых, можно ли считать уголовно-правовой парадигмой те или иные нормативные решения или же парадигма есть исключительно теоретический феномен, подчеркнуто научный взгляд на решение тех или иных отраслевых проблем?

Во-вторых, можно ли рассуждать о парадигмах в уголовном праве, игнорируя наличие парадигмальных установок в праве вообще, иными словами, могут ли существовать сугубо уголовно-правовые парадигмы или же научные установки исследования уголовно-правовых проблем определяются общетеоретическим взглядом на право, правовыми парадигмами?

И, наконец, в-третьих, существуют ли в рамках уголовно-правовой науки несколько парадигм или же наука развивается в пределах одной парадигмы, которая со временем может меняться, иными словами, в чем отличие парадигмы от уголовно-правовой теории?

Не претендуя на всесторонний анализ, выскажем общее представление о том, что парадигма по природе своей есть нечто большее, чем теоретический подход к решению тех или иных отраслевых задач. В рамках одной парадигмы таких подходов может существовать великое множество. В равной мере смена парадигмы не может быть представлена в качестве простой теоретической реакции науки на изменения в содержании права. Парадигмы и их смена есть нечто большее.

В литературе по теории права высказано несколько позиций по поводу понимания парадигм применительно к области юридического знания. Согласно одной, весьма распространенной точке

зрения, аналогом куновской парадигмы в юриспруденции выступает тип правопонимания как наиболее общее и концентрированное представление о сущности и назначении права, которое определяет предмет и метод соответствующей концепции права [7, с. 258–259; 8 с. 68–84; 9, с. 18–22]. «Тип правопонимания как парадигма познания права, – пишет В.В. Лапаева, – представляет собой теоретико-методологический подход к формированию образа права и к пониманию сущности права, который осуществляется с позиций того или иного теоретического видения проблемы в рамках определенной методологии анализа. Тот или иной тип правопонимания не только предоставляет в руки исследователя метод, но и в известном смысле очерчивает возможный круг вопросов и способов их постановки» [10, с. 28].

В соответствии со второй позицией, правовая парадигма представляет собой совокупность идеальных фрагментов правовой действительности (принципы познавательной деятельности, теоретические конструкции, ценностные установки, концептуальные воззрения и т.п.), используемых членами научного сообщества без сомнений и разногласий, составляющих основу его деятельности по приращению научных знаний, создающих определенное видение правовой реальности и в конечном счете детерминирующих эволюционную фазу формирования юридической системы, являющихся отражением «духа времени» [11, с. 6].

Наконец, третий подход предлагает различать виды правовых парадигм в зависимости от предметной области правовых исследований. Согласно ему, выделяются парадигма правового мышления, парадигма правопонимания, парадигма правовой догматики, парадигма правовой культуры, а также парадигма права. Последняя представляет собой органическое единство осознанных и неявных представлений (взглядов, убеждений) о праве, обществе, государстве и их взаимосвязи, основанных на данных представлениях ценностно-целевых установок, а также профессионального опыта (навыков, приемов и стандартов). Парадигма права разделяется всеми членами юридического сообщества или его подгруппой и объективируется в правовой науке и доктрине, законодательстве и практике правоприменения. При этом по сфере действия выделяются общая парадигма права, относящаяся к праву (правовой реальности) в целом, и специальные (локальные) парадигмы, относящиеся к правовым отраслям и институтам [12, с. 14].

На наш взгляд, каких-либо принципиальных противоречий между этими подходами не существует. В самом общем виде, пожалуй, не будет большой ошибкой признать, что:

- 1) парадигма в праве есть определенный взгляд на понятие, содержание, функции и цели права в качестве социального регулятора;

2) отраслевая уголовно-правовая парадигма существует как, наполненная предметным содержанием, вариация парадигмы права как такового;

3) уголовно-правовая парадигма отражает взгляд на уголовное право в целом как на инструмент регулирования, но никак не на отдельные компоненты права, его нормы, институты, практику и пр.;

4) допустимо существование множества уголовно-правовых парадигм, одна из которых в тот или иной момент времени может считаться господствующей.

Оценивая с этих (возможно, не до конца проработанных, а потому не исключено, и неточных) позиций развитие уголовно-правовой науки, нельзя пройти мимо высказанного современными исследователями мнения о том, что в науке уголовного права на протяжении всего ее существования не фиксируются «научные революции (в понимании Т. Куна)», отсутствуют «открытия, повлекшие кардинальную смену уголовно-правовых теорий», что «научное развитие в данной области практически всегда проходило эволюционным путем» [13, с. 150].

Согласиться с ним и можно, и нельзя одновременно.

Во-первых, эволюционное развитие науки вовсе не исключает наличие в ней научных революций в куновском понимании этого слова. Логика научной революции предполагает, что новая парадигма всегда «зреет» в рамках господствующей и затем, не сразу, но постепенно вытесняет свою предшественницу.

Во-вторых, едва ли верно и то, что наука уголовного права не сделала ни одного «открытия». А.Ю. Кошелева не без оснований пишет, что к открытиям уголовного права следует отнести:

- «преступление как особо вредное нарушение значимых в индивидуальном и общественном смысле ценностей;
- виновность как критическое отношение лица, совершающего посягательство, к факту посягательства и причиняемому вреду;
- вред, наступающий в каком-либо виде у личности и (или) значимой ценности;
- эмпирическую причинную связь между действием (бездействием) посягающего лица и наступившим вредом;
- закономерность большей опасности групповых посягательств по сравнению с односубъектными посягательствами и т.п.» [14, с. 164].

Другое дело, привели ли открытия в уголовно-правовой науке к научной революции и можно ли, исходя из факта наличия и содержания этих

открытий говорить о революциях в уголовно-правовой науке.

Заметим, что открытия, о которых говорит А.Ю. Кошелева случились достаточно давно. Именно они в свое время сформировали современный образ уголовного права и задали теоретическую рамку для исследования уголовно-правовых проблем. Эти открытия совпали по времени с формированием ведущих типов правовопонимания, прежде всего, позитивизмом. Во многом они могут рассматриваться как позитивистское осмысление уголовно-правовой действительности. И потому на определенном этапе истории такие открытия, действительно, формировали новую уголовно-правовую парадигму.

Однако каких-либо заметных новых прорывных открытий наука уголовного права не демонстрирует уже почти два века. А сложившиеся к сегодняшнему дню альтернативы и вариации юридического нормативизма как типа понимания права весьма слабо отражаются в содержании уголовно-правового знания. Это обстоятельство, видимо, дало основание А.В. Наумову утверждать, что «корни современного уголовного права лежат в идеях, выдвинутых в XVIII–XIX веках... Никакого нового уголовного права не будет, а будет органическое развитие старого с его приспособлением к новым... реалиям» [15, с. 138]. Об этом же пишет В.В. Хиллута, утверждая, что «в каком-то смысле сегодняшнее уголовное право является паразитарной наукой: оно питается в основном фундаментальными открытиями и идеями, подаренными ей прошлым веком (несмотря на происходящую смену эпох и экспансию нового информационного общества, уголовное законодательство в своей основе остается прежним). Современные исследования в уголовно-правовой области во многом застыли на фундаментальных позициях, сформулированных в первой половине XIX в., и исследователи лишь в какой-то мере комментируют и уточняют основные концепции своих предшественников» [16, с. 95–96]. Об этом, по сути, сказал и П.С. Яни в процессе проведенного нами экспертного опроса: «Законодательство, да, менялось, но менялось политиками... Но что именно ученые могли изменить в подходах к анализу уголовного права? Изменения в науке уловить не могу».

Сказанное в целом позволяет согласиться с приведенным выше мнением о том, что научных революций в уголовном праве за последние 200 лет не происходило.

Однако такой вывод требует существенного уточнения, которое способно его же (вывод) опровергнуть. Этот вывод справедлив, если строго следовать куновскому пониманию научной революции как замещению одной парадигмы другой, а саму парадигму воспринимать как глобальный взгляд на уголовное право.

Вместе с тем, важно отметить два обстоятельства.

Во-первых, как признают специалисты, в последнее время понятие парадигмы по своему содержанию стало меняться по сравнению с ее трактовкой Т. Куном. К парадигмальным, пишет Г.Е. Зборовский, — начали относить теории, концепции, направления, течения, движения научной мысли, которые не носят революционного характера, а составляют прибавку знания, значительную, но не оказывающую радикального воздействия на развитие науки. Отсюда — наука (Г.Е. Зборовский пишет о социологии, но сказанное, на наш взгляд, применимо и к иным отраслям социального знания, уголовному праву в том числе) приобретает все более свойства полипарадигмальности; в ней формируется и сосуществует множество парадигм. Важный критерий, позволяющий при этом наделить теорию или концепцию статусом парадигмы, состоит в определении периода влияния того или иного фундаментального знания, той или иной концепции и теории на науку в целом. Если он невелик, если о концепции достаточно быстро забывают и по прошествии какого-то времени ее не используют в теоретических и эмпирических исследованиях, вряд ли можно считать эту концепцию парадигмальной [17, с. 448–449].

С этим связано и второе обстоятельство. В куновском понимании научной революции процесс смены парадигм является необратимым: если новая научная парадигма сформировалась, она блокирует возврат научных исследований в прежние формы. Однако в современной науке, в том числе, как пишут исследователи, в «новоевропейской юриспруденции» этого не наблюдается. «Мы видим несовместимость эпистемологических принципов, используемых разными концепциями права (например, фундаментализм естественно-правового учения и релятивизм марксизма и позитивизма), но не наблюдаем эволюции («стрелы познания») [18, с. 17].

Отмеченные корректировки концепции научной революции крайне важны для понимания сути трансформаций уголовно-правовой науки.

С учетом полипарадигмальности современного научного знания, можно констатировать, что в уголовно-правовой науке не просто наличествует, а сосуществует, параллельно развивается, конкурирует между собой множество весомых теорий, объясняющих уголовное право, его сущность, содержание и социальное предназначение. Уголовное право как средство регулирования и уголовное право как средство охраны, уголовное право как средство защиты коллективных интересов и уголовное право как средство ограничения произвола государственной власти; уголовное право как средство защиты морали и уголовное право как средство защиты интересов власти; уголовное наказание как возмездие и уголовное наказание как средство социального приспособления — вот только некоторые дихотомически построенные парадигмы современной уголовно-правовой науки. Они сформированы достаточно давно и устойчиво на протяжении

многих десятилетий определяют уголовно-правовой дискурс.

С учетом того, что парадигмальные концепты сосуществуют, но находятся в социальном пространстве в неравновесном положении, можно утверждать, что трансформации уголовно-правовой науки определяются не столько самим фактом появления той или иной весомой концепции, сколько процессом и результатом диалектической борьбы между конкурирующими концепциями.

Уголовно-правовая наука закономерно имеет своим предметом уголовное право, которое столь же закономерно находится в полном распоряжении власти. В связи с этим, изменения в содержании уголовно-правовых властных решений объективно приводят к изменению содержания научного знания, а изменения в отношении власти к уголовному праву — к изменению «весовой категории» той или иной научной концепции. «Благодаря» властным решениям, та или иная концепция приобретает дополнительные аргументы, которые усиливают ее позиции в научных спорах, укрепляют научный авторитет и положение. Соответственно, в зависимости от смены отношения государства к уголовному праву и способу обращения с ним, происходит вытеснение одной научной парадигмы другой. Этот процесс вытеснения (но не замещения) и есть, собственно, то, что в современных условиях можно именовать трансформацией уголовно-правовой науки.

Вытеснение одной парадигмы и укрепление другой отражает «имманентную связь парадигмы с социальной реальностью, политикой, экономикой и культурой конкретного общества, а также наличие в структуре парадигмы, помимо эксплицитных (осознанных), также скрытых (бессознательных) элементов» [12, с. 13]. Применительно к уголовно-правовой науке, в силу самой ее специфики, как науки, обслуживающей отрасль уголовного права, то есть обслуживающей официальный, властный механизм использования репрессии в целях противодействия преступлениям, поддержания порядка и обеспечения безопасности, эта связь с «уголовно-правовой реальностью» приобретает особое значение.

Современные изменения в науке как трансформация: формы и последствия.

Представленные выше рассуждения о содержательных изменениях в уголовно-правовой науке и авторский взгляд на понятие «трансформации научного уголовно-правового знания» требуют обсуждения в контексте поиска ответа на вопрос о том, могут ли текущие изменения оцениваться как трансформация с теоретической точки зрения, и если да, то в чем эта трансформация состоит.

Некоторые специалисты утверждают: «Единая научная парадигма уголовного права в настоящее время отсутствует, а научная основа данной

науки представляет собой совокупность множества частных парадигм, определяющих воззрения ученых на тот или иной круг вопросов» [13, с. 150]. Другие отмечают, что «в настоящее время уголовное право характеризуется сменой парадигм и теоретических концепций. Уже нет того классического уголовного права, которое существовало в XX в. Сегодня уголовное право обусловлено плюрализмом взглядов, разнообразием концепций и теоретических построений новых институтов, отрицанием базовых постулатов, которые ранее казались незыблемыми (понятия преступления и уголовной ответственности» [16, с. 89].

Отсутствие единой парадигмы и смена научных парадигм – взаимосвязанные, но различные феномены. Отсутствие единой парадигмы при условии равноценности и равнозначимости всех существующих – это одно состояние науки, а смена ведущей парадигмы при анализе тех или иных уголовно-правовых явлений – иное. Именно последнее и воспринимается нами как содержание процесса трансформации науки.

Т. Кун писал, что «само существование науки зависит от того, кто облечен правом делать выбор между парадигмами среди членов особого вида сообщества» [4, с. 216]. При этом он настаивал на «запрете обращения к главам государств или к широким массам народа по вопросам науки», признавая, что выбор парадигмы есть прерогатива «единственно компетентной профессиональной группы», то есть самого научного сообщества.

В правовой и особенно в уголовно-правовой науке полагаться в смене парадигм лишь на авторитет той или иной профессиональной группы ученых едва ли приходится. Право, как официальный инструмент, требует столь же официальной науки (как бы ужасно не звучало это словосочетание). В институциональном отношении ее вполне можно определить как «клан, получивший привилегию по-своему интерпретировать парадигмальные тексты и навязывать эту интерпретацию остальным», как обслуживающих политическую элиту это юристов, которые «могут осуществляемые в интересах правящего клана интерпретации парадигмальных текстов юридически закреплять или способствовать фиксации их в системе права [9, с. 18–22]. Формирование такого «клана», распространение в качестве официально признанных его взглядов на уголовное право, добровольная или вынужденная поддержка этих взглядов иными представителями научного сообщества – все это суть трансформации уголовно-правовой науки.

Та или иная уголовно-правовая парадигма, таким образом, становится «ведущей» не только (точнее, даже не столько) по причине ее профессионального авторитета, сколько по ее способности удовлетворить интересы власти. Понятие «интересы власти» в данном случае не имеет каких-либо скрытых или двусмысленных кон-

нотаций. Это то, что выражено в уголовном законе и необходимость практической реализации нормативных формул. Если та или иная парадигма в лучшей степени интерпретирует эти интересы и способствует их реализации, именно эта парадигма и становится ведущей.

Такое положение вещей во многом обусловлено распространенным представлением о социальном предназначении уголовно-правовой науки. «Основная цель науки уголовного права, – пишет Д.А. Безбородов, – изучение развития уголовного права (его институтов и отдельных уголовно-правовых норм) и его воздействия на общество и государство с целью получения социально полезных результатов – эффективно действующего уголовного законодательства и его правильного применения в соответствии с основными правовыми принципами» [19, с. 8]. Уголовный закон и практика его применения (с добавлениями в виде истории уголовного законодательства и уголовного права зарубежных стран) признаются ядром предмета уголовно-правовой науки едва ли не в любом учебнике. Этот подход коррелирует с общим убеждением в том, что действительное предназначение правовой науки – отвечать потребностям юридической практики. «Для того, чтобы знание смогло выполнять свою онтологическую функцию, необходимо наличие в объективном знании содержания, которое соответствует реальной действительности» [20, с. 347–348].

Зададимся простым вопросом: Какие из нижеперечисленных парадигмальных подходов к научному анализу уголовно-правовых проблем наиболее адекватны современным реалиям:

- уголовное право выполняет функцию исключительно охраны правоотношений или уголовное право призвано, к тому же, выполнять функции позитивного регулирования общественных отношений и воспитания граждан;
- уголовное право развивается по пути универсализации и гармонизации правовых систем или уголовное право развивается как замкнутая национальная система;
- уголовное право приоритетным образом охраняет универсальные общечеловеческие ценности или уголовное право сосредоточено на охране локальных традиционных ценностей;
- уголовное право обеспечивает свободу человека или уголовное право призвано обеспечить интересы национальной безопасности государства;
- уголовное право преследует наиболее опасные для личности, общества и государства деяния или уголовное право реагирует на любые факты отклонения от социальных норм, включая опасное состояние личности.

Вряд ли можно оспаривать тот факт, что в представленной дихотомии суждений именно вторая

часть высказываний (как бы ее ни оценивать по существу) в большей степени отвечает реальности текущего момента. Вряд ли можно спорить и с тем, что соответствующий парадигмальный взгляд сегодня пришел на смену своей противоположности. Пришел на смену – не значит стал общепризнанным, но стал официальным.

В этом противостоянии официальности и общепризнанности кроется один из значимых парадоксов трансформации уголовно-правовой науки. По факту, трансформация науки как смена парадигм осуществляется не изнутри, а извне, под влиянием внешних по отношению к самой науке, социально-политических факторов.

Здесь мы подходим к одному из важнейших аспектов темы уголовно-правовой науки вообще, а именно ее связи и зависимости от уголовной политики. Как отмечал А.Э. Жалинский, «функционирование и развитие науки должно быть избавлено от деформирующего влияния различных внешних факторов. Исторический опыт ориентации на ведомственные интересы, псевдоидеологические постулаты, отсутствие свободной конкуренции в жестко структурированной системе (издательские приоритеты, система разрешений и проч.) принесли колоссальный вред не только науке, но и стране в целом» [2, с. 412].

Но это «должно быть избавлено» не означает, что «избавлено». Несмотря на все социально-политические преобразования, а возможно и благодаря преобразованиям, начавшимся в 2009 году, влияние политики на науку не только не исчезло, но и окрепло.

С.А. Бочкарев пишет, что «подтверждение доминирования политической константы над научно-исследовательским процессом можно найти там, где за корректировкой политического курса, как правило, следовало изменение в приоритетах науки уголовного права» [21, с. 75]. Только одну иллюстрацию такого доминантного влияния позволим себе привести: Каким должно быть сегодня отношение к зарубежному уголовно-правовому опыту и к сравнительно-правовым исследованиям? Каковой должна быть оценка их результатов? Ответ на вопрос «каким» имеет парадигмальное значение и предполагает выработку позиции относительно того, стоит ли в принципе изучать зарубежный опыт и если да, то под каким углом зрения.

В качестве основы для последующего изложения воспользуемся результатами нескольких «пилотных» исследований.

Первое из них – экспертный опрос наших коллег, докторов и кандидатов юридических наук по «уголовно-правовой специальности», которым была предложена небольшая анкета с открытыми вопросами. По итогам было получено 11 заполненных анкет, содержащих авторитетные суждения относительно самооценки представителями научного сообщества состоявшихся и

наблюдаемых трансформаций уголовно-правовой науки.

Второе – анализ библиографических сведений о защищенных кандидатских и докторских диссертациях, которые размещены на официальном сайте ВАК Минобрнауки РФ, и в электронном каталоге Российской государственной библиотеки им. В.И. Ленина.

Третье – традиционный анализ нормативных и литературных источников, предметно соотносённых с рассматриваемой тематикой.

Подчеркнем: эти исследования носят сугубо поисковый, пробный характер и их результаты не могут восприниматься как обеспечивающие стопроцентную достоверность данных. Но они, на наш взгляд, позволяют составить вполне убедительную общую предварительную картину проблемы трансформаций уголовно-правовой науки, уточнить некоторые исходные положения исследования, определить последующие направления научного поиска.

Изменения в содержании уголовно-правовой науки: результаты эмпирического анализа.

В отечественной библиографии не так много работ, непосредственно посвященных тенденциям развития российской уголовно-правовой науки. В одной из них эти тенденции определяются как вполне перспективные и содержательные изменения. Н.А. Егорова, в частности, пишет, что обзор современной литературы по уголовному праву позволяет выделить следующие основные (по крайней мере, ярко выраженные) тенденции данной отраслевой юридической науки:

а) наука уголовного права пытается, образно выражаясь, «познать саму себя», определить свое место в системе иных духовных феноменов, выявить свои внешние зависимости. Намечалась тенденция к исследованию философских, социальных, моральных, психологических, религиозных оснований уголовного права.

б) российская уголовно-правовая теория не оставляет без внимания и более узкие, хотя и не менее актуальные, проблемы, которые продиктованы реалиями современного мира (в целом) и современной преступности (в частности).

в) современная наука уголовного права стремится к взаимодействию с другими отраслями знаний.

г) сегодня наука уголовного права, наверное, как никогда, борется за свое право не просто высказываться, но и быть услышанной нашей властью [22, с. 9–14].

В другой работе констатируется, что уголовно-правовая наука как отрасль правоведения «переживает кризис и нуждается в обновлении, в поиске безотлагательной реализации новых

подходов, соответствующих меняющимся обстоятельствам борьбы с преступностью в глобализирующемся мире» [23, с. 433]. При некоторой полярности суждений их объединяет одно: уголовно-правовая наука не есть застывшая система, она меняется и, более того, должна продолжать меняться.

Изменение научных подходов к исследованию и оценке тех или иных уголовно-правовых проблем является закономерным процессом, отражающим движение научного знания. Но в контексте взаимосвязи с процессом социальных трансформаций такое изменение может происходить различным и порой весьма специфическим образом.

Отвечая на вопросы нашего анкетирования, профессор Н.А. Лопашенко указала на то, что все изменения науки, в том числе в периоды социальных потрясений, происходили позже самих трансформаций, с заметным опозданием, что имел место так называемый «отложенный эффект» трансформаций науки: наука постепенно привыкала, осмысливала и лишь потом начала реагировать на социальные изменения.

Это суждение – вполне логичное, если говорить о трансформациях как о процессе саморазвития науки, закономерных и объективных процессах, связанных с совершенствованием методологических основ научного знания, постепенным и последовательным осмыслением меняющейся социальной действительности и отражением результатов этого осмысления в научных текстах. Но развитие современной науки как области деятельности, тесным и непосредственным образом связанной с социальной действительностью, причем связанной гораздо прочнее и активнее, нежели в предшествующие столетия, не всегда позволяет констатировать наличие этого «отложенного эффекта».

Мы сознаем, что оценивать вектор развития научного знания крайне сложно, прежде всего, в виду неопределенности показателей его динамики. Однако в качестве одного из возможных показателей (при этом далеко не единственным и, вероятно, не самым надежным) может служить тематика и направление защищаемых в стране докторских диссертаций, учитывая, что согласно нормативным документам, в них должны быть разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение, либо решение научной проблемы, имеющей важное политическое, социально-экономическое, культурное значение, либо научное обоснование новых решений, внедрение которых вносит значительный вклад в развитие страны [24].

Анализ библиографических записей, содержащихся в электронном каталоге РГБ им. В.И. Ленина, а также официальных объявлений о защите докторских диссертаций, размещенных на

интернет-сайте ВАК Минобрнауки РФ, позволяет составить некоторое, самое общее представление о динамике научных интересов.

Следуя общей логике понимания социальных трансформаций, мы выделили два основных этапа наблюдения: с 1989 по 2010 гг. и с 2011 г. по настоящее время (ноябрь 2022 года). При этом дополнительно «разбили» первый период на два (до и после 2000 года) для уточнения характера динамики¹.

Первое, что можно наблюдать, исходя из представленных данных, это последовательное и существенное (почти на 10 %) сокращение удельного веса докторских диссертаций, посвященных проблемам криминологического предупреждения преступлений (и в части общей теории криминологии, и в части криминологического предупреждения отдельных видов преступности). Соответственно – возрастание удельного веса научных квалификационных исследований, посвященных вопросам уголовного права.

Второе – это наличие некоторых характерных сдвигов в распределении общего объема исследований по тематике.

Следует заметить, что есть некоторые уголовно-правовые проблемы, внимание к которым не меняется ни в связи с происходящими в стране процессами социальных преобразования, ни в силу внутренних процессов развития самой науки. Так, например, проблематике источников уголовного права, понятия и признаков преступления, уголовной ответственности и ее дифференциации, экономических, служебных преступлений посвящен в процентном отношении примерно одинаковый объем докторских диссертаций на каждом из наблюдаемых периодов.

В тоже самое время, объем исследований, посвященных теории состава преступления и общей теории квалификации, преступлениям против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения, а также воинским преступлениям, в течение всего наблюдаемого периода возрос более чем в два раза. При том, что вдвое сократился объем исследований, посвященных проблемам соучастия, множественности и неоконченного преступления, проблемам уголовно-правовой борьбы с преступлениями против личности, в пять раз – преступлениям против собственности и почти втрое – проблемам международного и зарубежного уголовного права.

Еще раз повторим: эти данные заведомо неполны и неточны, хотя бы по той причине, что не включают в себя сведения о кандидатских диссертациях, монографических исследованиях и

¹ Смещение в хронологии на один год (с 2009 на 2010 год) вызвано тем обстоятельством, что данные сайта ВАК содержат информацию о защитах диссертаций, начиная с 2011 года. Однако полагаем, что такое смещение принципиально не меняет наблюдаемой картины.

публикациях в периодической юридической печати. Но учитывая уровень и значение докторских диссертаций в структуре научного знания, их вполне можно воспринимать в качестве надежного ориентира для понимания движения научной мысли.

Приведенная информация позволяет, некоторым образом, скорректировать отмеченное выше суждение профессора Н.А. Лопашенко. По крайней мере, в период с 2009 года, который признается нами периодом очередной социальной трансформации в стране, отечественная уголовно-правовая наука вполне «живо» отреагировала на смену (или корректировку) приоритетов государственной политики, как минимум, в одном аспекте – сокращении внимания к проблемам преступлений против личности и росте интереса к проблемам защиты общественной безопасности, порядка и здоровья населения. В этом факте, самом по себе, нет ничего предосудительного или неестественного. Даже если не брать в расчет при его оценке уровень научной разработанности тех или иных проблем, а следовательно, и объективные потребности самой науки в их дополнительном изучении, надо признать, что смещение вектора в тематике научных исследований в ответ на протекающие в стране социальные трансформации вполне закономерно, поскольку таковые (особенно исследования научно-квалификационные) должны быть (!) выполнены на наиболее актуальные, злободневные темы. Важно подчеркнуть другое: для подобного рода научных трансформаций не потребовалось сколько-нибудь существенного временного лага. Они происходили и происходят одновременно и на фоне общего процесса масштабных социальных преобразований.

В разряд этих же «оперативно откликающихся» изменений науки следует отнести, на наш взгляд, и существенный рост внимания к подчеркнuto теоретическим проблемам уголовного права – учению о составе преступления и уголовной политике (последнее особенно заметно при сравнении текущего периода с этапом 2000–2020 годов). В этом, как полагаем, проявляется, с одной стороны, некоторая «усталость» науки от необходимости подстраиваться к динамичным трансформационным трендам, определенная тенденция к «самосохранению» и «самообслуживанию», предполагающая обращение к внутренним проблемам теории уголовного права; а с другой стороны, – потребность в переосмыслении «вечных» уголовно-правовых проблем в контексте текущего момента развития права.

Отмеченный «разворот» в тематике научных исследований отражает, хотя и важный, но все же, по большей части, «внешний» аспект трансформации научного знания. Он свидетельствует лишь о том, что под влиянием разворачивающихся в обществе процессов закономерным образом меняются приоритетные направления исследований.

Для понимания содержательного аспекта трансформации науки важно обратить внимание на то, как, с каких позиций, в каком направлении рассматриваются те или иные проблемы, каковы методологические принципы научного анализа. Оценить возможные и неизбежные здесь сдвиги едва ли возможно на основе математических расчетов. Здесь ценнее и информативнее экспертные суждения.

Проведенный опрос показал, что социальные трансформации и в конце 80-х годов прошлого столетия, и в текущий момент порождают ряд содержательных, методологически значимых изменений, которые далеко не всегда оцениваются в качестве позитивных.

Пожалуй, самую жесткую формулировку для их обозначения предложил профессор И.А. Клепицкий. Применительно ко второй половине 1980-х – началу 1990-х годов он назвал в ряду важнейших изменений науки методологический кризис, а в связи с трансформациями 2010-х годов – «методологическую смерть».

Не вторгаясь в содержательную дискуссию по поводу этой оценки, признаем, что возникновение кризиса в методологии уголовно-правовой науки в ответ на коренные изменения социальной ситуации нельзя признать неожиданным или несимметричным явлением. Он вполне закономерен. Более того, как и любой кризис он создает уникальные возможности для преодоления и последующего развития науки на качественно новом уровне. В этом смысле, кризис – и есть собственно трансформационный слом, коренное преобразование. Преодоление же методологического кризиса и трансформация на новой основе научного знания требует времени. И в этом отношении безусловно верны ранее приведенные суждения профессора Н.А. Лопашенко о том, что трансформация науки демонстрирует «отложенный эффект».

Проблема же видится в том, что время преодоления кризиса, возникшего на рубеже 1980–1990-х годов, было прервано новым витком социальных трансформаций, начавшихся в 2009 году. В итоге, кризис, вновь порожденный наложился на кризис непреодоленный ранее, возник эффект трансформации трансформирующейся науки. При этом поскольку содержание кризисов и перспективы их преодоления различны, то совмещенные во времени они породили крайне сложную методологическую ситуацию неопределенности и дезориентированности.

Есть еще одно, подспудное, трудное для описания и верификации, но устойчивое ощущение, что трансформации науки на рубеже советской и постсоветской эпох и трансформации текущие оцениваются самой наукой весьма различно.

О трансформациях науки периода конца 1980-х – начала 1990-х годов прошлого века опрошенные специалисты замечают:

— формируется относительно независимая уголовно-правовая мысль, происходит освоение мирового наследия; уголовно-правовая наука, как и наука вообще, приобретает социальную значимость (Я.И. Гилинский),

— наука отказывается от единственно возможной идеологической «привязки» исследований, складываются «разнонаправленные» научные центры и школы (А.Г. Кибальник),

— наука, пригодная для либеральной идеологии и рыночной экономики, появляется в зародыше, но уровень ее развития остается низким, он не отвечает реальным потребностям общества (И.А. Клепицкий),

— начинается обсуждение полузакрытых или закрытых ранее тем — например, уголовной политики; происходит увеличение научных контактов, рост публикаций, более смелых, открытых, чем это было ранее, появляются большие возможности для них (Н.А. Лопашенко),

— в исследованиях стало больше «политики», внимание концентрируется на недостатках законодательства (Т.В. Кленова),

— активизируются позитивистские исследования в уголовно-правовой науке, формируются различные частные правовые теории (Ю.А. Тимошенко).

Иной настрой ощущается в оценках трансформаций, связанных с 2009 годом. Специалисты отмечают:

— все более инерционное и более эволюционное развитие науки (Н.А. Лопашенко);

— отсутствие качественных социологических, криминологических исследований; научный сектор уже не чувствует себя «услугой», но и не является «социальным благом», скорее — жертвой бюрократов (Т.В. Кленова);

— рост интереса к проблемам законодательной техники (Ю.А. Тимошенко);

— рост количества (не всегда — качества) междисциплинарных и трансдисциплинарных исследований; рост внутренних изоляционистских тенденций, особенно после 2014 г., с 2022 г. — серьезная внешняя изоляция (А.Г. Кибальник);

— при отсутствии свободных дискуссий и выражения собственного мнения ученых, «наука» (как все гуманитарные, социальные науки в стране) превращается в свод мало обоснованных норм; уголовно правовая наука теряет статус «науки», превращаясь в служанку власти (Я.И. Гилинский);

— торжество невежества и «здорового смысла», «попытки выработать приемлемую научную методологию уже непонятны для деформирующе-

гося научного сообщества. Считается, что она не нужна. Здоровые ростки в науке хиреют. Цветник зарастает бурьяном» (И.А. Клепицкий).

Оценивая эти высказывания с точки зрения влияния социальных трансформаций на трансформацию методологических основ уголовно-правовой науки, можно утверждать:

а) методология науки может, должна и фактически реагировать на социальные преобразования. Как правильно писал Б.В. Волженкин, «юридические науки, в том числе уголовное право, относятся к числу общественных наук, состояние которых в значительной степени зависит от происходящих в обществе процессов» [25, с. 183–184]. Автор дополнил это утверждение оговоркой «тем более что в условиях тоталитаризма и идеологической диктатуры общественные науки нередко выполняют своего рода «социальный заказ». Безоговорочно соглашаясь с начальной частью цитаты, отметим все же, что «социальный заказ» наука уголовного права выполняет не только в условиях тоталитаризма и идеологической диктатуры. Она выполняет его в любых социально-политических и политико-идеологических условиях. Другое дело, что в зависимости от самих этих условий содержание «заказа» может существенно меняться.

б) трансформации методологических основ уголовно-правовой науки и на их основе трансформации содержания научного знания безусловно требуют некоторого периода хотя бы относительной социальной стабильности. Новый дискурс для того, чтобы стать результативным, должен быть устойчиво сформированным, а научная парадигма должна пройти проверку временем. В российской же действительности этот «период стабильности» был непозволительно короток. Плюрализация методологических основ уголовно-правовой науки в конце прошлого столетия дала эффективные, но спорадические результаты: экономический анализ уголовного права (А.Э. Жалинский [26, с. 58–67], О.Н. Бирик [27]), криминологический анализ (В.В. Кулыгин [28], О.Н. Бирик [29]), непредвзятый компаративный анализ (Г.А. Есаков, [30] Л.В. Головкин [31]), философско-правовой анализ (И.М. Рагимов [32], Д.В. Гукин [33]), инструментальный анализ уголовного права (А.Э. Жалинский [34]), рискологический анализ (М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин [35]), конституционный анализ уголовного права (О.С. Гузеева [36]), религиозно-ведический анализ (А.И. Бойко [37], Н.Г. Иванов [38]), гуманитарный анализ (Е.Н. Рахманова [39]). Вместе с тем, эти направления научного поиска остаются, по большому счету, лишь обозначенными, но не развитыми надлежащим образом; дискурс по поводу данных проблем нельзя считать устойчивым или вовсе сформированным, результаты таких исследования не проникли вглубь уголовно-правовой науки и фактически не используются при исследовании так называемых частных отраслевых проблем.

в) методологическая трансформация российской уголовно-правовой науки, если понимать под ней изменение исходных начал, принципов, аксиологических установок познания права, в реальности лишь началась в конце 80-х годов прошлого столетия в связи с известными процессами демократизации и общества в целом, и науки в частности. Но, во-первых, как отмечает С.А. Бочкарев, «гарантированная свобода не привела к ожидаемому плюрализму суждений. Свобода не воспроизвела многообразие и разнообразие представлений и мнений о понятии, предмете, задачах и структуре науки, к их обогащению за счет соперничества и оспаривания состоятельности друг друга» [40, с. 86]. А во-вторых, начавшееся обновление методологического аппарата уголовно-правовой науки сегодня существенно «заострилось» общим состоянием неопределенности и растерянности, которое вызвано откровенным изменением основных уголовно-политических трендов.

В связи с изложенным возникает закономерный и большой вопрос относительно перспектив трансформации уголовно-правовой науки в условиях современной социальной трансформации. Они, как представляется, зависят от того, станет ли трансформация научного знания процессом, всецело управляемым акторами социальной трансформации, или же будет развиваться по внутренним законам развития самой науки. Потенциально здесь возможно несколько сценариев.

Первый предполагает активное участие государства в обсуждении методологических и иных содержательных вопросов уголовного права (и права вообще). Опыт такого участия хорошо известен в истории. Вспомним хотя бы организованное А.Я. Вышинским Первое Всесоюзное совещание научных работников права (16–19 июля 1938 г.), цели и задачи совещания состояли в том, чтобы в духе потребностей репрессивной практики тоталитаризма утвердить единую общеобязательную «единственную верную» марксистско-ленинскую, сталинско-большевистскую линию («генеральную линию») в юридической науке на основе нового общего определения права [41, с. 1510–1517] либо постановления ЦК КПССС от 04.06.1964 г. «О мерах по дальнейшему развитию юридической науки и улучшению юридического образования в стране» [42] и последующие за ним научно-организационные и организационно-методические подвижки в науке [43, с. 188–192; 44, с. 12–19; 45, с. 9–17; 46, с. 7–15]. В случае если трансформации науки будут определяться «руководящей и направляющей» силой, не придется сомневаться ни в том, что они реально состоятся, ни в их содержании.

Второй сценарий не предполагает жесткого администрирования научных трансформаций и основан на способности науки к саморегулированию и саморазвитию. Здесь уж все будет зависеть, если допустимо так выразиться, от силы духа науки, а равно от тех условий, в которых ей

придется функционировать, от того, сможет ли наука развиваться одновременно и в мейнстриме изменений официального права, и «в оппозиции» к официальным властным установкам.

С сожалением приходится констатировать, что ситуация, по меньшей мере, в текущий момент складывается не вполне благополучная. Весьма точно, на наш взгляд, ее охарактеризовал В.В. Хилjuta. «В настоящее время, – пишет он, – в области уголовно-правовых исследований (и не только, а в большей части в правоведении в целом) можно обнаружить две тенденции: проявляющаяся дискредитация теоретических исследований и их «ненужность» практикам, и бурная экспансия прагматических и практических рекомендаций по квалификации конкретных противоправных деяний. Все это вызвало преобладание в правовой литературе феноменологических описаний и предание забвению фундаментальных исследований». Наука сегодня, по его мнению, несмотря на отдельные успехи, «скатилась к добросовестному глоссаторству, к комментированию сформулированных под идеологическим нажимом теоретических постулатов, решений высших правоприменительных органов». Однако, продолжает автор, «правоприменительный позитивизм неспособен формировать фундаментальную науку, ибо текущая практика слишком слаба и пока не может служить достойным мерилom формулирования собственно уголовно-правовых теорий и научно выверенных рекомендаций», а потому «активизация научных изысканий в концептуальных понятиях уголовного права, переосмысление теории уголовного права – процесс неизбежный и закономерный, вытекающий из изменений политического, экономического и социального характера» [47, с. 26–27].

Способность науки достойно ответить на методологический вызов, связанный с социальными трансформациями, нельзя ни преувеличивать, ни преуменьшать. Однако реализация ее потенциала к содержательному развитию и трансформациям, как полагаем, будет определяться не только содержанием и силой внутренних резервов научного сообщества, но также организационными условиями его функционирования и общей идеологической ситуацией в стране.

Заключение.

Подводя итоги анализа сложной и неоднозначной темы трансформаций уголовно-правовой науки, представляется возможным резюмировать некоторые основные положения:

1. Трансформации уголовно-правовой науки являются закономерным и объективным этапом ее развития и могут обуславливаться как внутренними причинами саморазвития этой отрасли знания, так и внешними факторами, связанными с изменением объективного права и правовой политики государства.
2. Под трансформацией уголовно-правовой науки в современных условиях полипарадиг-

мальности научного знания условиях следует понимать смену ведущих научных парадигм в объяснении того или иного уголовно-правового явления. Такая смена объективно зависит не столько от авторитета и гносеологической ценности самой парадигмы, сколько от того, насколько она способна удовлетворять актуальные потребности уголовно-правовой политики.

3. В текущей ситуации изменения в уголовно-правовой науке характеризуются корректировкой перспективных тем научных исследований в ответ на происходящие в обществе изменения, а также в снижении скорости методологического обновления науки, формировании ситуации методологической неопределенности, вызванной тем, что складывавшаяся с конца прошлого столетия гуманистическая, гуманитарная, либе-

ральная уголовно-правовая наука столкнулась с необходимостью объяснения, оправдания и прогнозирования совершенно иного политико-правового курса.

4. Сегодня явная и скрытая поддержка государством уголовно-правовой парадигмы, существенно отличающейся от той, что была создана в предшествующий короткий момент, бросает серьезный вызов авторитету и самостоятельности уголовно-правовой науки, который та обязана принять. Потенциальный ответ науки может состоять в сознательном дистанцировании от теоретического обслуживания законотворческой и правоприменительной практики в пользу обсуждения внутренних проблем развития уголовно-правовой теории.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Уголовное право России. Общая часть. Учебник / Под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб. : Издат. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, Изд-во юридического факультета С.-Петерб. гос. ун-та, 2006.
2. Жалинский А.Э. Уголовно-правовая мысль и наука уголовного права // Жалинский А.Э. Избранные труды : в 4 т. Т. 4. Правовое мышление и профессиональная деятельность юриста. Научно-исследовательские проблемы правоведения. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.
3. Бабаев М.М. Российская уголовная политика и уголовный закон: опыт критического анализа / М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин. М. : Юрлитинформ, 2017.
4. Кун Т. Структура научных революций / Т. Кун; Пер. с англ. И.З. Налетова; Общ. ред. и послесл. С.Р. Микулинского, Л.А. Марковой. М. : Прогресс, 1975.
5. Гонтарь И.Я. Парадигмы в уголовном праве и реальность // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2002. № 6(245).
6. Арутюнов А.А. К вопросу о парадигмах уголовного права // Актуальные проблемы уголовного и уголовно-процессуального права: современное состояние и перспективы развития: научные труды. М. : Саратовский источник, 2014. Т. 1(2).
7. Нерсесянц В.С. Право и правовой закон: становление и развитие / Под ред. В.В. Лапаевой. М.: Норма, 2009.
8. Варламова Н.В. Российская теория права в поисках парадигмы // Журнал российского права. 2009. № 12.
9. Рычагова О.Е. Правовая парадигма и парадигмальные тексты // Современное право. 2016. № 8.
10. Лапаева В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. М. : Российская академия правосудия, 2012.
11. Шаханов В.В. Правовые парадигмы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2005.
12. Войниканис Е.А. Парадигмальный подход к исследованию интеллектуальных прав : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015.
13. Цай К.А. «Стандартная» модель научного знания в уголовном праве России (на примере административной преюдиции, корпоративной уголовной ответственности и коллизионного уголовного права) // Вестник Удмуртского университета. Сер. Экономика и право. 2016. Т. 26. Вып. 3.
14. Кошелева А.Ю. Открытия и конструкции в науке уголовного права // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. № 1(18).
15. Открытое письмо профессора А.В. Наумова академику В.Н. Кудрявцеву // Уголовное право. 2006. № 4.
16. Хиллута В.В. Перспективы развития методологии уголовного права в эпоху постмодерна // Журнал Российского права. 2017. № 5.
17. Зборовский Г.Е. История социологии : учебник. М. : Гардарики, 2004.

18. Беляев М.А. Научное познание права: генезис и эпистемологическая специфика : автореф. дис. ... канд. философ. наук. Воронеж, 2009.
19. Безбородов Д.А. Организация и проведение уголовно-правовых исследований: учебное пособие для факультета подготовки научно-педагогических кадров и магистратуры. СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016.
20. Карташова А.А. Трансформация и деформация научного знания в связи с расширением научных подходов и методов // Российский гуманитарный журнал. 2015. Т. 4. № 5.
21. Бочкарев С.А. Теоретико-методологическое исследование уголовного права как системы научного знания : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020.
22. Егорова Н.А. Современные проблемы развития науки уголовного права / Н.А. Егорова; Отв. ред. В.В. Векленко // Вопросы правовой теории и практики: Сб. науч. тр. Омск : Омская академия МВД России, 2012. Вып. 7.
23. Жалинский А.Э. О переменах в науке уголовного права // Избранные труды : в 4 т. Т. 4. Правовое мышление и профессиональная деятельность юриста. Научковедческие проблемы правоведения. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.
24. Постановление Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 «О порядке присуждения ученых степеней» (вместе с «Положением о присуждении ученых степеней») // Собрание законодательства РФ. 2013. № 40 (часть III). Ст. 5074.
25. Уголовное право России. Общая часть. Учебник / Под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб. : Издат. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, Изд-во юридического факультета С.-Петерб. гос. ун-та, 2006.
26. Жалинский А.Э. Об экономическом подходе к уголовному правотворчеству // Государство и право. 2007. № 10.
27. Бибик О.Н. Рынок преступлений и наказаний. СПб. : Юридический центр Пресс, 2017.
28. Кулыгин В.В. Этнокультура уголовного права. М. : Юрист, 2002.
29. Бибик О.Н. Введение в культурологию уголовного права. М. : Юрлитинформ, 2012.
30. Есаков Г.А. Mens Rea в уголовном праве Соединенных Штатов Америки. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003.
31. Головкин Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб. : Юридический центр Пресс, 2002.
32. Рагимов И.М. Философия преступления и наказания. СПб. : Юридический центр Пресс, 2013.
33. Гурин Д.В. Право государства на уголовное наказание: содержание и ограничения. М. : Юрлитинформ, 2022.
34. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М. : Проспект, 2009.
35. Бабаев М.М. Очерки криминальной рискологии / М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин. М. : Юрлитинформ, 2021.
36. Гузеева О.С. Проблемы теории конституционализации уголовного права. М. : Проспект, 2021.
37. Бойко А.И. Нравственно-религиозные основы уголовного права. М. : Юрлитинформ, 2010.
38. Иванов Н.Г. Беседы о преступлении и наказании в пределах уголовного права и не только, умножающие скорбь. М. : Юрлитинформ, 2018.
39. Рахманова Е.Н. Защита прав человека от криминальных угроз в условиях глобализации: криминологический и уголовно-правовой анализ. М. : Университетская книга, 2008.
40. Бочкарев С.А. Теоретико-методологическое исследование уголовного права как системы научного знания : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020.
41. Хочоян А.Г. Сопоставление научных работников права 1938 г. и его значение для развития советской юридической науки // Право и политика. 2008. № 6.
42. Правовая мысль прошлого // Вопросы правоведения. 2009. № 1. № 2.
43. Постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию юридической науки и улучшению юридического образования в стране» — программа деятельности юридических вузов страны // Правоведение. 1965. № 1.
44. Карпец И.И. Некоторые проблемы науки советского уголовного права в свете постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию юридической науки и улучшению юридического образования в стране» // Советское государство и право. 1965. № 1.
45. Об основных направлениях работы института государства и права // Вестник Академии наук СССР. 1965. № 1.
46. Задачи дальнейшего развития советской юридической науки // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1978. № 6.
47. Хиллута В.В. Какой быть методологии уголовного права // Lex Russica. 2016. № 12(121).

References:

1. Criminal Law of Russia. General Part. Textbook / Edited by N.M. Kropachev, B.V. Volzhenkin, V.V. Orekhov. - SPb.: Publishing House of St. Petersburg State University, Publishing House of the Faculty of Law of St. Petersburg State University, 2006.
2. Zhalinsky A.E. Criminal-legal thought and the science of criminal law // Selected works : in 4 vol. Vol. 4. Legal

- thinking and professional activity of a lawyer. Science studies problems of jurisprudence. M. : Publishing House of the Higher School of Economics, 2016.
3. Babaev M.M. Russian criminal policy and criminal law: an experience of critical analysis / M.M. Babaev, Yu.E. Pudovochkin. M. : Yurlitinform, 2017.
 4. Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions / T. Kuhn; Transl. from English by I.Z. Naletov; General. ed. and afterwords by S.R. Mikulinsky and L.A. Markova. M. : Progress, 1975.
 5. Gontar I.Ya. Paradigms in Criminal Law and Reality // News of Higher Educational Institutions. Jurisprudence. 2002. № 6(245).
 6. Arutyunov A.A. On the Issue of Criminal Law Paradigms // Actual Problems of Criminal and Criminal Procedure Law: Current State and Development Prospects: scientific works. M. : Saratov Source, 2014. Vol. 1(2).
 7. Nersesyants V.S. Law and Legal Act: Formation and Development / Edited by V.V. Lapaeva. M. : Norma, 2009.
 8. Varlamova N.V. Russian Theory of Law in Search of a Paradigm // Journal of Russian Law. 2009. № 12.
 9. Rychagova O.E. Legal Paradigm and Paradigmatic Texts // Modern Law. 2016. № 8.
 10. Lapaeva V.V. Types of Legal Understanding: Legal Theory and Practice. M. : Russian Academy of Justice, 2012.
 11. Shakhanov V.V. Legal Paradigms : author's abstract. dis. ... candidate of legal sciences. Vladimir, 2005.
 12. Voynikanis E.A. Paradigmatic Approach to the Study of Intellectual Property Rights : dis. ... doctor of law. M., 2015.
 13. Tsai K.A. «Standard» model of scientific knowledge in the criminal law of Russia (on the example of administrative prejudice, corporate criminal liability and conflict of laws criminal law) // Bulletin of Udmurt University. Series: Economics and Law. 2016. Vol. 26. Iss. 3.
 14. Kosheleva A.Yu. Discoveries and constructions in the science of criminal law // Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University. 2011. № 1(18).
 15. Open letter of Professor A.V. Naumov to Academician V.N. Kudryavtsev // Criminal law. 2006. № 4.
 16. Khilyuta V.V. Prospects for the development of the methodology of criminal law in the postmodern era // Journal of Russian Law. 2017. № 5.
 17. Zborovsky G.E. History of sociology : textbook. M. : Gardariki, 2004.
 18. Belyaev M.A. Scientific knowledge of law: genesis and epistemological specificity : author's abstract. dis. ... candidate of philosophical sciences. Voronezh, 2009.
 19. Bezborodov D.A. Organization and conduct of criminal-law research: a teaching aid for the faculty of training scientific and pedagogical personnel and master's degree programs. SPb. : St. Petersburg Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2016.
 20. Kartashova A.A. Transformation and deformation of scientific knowledge in connection with the expansion of scientific approaches and methods // Russian Humanitarian Journal. 2015. Vol. 4. № 5.
 21. Bochkarev S.A. Theoretical and methodological study of criminal law as a system of scientific knowledge : dis. ... doctor of law sciences. M., 2020.
 22. Egorova N.A. Modern problems of development of science of criminal law // Issues of legal theory and practice: collection of scientific works / N.A. Egorova; Ed. V.V. Veklenko. Omsk : Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2012. Iss. 7.
 23. Zhalinsky A.E. On changes in science of criminal law // Selected works : in 4 vol. Vol. 4. Legal thinking and professional activity of a lawyer. Scientific studies problems of jurisprudence. M. : Publishing house of the Higher School of Economics, 2016.
 24. Resolution of the Government of the Russian Federation of September 24, 2013 № 842 «On the procedure for awarding academic degrees» (together with the «Regulations on awarding academic degrees») // Collection of legislation of the Russian Federation. 2013. № 40 (part III). Art. 5074.
 25. Criminal law of Russia. General part. Textbook / Edited by N.M. Kropachev, B.V. Volzhenkin, V.V. Orekhov. SPb. : Publishing House of St. Petersburg State University, Publishing House of the Faculty of Law of St. Petersburg State University, 2006.
 26. Zhalinsky A.E. On the economic approach to criminal lawmaking // State and Law. 2007. № 10.
 27. Bibik O.N. Crime and Punishment Market. SPb. : Legal Center Press, 2017.
 28. Kulygin V.V. Ethnoculture of Criminal Law. M. : Jurist, 2002.
 29. Bibik O.N. Introduction to the Cultural Studies of Criminal Law. M. : Yurlitinform, 2012.
 30. Esakov G.A. Mens Rea in the Criminal Law of the United States of America. SPb. : Legal Center Press, 2003.
 31. Golovko L.V. Alternatives to Criminal Prosecution in Modern Law. SPb. : Legal Center Press, 2002.
 32. Ragimov I.M. Philosophy of Crime and Punishment. SPb. : Legal Center Press, 2013.
 33. Gurin D.V. The Right of the State to Criminal Punishment: Content and Limitations. M. : Yurlitinform, 2022.
 34. Zhalinsky A.E. Criminal law in anticipation of changes: theoretical and instrumental analysis. M. : Prospect, 2009.
 35. Babaev M.M., Pudovochkin Yu.E. Essays on criminal riskology. M. : Yurlitinform, 2021.
 36. Guzeeva O.S. Problems of the theory of constitutionalization of criminal law. M. : Prospect, 2021.
 37. Boyko A.I. Moral and religious foundations of criminal law. M. : Yurlitinform, 2010.
 38. Ivanov N.G. Conversations about crime and punishment within the criminal law and beyond, multiplying sorrow. M. : Yurlitinform, 2018.
 39. Rakhmanova E.N. Protection of human rights from criminal threats in the context of globalization: criminological and criminal-law analysis. M. : University book, 2008.

40. Bochkarev S.A. Theoretical and methodological study of criminal law as a system of scientific knowledge : diss. ... doctor of law. M., 2020. P. 86.
41. Khochoyan A.G. Conference of legal scholars of 1938 and its significance for the development of Soviet legal science // Law and Politics. 2008. № 6.
42. Legal thought of the past // Issues of jurisprudence. 2009. № 1. № 2.
43. Resolution of the Central Committee of the CPSU «On measures for the further development of legal science and the improvement of legal education in the country» – a program of activities of law schools in the country // Jurisprudence. 1965. № 1.
44. Karpets I.I. Some problems of the science of Soviet criminal law in light of the Resolution of the Central Committee of the CPSU «On measures for the further development of legal science and the improvement of legal education in the country» // Soviet state and law. 1965. № 1.
45. On the main directions of work of the Institute of State and Law // Bulletin of the USSR Academy of Sciences. 1965. № 1.
46. Tasks for the further development of Soviet legal science // News of higher educational institutions. Jurisprudence. 1978. № 6.
47. Khilyuta V.V. What should be the methodology of criminal law // Lex Russica. 2016. № 12(121).

Информация об авторах

Бабаев Михаил Матвеевич

Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук,
профессор,
главный научный сотрудник
научно-исследовательского центра,
Всероссийский научно-исследовательский институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
Babaev@mail.ru

Пудовочкин Юрий Евгеньевич

доктор юридических наук,
профессор,
профессор кафедры уголовного права,
Московский государственный
юридический университет имени О.Е. Кутафина
Pudovochkin@mail.ru

Mikhail M. Babaev

Honored Scientist of the Russian Federation,
Doctor of Law,
Professor,
Chief Researcher of the Research Center,
All-Russian Research Institute of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation
Babaev@mail.ru

Yuri E. Pudovochkin

Doctor of Law,
Professor,
Professor of the Department of Criminal Law,
O.E. Kutafin Moscow State Law University
Pudovochkin@mail.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 17.01.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 20.02.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.03.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-1-10>

УДК 347.91/.95

Attribution

cc by

ГРАЖДАНСКОЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В СВЯЗИ С ТРАНСГРАНИЧНОЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬЮ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Балданов Р.В.

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Аннотация. Автор анализирует концепции гражданского процессуального правоотношения, ранее разработанные учеными-процессуалистами. В статье исследуется применение учения о гражданском процессуальном правоотношении к трансграничной несостоятельности: его возникновение, развитие и структура. Проанализировав подходы к пониманию процессуального правоотношения, автор применяет выбранный им подход, основанный на существовании единого сложного гражданского процессуального правоотношения, возникающего в ординарном гражданском процессе, к модернизированному универсализму как модели регулирования трансграничной несостоятельности. По результатам исследования автор приходит к выводу о том, что трансграничная несостоятельность представляет собой единое сложное процессуальное правоотношение, в рамках которого существуют дополнительные правоотношения. Дополнительными правоотношениями, по мнению автора, в контексте модернизированного универсализма, являются неосновные производства. Результаты исследования могут способствовать развитию учения о трансграничной несостоятельности как единого сложного процессуального правоотношения, возникающего в трансграничном разбирательстве.

Ключевые слова: трансграничная несостоятельность, гражданское процессуальное право, банкротство, процессуальное правоотношение, международный гражданский процесс.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

CIVIL PROCEDURE LEGAL RELATIONSHIP ARISING FROM CROSS-BORDER INSOLVENCY: THEORY ISSUES

Ruslan V. Baldanov

V.F. Yakovlev Ural State Law University

Abstract. The author analyzes the concepts of civil procedural legal relation previously developed by scientists. The article investigates the application of the doctrine of civil procedural legal relation to cross-border insolvency: its emergence, development and structure. Having analyzed the approaches to the understanding of the procedural legal relation, the author applies the approach chosen by him, based on the existence of a single complex civil procedural legal relation arising in ordinary civil procedure, to modernized universalism as a model of regulation of cross-border insolvency. Based on the results of the study, the author concludes that cross-border insolvency is a single complex procedural legal relation within which there are additional legal relations. Additional legal relations, according to the author, in the context of modernized universalism, are non-core proceedings. The results of the study may contribute to the development of the doctrine of cross-border insolvency as a single complex procedural legal relationship arising in cross-border proceedings.

Keywords: cross-border insolvency, civil procedure law, bankruptcy, procedural legal relation, international civil procedure.

Funding: Independent work.

Введение.

Как известно, гражданское процессуальное отношение охватывает всех участников гражданского дела. Данные правоотношения также воз-

никают, изменяются и прекращаются и в ходе производства по делу о несостоятельности. Интерес представляет развитие гражданского процессуального правоотношения в рамках трансграничной несостоятельности: его генезис и

© Балданов Р.В.

структура. В статье представлена попытка теоретического осмысления правоотношения, возникающего в связи с трансграничной несостоятельностью, с точки зрения гражданского процесса.

Обсуждение. Результаты.

1. Учение о гражданском процессуальном правоотношении.

Под процессуальным отношением понимается отношение, которое складывается между судом и лицами, участвующими в деле, при совершении процессуальных действий и урегулированных нормами гражданского процессуального права [1]. В доктрине гражданского процессуального права сложились разносторонние взгляды на процессуальное правоотношение.

Например, Е.В. Васильковский писал, что в каждом гражданском деле возникают мириады процессуальных правоотношений, отмечая, что данные правоотношения носят элементарный характер [2, с. 682–688].

В.П. Мозолин отмечал, что участники процесса вступают в правовую связь только с судом. При этом гражданское процессуальное правоотношение может существовать исключительно в единстве деятельности всех субъектов правоотношения, направляющей основой которого является деятельность суда по отправлению правосудия [11, с. 56].

Н.Б. Зейдер критиковал данную позицию, указывая на то, что наличие отношений между судом и сторонами, а также отсутствие отношений между самими сторонами не свидетельствует о наличии единого правоотношения [5, с. 4–26].

Не соглашался с позицией В.П. Мозолина и А.Ф. Козлов, который указывал на то, что в гражданском судопроизводстве возникает и развивается не одно, а множество, и не простых, а сложных процессуальных правоотношений [8, с. 6–8].

В.Н. Щеглов высказывал позицию, согласно которой гражданское процессуальное правоотношение состоит из основного правоотношения и дополнительных [17, с. 29–46].

Данную позицию разделял М.А. Гурвич [3, с. 30], который писал, что процессуальное правоотношение является сложным развивающимся правоотношением, внутри которого имеются более самостоятельные части.

Не углубляясь в дискуссию относительно обоснованности или необоснованности вышеизложенных подходов, отметим, что процессуальную сторону несостоятельности (т.е. производства по делу о несостоятельности) исследуют посредством представления всего производства как единого сложного процессуального правоотношения [12].

В связи с этим полагаем, что для исследования трансграничной несостоятельности наиболее подходящим и обоснованным подходом является подход, разработанный В.Н. Щегловым и М.А. Гурвичем, о сложной структуре гражданского процессуального правоотношения, в составе которого возникают, изменяются и прекращаются дополнительные процессуальные правоотношения. На наш взгляд, теория о едином сложном процессуальном правоотношении как нельзя лучше отображает структуру производства по делу о банкротстве, в котором одновременно с основным спором о признании лица несостоятельным и выбором процедуры возникают, рассматриваются и разрешаются обособленные споры.

2. Гражданское процессуальное правоотношение, возникающее в связи с несостоятельностью.

В доктрине гражданского процесса отсутствует единый взгляд на природу производства по делу о несостоятельности.

Г.Ф. Шершеневич, исследуя конкурсное производство, указывал на его схожесть с исполнительным производством, называя конкурсное производство особой формой исполнительного производства [16, с. 95].

А.Ф. Клейнман же придерживался позиции о смешанном характере производства по делу о несостоятельности: на этапе рассмотрения обоснованности требований кредитора-заявителя производство является иском, поскольку рассматриваются так же, как и обычные гражданские дела, а после принятия решения о введении конкурса является ликвидационным процессом, особым видом исполнительного производства [7, с. 8].

В.Ф. Попондопуло относит производство по делам о несостоятельности к делам особого производства в связи с отсутствием спора о праве между заявителем и должником [13, с. 52].

По мнению Уксусовой Е.Е., производство по делу о несостоятельности выходит за рамки обычного гражданского судопроизводства и должно рассматриваться как специальный судебный порядок [15, с. 106–119].

По причине уникального порядка рассмотрения дела о банкротстве В.В. Ярков также относит производство по делу о несостоятельности к самостоятельным видам производства [10, с. 18].

Соглашаясь с позицией относительно того, что производство по делам о несостоятельности является самостоятельным видом производства, отметим также, что производство по делам о несостоятельности характеризуется наличием самостоятельных принципов.

Подольский Ю.Д., исследуя обособленные споры в делах о банкротстве, указывает на существование двух принципов, которые свойственны

производству по делу о банкротстве: (1) процессуальной активности суда, а также (2) приоритета компетенции суда, рассматривающего дело о банкротстве [12].

Следовательно, вывод о самостоятельном характере производства по делам о несостоятельности находит свое подтверждение в существовании самостоятельных принципов, поскольку качественные особенности отраслей находят свое выражение в принципах [14, с. 183–187].

В дальнейшем, в данной статье производство по делу о несостоятельности рассматривается как единое сложное гражданское процессуальное правоотношение, которое представляет собой самостоятельный вид производства.

В данном производстве процессуальное правоотношение возникает в момент возбуждения судом дела о несостоятельности, поскольку предшествующий этому этап – с момента подачи заявления о признании должника несостоятельным до возбуждения дела о несостоятельности представляется «процессом о процессе» [4, с. 6].

Содержанием основного процессуального правоотношения, от которого формируются его ответвления – дополнительные и вспомогательные правоотношения, является спорное материальное правоотношение [4, с. 21].

К аналогичному выводу пришел проф. К.И. Комиссаров, который писал, что материальное правоотношение, в отношении которого возбуждено гражданское дело, является критерием определения единого сложного процессуального отношения [9, с. 131].

Применительно к делам о несостоятельности, представляется, что материальным правоотношением, которое выступает содержанием процессуального правоотношения, является материальное правоотношение, возникающее по поводу несостоятельности участника гражданского оборота, т.е. должника.

В доктрине предпринимательского права утверждается, что для возникновения материального правоотношения по поводу несостоятельности участника гражданского оборота необходимо лишь наличие формальных признаков несостоятельности [6]. Отметим, что речь идет о «досудебной» стадии формирования правоотношения, поскольку с момента возбуждения дела о несостоятельности, а также введения той или иной процедуры, также наступают материально-правовые последствия. Данный подход подтверждается позицией о двухчленной структуре правоотношения, возникающего в связи с несостоятельностью участника гражданского оборота [18, с. 18]. Следовательно, содержанием единого сложного процессуального правоотношения выступает материальное правоотношение, возникающее в момент наличия у должника признаков несостоятельности.

Как отмечалось выше, характерной особенностью подхода М.А. Гурвича является наличие дополнительных и вспомогательных правоотноше-

ний. Применительно к производству по делу о несостоятельности, дополнительными правоотношениями являются обособленные споры, которые представляют собой горизонтальное развитие процессуального правоотношения [12].

Таким образом, процессуальное правоотношение, возникающее в производстве по делу о несостоятельности, можно проанализировать через подход М.А. Гурвича о едином сложном процессуальном отношении, в состав которого входят дополнительные и вспомогательные правоотношения. В результате наложения данного подхода на производство по делам о несостоятельности можно прийти к выводу о поступательном развитии процессуального отношения в деле о несостоятельности в двух направлениях: горизонтальном и вертикальном.

3. Процессуальное правоотношение, возникающее в связи с трансграничной несостоятельностью.

Теория, разработанная М.А. Гурвичем и В.Н. Щегловым, применима не только к национальному банкротству, но и трансграничному. Представляется, что осложнение правоотношения иностранным элементом не изменяет структуру правоотношения. Безусловно, наличие иностранного элемента в правоотношении требует определенных изменений в регулировании. Вместе с тем, сущностные характеристики гражданского процессуального правоотношения сохраняют свою основополагающую природу, несмотря на трансграничный характер.

Подобно тому, как возникает, изменяется и прекращается процессуальное отношение в рамках национального дела о несостоятельности, правоотношение, возникающее в связи с трансграничной несостоятельностью, также возникает, изменяется и прекращается. Вместе с тем, процессуальное отношение и его характеристика зависит от модели правового регулирования трансграничной несостоятельности, поэтому представляется целесообразным дать общую характеристику каждой из основных моделей, а также проанализировать динамику и структуру процессуального правоотношения.

Основываясь на изложенном ранее, предположим, что процессуальное правоотношение, возникающее в связи с трансграничной несостоятельностью, возникает в случае возбуждения нескольких производств по делам о несостоятельности в отношении одного и того должника в двух и более юрисдикциях. Содержанием основного правоотношения, как мы указали выше, является спорное материальное правоотношение. Применительно к трансграничной несостоятельности, полагаем, что возникновение материального правоотношения опосредуется возникновением у должника признаков несостоятельности.

Должник и его кредиторы являются участниками материального правоотношения независимо от локализации правоотношения. Следовательно, материальное правоотношение о несостоятельности объединяет производства по делам о

несостоятельности в отношении должника, которые разрознены по юрисдикциям. Фигурально выражаясь, материальное правоотношение в трансграничной несостоятельности, возникшее между должником и его кредиторами, связывает красной нитью производства по делам о несостоятельности в отношении должника.

Следует также обратить внимание на множественность судов в процессуальном правоотношении. Полагаем, что данный факт не влияет на квалификацию правоотношения в качестве единого сложного.

Во-первых, в рамках ординарного гражданского процесса также может существовать множественность на стороне суда, например, в случае исполнения судебного поручения в порядке статей 62 ГПК РФ и 73 АПК РФ.

Во-вторых, в рамках конкретного территориального (т.е. неосновного) производства лица, участвующие в деле о несостоятельности, взаимодействуют с конкретным судом, который совершает процессуальные действия в рамках национального производства по делу о несостоятельности.

С точки зрения гражданского процесса, классический или чистый универсализм является ординарным делом о несостоятельности, которое имеет экстерриториальный характер. В рамках данного дела, структура процессуальных правоотношений представляет собой основное правоотношение – спор о несостоятельности, в рамках которого возникают дополнительные правоотношения, связанные с разрешением отдельных споров, а также признанием и приведением в исполнение решений суда на территории иностранных государств, где расположены активы должника.

Модернизированный универсализм взял от классического (т.н. «чистого») универсализма идею экстерриториальности – все активы должны быть реализованы в рамках одного дела о банкротства. Основной идеей модернизированного универсализма является наличие компетенции лишь у одного суда возбудить основное дело о несостоятельности в отношении должника, которое имеет экстерриториальный характер, т.е. концентрирует все активы в рамках одного дела о несостоятельности.

Между тем, модернизированный универсализм позволяет возбуждать иные производства о

несостоятельности в отношении должника в иностранных государствах. Данные производства, в зависимости от целей, именуются единым, основным, вторичным, дополнительным, вспомогательным, территориальным и параллельным.

Структура сложного процессуального правоотношения раскрывается, на наш взгляд, наиболее полно на примере доктрины модифицированного универсализма. Так, основное производство представляет собой основное процессуальное правоотношение. В рамках данного правоотношения, создаются отдельные правоотношения – вторичные производства, которые не могут существовать без основного производства. В данном случае, основное производство выступает в качестве предпосылки для возбуждения вторичного производства. Кроме того, возбуждение основного производства является правопреобразующим юридическим фактом, поскольку с момента его возбуждения дополнительные производства переходят в разряд вторичных. При этом как основное производство, так и дополнительные, объединены одним содержанием – материальным правоотношением между должником и его кредиторами.

Заключение.

Подводя итог вышеизложенному, отметим следующее.

Содержанием единого сложного гражданского процессуального отношения, возникающего в связи с трансграничной несостоятельностью, является материальное правоотношение между должником и его кредиторами. Данный критерий является фактором, который объединяет процессуальные правоотношения, возникающие в связи с трансграничной несостоятельностью. В связи с этим, гражданское процессуальное правоотношение является единым и сложным независимо от модели регулирования трансграничной несостоятельности.

Представляется, что наиболее полно подход о едином сложном гражданском процессуальном правоотношении раскрывается на примере модернизированного универсализма. В рамках модернизированного универсализма основное производство является основным правоотношением, от которого берут свое начало дополнительные правоотношения, т.е. вторичные производства.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства / Д.Б. Абушенко [и др.]; Под ред. В.В. Яркова; Отв. ред. В.В. Ярков; Автор главы – В.В. Ярков. М. : Статут, 2021
2. Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса. Т. 1. Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М. : Издание Бр. Башмаковых, 1913. 704 с.
3. Гурвич М.А. Основные черты гражданского процессуального правоотношения // Советское государство и право. 1972. № 2. С. 29–36.
4. Гурвич М.А. Структура и движение гражданского процессуального правоотношения // Вопросы науки советского гражданского процессуального права. М., 1975. С. 3–34.
5. Зейдер Н.Б. Гражданские процессуальные правоотношения. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1966. 74 с.
6. Карелина С.А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности. М. : Волтерс Клувер, 2008.
7. Клейнман А.Ф. О несостоятельности частным лиц по советскому процессуальному праву. Иркутск, 1929. 40 с.
8. Козлов А.Ф. Суд первой инстанции как субъект советского гражданского процессуального права. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1983. 165 с.
9. Комиссаров К.И. К теории гражданских процессуальных правоотношений // Проблемы применения норм гражданского процессуального права: Межвузовский сборник научных трудов. Свердловск : УрГУ, 1978. Вып. 65. С. 126–132.
10. Конкурсное производство. Учебное пособие / Под ред. В.В. Яркова. СПб. : Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. 448 с.
11. Мозолин В.П. О гражданско-процессуальном правоотношении // Советское государство и право. 1955. № 6. С. 50–57.
12. Подольский Ю.Д. Обособленные споры в банкротстве : монография. М. : Статут, 2020.
13. Попондопуло В.Ф. Производство по делам о банкротстве в арбитражном суде / В.Ф. Попондопуло, Е.В. Сlepченко. СПб. : Юридический центр «Пресс». 2004. 346 с.
14. Семенов В.М. Понятие и система принципов советского гражданского процессуального права / Под ред. В.В. Яркова // Краткая антология уральской процессуальной мысли: 55 лет кафедре гражданского процесса Уральской государственной юридической академии. С. 183–187.
15. Уксусова Е.Е. Специальный характер правового регулирования судопроизводства по делам о несостоятельности (банкротстве) // Журнал российского права. 2009. № 12. С. 106–119.
16. Шершеневич Г.Ф. Конкурсное право. М. : Книга по Требованию, 2013. 508 с.
17. Щеглов В.Н. Гражданское процессуальное правоотношение. М. : Юрид. лит., 1966. 168 с.
18. Ярков В.В. Правовая природа и источники конкурсного производства // Арбитражный и гражданский процесс. 2002. № 11. С. 14–15.

References:

1. Current Issues of Civil and Administrative Procedure / D.B. Abushenko [et al.]; Edited by V.V. Yarkov; Responsible editor: V.V. Yarkov; Author of the chapter: V.V. Yarkov. M. : Statut. 2021.
2. Vas'kovsky E.V. Course of Civil Procedure. Vol. 1. Subjects and Objects of the Process, Procedural Relations and Actions / E.V. Vas'kovsky. Moscow: Edition of the Bashmakov Brothers, 1913. 704 p.
3. Gurvich M.A. Main Features of Civil Procedural Legal Relationships // Soviet State and Law. 1972. № 2. P. 29–36.
4. Gurvich M.A. The structure and movement of civil procedural legal relations // Questions of science of Soviet civil procedural law. M., 1975. P. 3–34.
5. Zeider N.B. Civil procedural legal relations. Saratov : Publishing house of Saratov University, 1966. 74 p.
6. Karelina S.A. Mechanism of legal regulation of insolvency relations. M. : Wolters Kluwer, 2008.
7. Kleinman A.F. On the insolvency of individuals under Soviet procedural law. Irkutsk, 1929. 40 p.
8. Kozlov A.F. Court of first instance as a subject of Soviet civil procedural law. Tomsk : Publishing house of Tomsk University, 1983. 165 p.
9. Komissarov K.I. On the Theory of Civil Procedural Legal Relations // Problems of Application of Norms of Civil Procedural Law: Interuniversity Collection of Scientific Papers. Sverdlovsk : Ural State University, 1978. Iss. 65. P. 126–132.
10. Bankruptcy Proceedings. Study Guide / Ed. by V.V. Yarkov. SPb. : Publishing House of St. Petersburg State University, Publishing House of the Law Faculty of St. Petersburg State University, 2005. 448 p.
11. Mozolin V.P. On Civil Procedural Legal Relations // Soviet State and Law. 1955. № 6. P. 50–57.
12. Podolsky Yu.D. Isolated Disputes in Bankruptcy : monograph. M. : Statut, 2020.
13. Popondopulo V.F. Bankruptcy Proceedings in Arbitration Court / V.F. Popondopulo, E.V. Slepchenko. SPb. : Press Legal Center. 2004. 346 p.
14. Semenov V.M. Concept and System of Principles of Soviet Civil Procedural Law / Ed. by V.V. Yarkov // Brief Anthology of Ural Procedural Thought: 55 Years of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law Academy. P. 183–187.
15. Uksusova E.E. Special Nature of Legal Regulation of Insolvency (Bankruptcy) Proceedings // Journal of Russian Law. 2009. № 12. P. 106–119.
16. Shershenovich G.F. Competition Law. M. : Book on Demand, 2013. 508 p.

17. Shcheglov V.N. Civil procedural legal relationship. M. : Legal Literature, 1966. 168 p.
18. Yarkov V.V. Legal nature and sources of bankruptcy proceedings // Arbitration and civil procedure. 2002. № 11. P. 14–15.

Информация об авторе

Балданов Руслан Владимирович

аспирант кафедры гражданского процесса,
Уральский государственный
юридический университет имени В.Ф. Яковлева,
юрист
ruslanbaldanov@gmail.com

Ruslan V. Baldanov

Postgraduate Student
of the Department of Civil Procedure,
V.F. Yakovlev Ural State Law University,
Lawyer
ruslanbaldanov@gmail.com

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 02.03.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.03.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.03.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-1-14>

УДК 343

Attribution

cc by

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ НЕОБХОДИМОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ПУБЛИЧНОЙ ЛИЧНОСТИ

Королькова Э.В.

Тюменский государственный университет

Аннотация. В статье первоначально определяется значимость и роль публичной личности в жизни общества, как один из гарантов ее стабильности, правильного развития и целостности отдельно взятых государств. Далее выделяются основные этапы развития активизации посягательств на жизнь публичных деятелей в России и указываются основные характерные признаки каждого этапа, на основании которых происходит их дифференциация. Рассматриваются составы преступлений, предусматривающие ответственность за посягательство на жизнь общественных и политических деятелей, которые используются в практической деятельности при квалификации преступлений, совершенных в отношении публичных личностей. Приводятся примеры наиболее значимых («громких») фактов посягательств на жизнь известных общественных и политических деятелей за последнее десятилетие, с указанием квалификации правоохранительными органами совершенных преступлений. В результате проведенного анализа теоретических и практических аспектов констатируется социально-политическая обусловленность необходимости законодательной защиты публичной личности, а также отсутствие в настоящее время единообразного практического подхода квалификации преступлений, совершенных в отношении рассматриваемой категории граждан. По итогам исследования сделаны выводы о необходимости проработки рассматриваемой проблемы в современной России как на законодательном уровне, так и в правоприменительной практике.

Ключевые слова: публичная личность, безопасность, посягательство на жизнь, уголовно-правовая защита, квалификация преступлений, власть, покушение, уголовный кодекс, право.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

SOCIO-POLITICAL CONDITIONALITY OF THE NEED FOR LEGISLATIVE PROTECTION OF THE PUBLIC PERSONALITY

Elina V. Korolkova

Tyumen State University

Abstract. The article initially defines the significance and role of a public figure in the life of society as one of the guarantors of its stability, proper development and integrity of individual states. Then, the main stages of development of intensification of attacks on the lives of public figures in Russia are highlighted and the main characteristic features of each stage are indicated, on the basis of which they are differentiated. The article examines the composition of crimes that provide for liability for an attack on the lives of public and political figures, which are used in practical activities when qualifying crimes committed against public figures. Examples of the most significant («high-profile») facts of attacks on the lives of famous public and political figures over the past decade are given, indicating the qualification of the crimes committed by law enforcement agencies. As a result of the analysis of theoretical and practical aspects, the socio-political determinacy of the need for legislative protection of a public figure is stated, as well as the current absence of a uniform practical approach to the qualification of crimes committed against the category of citizens in question. Based on the results of the study, conclusions were made about the need to work out the problem under consideration in modern Russia both at the legislative level and in law enforcement practice.

Keywords: public figure, security, attempt on life, criminal law protection, qualification of crimes, power, attempt, criminal code, law.

Funding: Independent work.

Введение

Уголовно-правовой защите власти с древнейших времен уделялось огромное внимание, поскольку без власти невозможно представить жизнь ни одного общества, существующего в современном мире и существовавшего ранее. Власть представляет собой социальное явление, которое пронизывает любые устойчивые взаимоотношения людей, связывает и структурирует их, формирует некую целостность в сложившейся иерархичной системе мира [1, с. 21].

Сейчас уже крайне тяжело представить государство или даже просто общность людей, которые смогли бы на протяжении длительного периода времени функционировать и развиваться без по крайней мере условно выстроенной иерархии и структуры власти.

Еще Аристотель в своих работах высказывал мнение о том, что «Власть играет роль активной формы, трансформирующей пассивную материю в реальные предметы. В социальной жизни власть обеспечивает организацию совместной деятельности и стабилизирует отношения в социальной системе» [2, с. 4–8].

Однако следует учитывать, что не только прямая власть формирует стабильность и целостность государства, в этом длительном и тонком процессе участвуют и иные публичные деятели, и лица, которые имеют влияние на мировоззрение и взгляды неограниченного круга граждан.

Именно поэтому при рассмотрении данного вопроса считается целесообразным оценивать власть не только как форму прямого управления обществом и государством, но и как косвенного инструмента воздействия на их жизнь и развитие.

Описание исследования

Исторические предпосылки актуальности защиты публичных личностей.

При анализе истории покушений и убийств публичных деятелей на протяжении развития человеческого общества, четко прослеживается, что покушение и убийство публичных личностей активно применялось в каждом периоде истории поскольку, несомненно, это было и есть действенным способом разрешения политических конфликтов и, вероятнее всего, будет применяться и дальше.

Наиболее ярким одним из первых примеров убийства публичного деятеля в мировой истории представляется убийство величайшего правителя, диктора римской республики Гая Юлия Цезаря 15 марта 44 г. до н.э.

Убийство Цезаря было организовано заговорщиками-республиканцами, возглавляемых Гаем Кассием Лонгином и Марком Юнием Брутом.

Данное посягательство было обусловлено желанием сохранить и укрепить сложившийся республиканский строй и связано с политической деятельностью правителя, в целях защиты от произвола.

В процессе развития общества, такой способ борьбы за власть не терял своей актуальности и распространенности. Например, в эпоху средневековья убийство государственных и общественных противников также применялось как средство борьбы за власть и ее удержание.

История покушений на жизни публичных личностей, как явления, уходящего корнями в далекое прошлое, сложна и многогранна. Ее анализ позволяет выделить ранний период развития, в котором отчетливо прослеживаются два ключевых этапа, существенно отличающихся друг от друга по своим целям. Первый этап характеризуется возникновением и распространением посягательств со стороны непосредственно самого государств. Это период, когда государственная власть широко и открыто использовала такой способ как часть управления обществом и поддержания контроля над населением. Это было не просто применение силы; это была целая стратегия, закреплённая в государственной политике и имеющая определенную идеологическую основу, часто связанную с утверждением абсолютной власти и подавлением любого инакомыслия.

Второй этап отмечается появлением оппозиционных покушений и убийств, развивающегося параллельно с продолжающимися действиями со стороны государства. Они копируют структуру и методы, используемые властью, стараясь достичь своих целей – будь то смена политического строя, борьба за независимость или достижение социальных реформ – с помощью насилия и устрашения. Этот этап является откликом на действия со стороны государства, как своего рода «зеркальное отражение» первого этапа.

Ключевое различие между этими этапами заключается в мотивации. Первый этап, помимо очевидных политических целей, часто преследовал и экономические цели. Насилие использовалось для укрепления экономической власти, контроля над ресурсами, подавления рабочего движения или ликвидации экономических конкурентов. Второй же этап зачастую был мотивирован идейно-политическими целями, хотя экономические факторы также могут играть немаловажную роль. Оба этапа являются важными вехами, позволяющими понять причины совершаемых покушений и убийств на публичных личностей, а также особенности его развития в современном мире.

Этапы активизации и формы данных явлений можно выделить и отдельно в разрезе истории становления российского государства:

1) до середины XIX века политический террор проявлял себя в форме заговоров аристократии и убийств по воле монархов, укреплявших свою власть, то есть до этого периода практически отсутствовали покушения в результате недовольства властью со стороны простого народа и общественности.

2) этап революционного террора (до 1917 г.), где главной целью являлось устрашение уже стоявшей и действующей власти, отличительной особенностью которого стали убийства видных государственных деятелей. На данном этапе уже явно видна высокая степень влияния общественных и политических деятелей на общество, о чем говорилось ранее, что и послужило «толчком» к его активизации и принятию таких радикальных мер. Однако стоит отметить, что в этот период стал получать развитие «неорганизованный» террор, который осуществлялся не конкретными организациями или партиями, что ранее не было характерно для такого вида преступлений.

3) в период гражданской войны, в ходе которой физическое уничтожение политических деятелей использовалось противоборствующими сторонами для подрыва способности противника к активному сопротивлению;

4) советский этап (до конца 80-х годов XX века), когда преобладающее число покушений и убийств публичных людей совершалось по прямому указанию руководства страны с целью расправы с политическими деятелями, устранить которых какими-либо легальными средствами не представлялось возможным. При этом уже на данном этапе законодатель осознавал опасность таких посягательств для стабильности и устойчивости советского строя. В связи с этим законодательство стремилось наиболее тщательно подойти к вопросу борьбы с убийствами общественных деятелей;

5) 90-е года XX века – до 2010-х годов XIX века – этап, который характеризуется совершением посягательств на жизнь государственных и общественных деятелей по религиозно-политическим соображениям, возникновением и развитием криминального террора, когда неугодных политических деятелей устраняют организованные преступные объединения;

6) настоящее время – когда рассматриваемые преступления являются следствием как внешне-политических событий, так и активной негативной пропагандой российских публичных личностей внутри государства.

Учитывая опыт исторического развития российского государства, в советский период истории нашей страны законодателем была поставлена задача защиты государственных и общественных деятелей, поскольку посягательства на их жизнь являются наиболее опасными для страны, так как могут в корне изменить порядок и путь ее

развития. Именно поэтому уже в первых уголовно-правовых актах советской России большое внимание уделяется борьбе убийствами советских государственных или общественных деятелей.

Правовое регулирование в Российской Федерации.

При разработке и принятии Уголовного кодекса Российской Федерации, в его первоначальной редакции, законодатель исходил из понимания посягательства на жизнь публичных личностей (государственные и общественные деятели) как одно из проявлений терроризма.

При этом под терроризмом имелся ввиду именно индивидуальный террор, т.е. убийство конкретных представителей государства и общественности.

Однако со временем стало понятно, что такой подход не до конца является верным, на что повлияли процессы трансформации характера террористической деятельности не только внутри государства, но и на международном уровне [3, с. 15–17].

Так, в Федеральном законе от 06 марта 2006 года № 35-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О противодействии терроризму» преступление, закрепленное в статье 277 УК РФ уже, не выделяется как форма терроризма. Поскольку данный закон является основополагающим в законодательном обосновании борьбы с терроризмом, то следует полагать, что посягательство на жизнь государственных или общественных деятелей не является террористическим преступлением.

В связи с этим, по многим известным убийствам публичных личностей квалификация осуществляется путем применения ст. 105 УК РФ, а не по иным квалифицированным составам, предусмотренных Особенной частью УК РФ. Использование именно данного состава преступления, является следствием уже успешно реализуемой и годами наработанной практикой правоохранительными органами. Но при этом, несмотря на длительное применение рассматриваемого состава, зачастую остаются пробелы в квалификации, так как объект преступления, присущий убийству, на практике оказывается не способным полностью охватить характер посягательства на жизнь, связанного с государственной, общественной или иной политической деятельностью.

Устранить этот недостаток могло бы активное применение ст. 277 УК РФ, так, как только эта норма является прямым законодательным описанием политического убийства.

События последнего десятилетия показывают, что совершаются подобные деяния все чаще и это уже не является единичным случаем, однако единообразности в квалификации таких преступлений до сих пор нет.

Квалификация преступлений, совершенных в отношении публичных личностей на современном этапе в России.

Для примера, как наиболее актуального к рассмотрению и анализа можно взять период со времени начала Специальной военной операции на Украине 24 февраля 2022 года, поскольку прошло достаточно времени, чтобы рассматривать эти события в ключе более детального исследования для выработки практических рекомендаций. Как известно, Специальная военная операция на Украине была вынужденной мерой военно-политического руководства страны в ответ на агрессию и беспрецедентные финансово-экономические санкции коллективного Запада в отношении России и Белоруссии.

Достаточно вспомнить громкие покушения и убийства известных таких общественных и политических деятелей.

1. Покушение на украинского политика, бывшего нардепа Верховной Рады Украины от Партии регионов – Олега Царева, который поддержал проведение специальной военной операции, что в свою очередь и повлекло непринятие такой позиции отдельными лицами. Именно поэтому, как известно из открытых информационных ресурсов, в мае 2014 года неизвестные лица ночью подожгли его дом. По данному инциденту Федеральная служба безопасности РФ возбудила уголовное дело по ст. 277 УК («Посылательство на жизнь государственного или общественного деятеля») [4]. Такая квалификация, вероятно, обусловлена именно ранее занимаемого положением, что представляется обоснованным и, казалось бы, имеет место быть и в иных подобных случаях. Однако, правоприменитель, в свою очередь, придерживается иной позиции, о чем свидетельствует следующий пример.

2. Захар Прилепин – с декабря 2015 года работал советником главы, самопровозглашенной Донецкой Народной Республики. В январе 2023 года он подписал контракт с Федеральной службой войск национальной гвардии и отправился в зону спецоперации российской армии на Донбассе. Как следствие, в мае 2023 года появилось сообщение, о том что машину, в которой находился Захар Прилепин, подорвали на трассе в Нижегородской области, в результате чего были получены переломы и сотрясение мозга. В противовес ранее примененной ст. 277 УК РФ, по данному факту Следственным комитетом РФ было возбуждено уголовное дело по статье 205 УК РФ [5]. Мотивы такой квалификации остаются под вопросом, поскольку в данном случае Захар Прилепин по всем признакам подходит под потерпевшего по ст. 277 УК РФ как политический деятель, однако, как указывалось выше, поскольку законодательно закрепленное определение отсутствует, то соответствие или не соответствие потерпевшего под указанный состав

осталось на полное усмотрение правоприменителя.

3. Убийство Дарьи Дугиной представляет еще один интересный пример, в котором подход к квалификации в корне отличается от ранее рассмотренных. Дарья Дугина – политический обозреватель Международного евразийского движения. В августе 2022 года автомобиль, в котором находилась Дарья Дугина, взорвался в Одинцовском районе Московской области. Девушка возвращалась с литературно-музыкального фестиваля «Традиция», на котором присутствовала в качестве почетного гостя.

Следственными органами Главного следственного управления Следственного комитета РФ по Московской области было возбуждено уголовное дело по факту убийства Дугиной, совершенного общеопасным способом (п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ). В ходе оперативно-розыскных мероприятий установлено, что преступление подготовлено и совершено украинскими спецслужбами. Министр иностранных дел РФ Сергей Лавров назвал убийство Дарьи Дугиной варварским преступлением, а глава комитета Госдумы по международным делам Леонид Слуцкий – политическим терактом [6].

Проблема разграничения вышеуказанных составов преступления, в том числе на уровне потерпевшего, исходя из отсутствия законодательно закрепленных терминов, была ранее подробно рассмотрена. По итогам проведенного исследования, сделаны выводы о целесообразности рассмотрения законодателем возможности появления официальных разъяснений относительно круга лиц, которые бы являлись потерпевшими по рассматриваемым составам преступлений, основанных на требованиях закона, способствующих правильному толкованию и единообразному применению закона на всей территории Российской Федерации [7].

Несмотря на то, что все покушения на убийства и убийства связаны с одними событиями, происходящими в современном мире, каждое из них квалифицируется правоприменителями по-разному, что подтверждает необходимость усиления охраны публичных личностей, в том числе посредством однообразия практики.

Заключение и выводы

Из представленных примеров явно прослеживается возрастание необходимости правильного и четкого регулирования правоотношений, связанных именно с защитой публичных личностей, учитывая напряженное состояние как внешне политических отношений России с иными государствами, так и происходящие расколы внутри самой страны, вызванных огромной пропагандистской компанией зарубежных стран, доводимой до сознания российских граждан, в особен-

ности молодого поколения, которое наиболее подвержено такому влиянию.

Убийство или попытка убийства известных людей – это серьёзная угроза всему миру. Такие акты подрывают политическую стабильность, экономику, социальные структуры, права человека и основные свободы. Для борьбы с этой угрозой необходимы комплексные меры. В первую очередь, нужно улучшать законы, в том

числе путем закрепления понятийного аппарата, используемый в ст.ст. 205, 277 УК РФ, а также дачи официальных разъяснений по порядку применения каждого из состава. Помимо этого, необходимо укрепление сотрудничества между различными государственными органами, как в превентивных целях, так и для последующего однозначного трактования и применения соответствующих норм и эффективное реагирование на угрозы.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Парсонс Т. О понятии «политическая власть» // Хрестоматия по теории государства и права, политологии, истории политических и правовых учений. М., 2000. 142 с.
2. Абдулазизов Т.Г. Власть как политическое основание права // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 21. С. 4–8.
3. Государственные преступления. Учебное пособие по советскому уголовному праву / Под ред. М.И. Якубовича и В.А. Владимирова. М., 1961. С. 15–17.
4. Олег Царев: кто он и чем известен. URL : <https://crimea.ria.ru/20231027/kto-takoy-oleg-tsarev-i-chem-on-izvesten-1132360572.html> (дата обращения 21.09.2024).
5. Пашин Ф. СВО-2022: Главные уроки. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/svo-2022-glavnye-uroki> (дата обращения 21.09.2024).
6. Убийство журналистки Дарьи Дугиной (2022). URL : Убийство журналистки Дарьи Дугиной (2022) – РИА Новости, 20.08.2023 (ria.ru) (дата обращения 21.09.2024).
7. Королькова Э.В. Особенности разграничения посягательств на жизнь публичной личности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки / Humanities, social-economic and social sciences. 2023. № 5.
8. Климкина Е.И. Понятие посягательства в уголовном праве // Уголовно-правовая охрана личности и ее оптимизация. Саратов, 2003.
9. Долгова А. Изменения преступности в реформируемой России и борьба с преступностью // Уголовное право. 1999. № 3.

References:

1. Parsons T. On the concept of «political power» // Reader on the theory of state and law, political science, history of political and legal doctrines. M., 2000. 142 p.
2. Abdulazizov T.G. Power as a political basis of law // Constitutional and municipal law. 2009. № 21. P. 4–8.
3. State crimes. Textbook on Soviet criminal law / Ed. M.I. Yakubovich and V.A. Vladimirov. M., 1961. P. 15–17.
4. Oleg Tsarev: who is he and what is he known for. URL : <https://crimea.ria.ru/20231027/kto-takoy-oleg-tsarev-i-chem-on-izvesten-1132360572.html> (date of application 09/21/2025).
5. Pashin F. SVO-2022: Main lessons. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/svo-2022-glavnye-uroki> (date of application 09/21/2024).
6. The murder of journalist Daria Dugina (2022). URL : The murder of journalist Daria Dugina (2022) – RIA Novosti, 08/20/2023 (ria.ru) (date of application 09/21/2024).
7. Korolkova E.V. Features of the distinction between attacks on the life of a public figure // Humanities, social-economic and social sciences. 2023. № 5.
8. Klimkina E.I. The concept of encroachment in criminal law // Criminal-legal protection of the individual and its optimization. Saratov, 2003.
9. Dolgova A. Changes in crime in reforming Russia and the fight against crime // Criminal law. 1999. № 3.

Информация об авторе

Королькова Элина Владиславовна
аспирантка кафедры
уголовно-правовых дисциплин,
Тюменский государственный университет
sunnylishka@yandex.ru

Elina V. Korolkova
Postgraduate Student of Department
of Criminal Law Disciplines,
Tyumen State University
sunnylishka@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 07.03.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.03.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.03.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-1-3>

УДК 347.6

Attribution

cc by

СУБЪЕКТНЫЙ СОСТАВ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ, В ТОМ ЧИСЛЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ, ВОЗНИКАЮЩИЙ В КОНТЕКСТЕ СЕМЕЙНОГО БИЗНЕСА

Кривицкая Ю.С.

Южный университет (Институт управления, бизнеса и права)

Аннотация. В статье рассматриваются основные особенности субъектного состава наследственных правоотношений, возникающих в контексте семейного бизнеса. Изучены категории наследников и особенности наследования по юридическим документам. Рассмотрены правовые аспекты и возможность наследования семейного бизнеса несовершеннолетним лицом. Особое внимание уделяется роли наследников, являющихся членами семьи, а также их влиянию на дальнейшее функционирование бизнеса. Исследуются возможные коллизии интересов между наследниками и иными участниками семейного бизнеса. Подчеркивается необходимость тщательного планирования наследования в семейном бизнесе для обеспечения его стабильности и преемственности, а также для защиты интересов всех заинтересованных сторон. Предлагаются рекомендации по оптимизации правового регулирования наследственных правоотношений в данной сфере.

Ключевые слова: субъектный состав, наследственные правоотношения, субъекты наследственных правоотношений, завещание, наследники.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE SUBJECT MATTER OF HEREDITARY LEGAL RELATIONS, INCLUDING MINOR CHILDREN, ARISING IN THE CONTEXT OF FAMILY BUSINESS

Julia S. Krivitskaya

Southern University (Institute of Management, Business and Law)

Abstract. The article examines the main features of the subject composition of hereditary legal relations arising in the context of family business. The categories of heirs and the features of inheritance according to legal documents have been studied. The legal aspects and the possibility of inheritance of a family business by a minor are considered. Special attention is paid to the role of heirs who are family members, as well as their impact on the further functioning of the business. Possible conflicts of interest between heirs and other members of the family business are being investigated. The need for careful succession planning in a family business is emphasized to ensure its stability and continuity, as well as to protect the interests of all stakeholders. Recommendations on optimizing the legal regulation of hereditary legal relations in this area are proposed.

Keywords: subject composition, inheritance legal relations, subjects of inheritance legal relations, will, heirs.

Funding: Independent work.

Введение.

В эпоху первобытнообщинного строя, особенно на его ранних стадиях, когда потребности людей и возможности их удовлетворения были крайне ограничены, понятие «наследование» в современном смысле ещё не проявлялось, поскольку не было объектов для наследования.

С переходом хозяйства от присваивающего к производящему, сопровождающимся увеличением имущественной самостоятельности отдельных семей, развития семейного предпринимательства и ослаблением родоплеменных связей, вопрос наследования имущества, умерших становится все более значимым.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации, право наследования гарантируется государством. Все граждане РФ имеют равные права в области наследственного права, независимо от их пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.

Наследование имущества обеспечивает защиту права частной собственности граждан. Институт наследования способствует укреплению семейных связей, поскольку закон включает в круг наследников тех, кто связан с наследодателем кровными узами, супружескими отношениями или усыновлением, а также защищает права тех членов семьи, которые по различным причинам оказались нетрудоспособными.

Значение института наследования весьма значимо, поскольку правовые нормы, регулирующие наследование, служат основным гарантом того, что каждый человек может жить и трудиться, зная, что после его смерти всё нажитое им имущество будет передано исключительно тем, кого он выберет. В случае, если он не успеет выразить свои намерения по каким-либо причинам, его имущество будет распределено в соответствии с законодательством о наследовании между его родственниками и близкими.

Каждый день в нашей стране оформляется значительное количество завещаний, и тысячи наследников начинают процесс вступления в права наследования. Каждый из них сталкивается с необходимостью принятия наследства или подготовки к передаче своего имущества близким или другим лицам. Каждый год правила и требования, касающиеся составления завещаний, а также условия приобретения и реализации наследственных прав, обновляются и дополняются. Эти изменения, безусловно, продолжают вызывать неугасаемый интерес к данной теме.

Вопрос субъектного состава наследственных правоотношений, которые возникают в контексте семейного бизнеса в Российской Федерации, является весьма актуальным в условиях глобализации и роста числа предпринимательских структур.

С развитием предпринимательской деятельности и расширением частных предприятий появляется необходимость в конкретном правовом регулировании процесса передачи бизнеса по наследству [1; 255]. Неверное оформление или отсутствие правовой базы в данной сфере могут привести к юридическим спорам, затягиванию процесса наследования и утрате стоимости бизнеса.

Таким образом, возникающие правовые проблемы наследования бизнеса и субъектного состава наследственных правоотношений, охватывают

широкий спектр вопросов, и их решение способствует прочному развитию предпринимательской сферы, защите прав наследников и сохранению экономической стабильности.

Целью данной работы является исследование особенностей субъектного состава наследственных правоотношений с участием несовершеннолетних детей, возникающих из семейного бизнеса. В статье рассматриваются основные правовые положения, регулирующие данные отношения, а также анализируются практические сложности, связанные с передачей наследства.

Обсуждение.

Ежедневно люди участвуют в гражданско-правовых отношениях, которые являются основой современной жизни: они заключают сделки купли-продажи, а также получают образовательные и медицинские услуги. Особое место занимает наследственное правоотношение, которое представляет собой значимую составляющую современного общества.

Как известно, наследственные правоотношения возникают с открытием наследства. Здесь и появляются субъекты наследственных правоотношений.

Понятие «наследственные правоотношения» не ясно определено в Гражданском кодексе РФ, но имеющиеся права и обязанности, которые предусмотрены законом, касающиеся данных правовых отношений, нуждаются в конкретизированном анализе их взаимной связи и определенности [2, с. 117]. Необходимо рассмотреть один из составных элементов, как, например, субъект и содержание наследственных правовых отношений.

Главное внимание стоит обратить на составляющий объект каждого правового отношения – субъект. Субъективный состав представляет правовой статус каждого участника в любом правовом отношении и, соответственно, без изучения данного элемента нельзя дать полное объяснение наследственным правоотношениям. Рассмотрение состава субъектов наследственных отношений позволяет глубже понять основной термин «наследственные отношения» и способствует дальнейшим исследованиям в этой области права. Также важным и структурным аспектом является определение правового статуса наследников и связанных с ними лиц.

При исследовании правового статуса субъектов наследования важно для начала уточнить понятие «субъекты правовых отношений» в более широком смысле. Согласно мнению Ю.Н. Власова, субъектами правовых отношений являются стороны, обладающие субъективными правами и юридическими обязанностями. Исходя из этого определения, в наследственных правоотношениях субъектами выступают как наследник, так и наследодатель, каждый из которых имеет определенный набор прав и обязанностей. Подчер-

кивая данное положение, можно охарактеризовать субъекта правовых отношений, как участника общественной жизни, способного быть носителем юридических прав и обязанностей.

Субъектами наследственных правовых отношений являются участники данных правоотношений, которые, как говорилось выше, обладают определенными правами и обязанностями. К ним относятся наследодатели – в контексте семейного бизнеса это могут быть владельцы бизнеса, наследники и исполнители завещания, которые управляют процессом наследования [3; с. 8–14].

Субъектный состав наследственных правовых отношений в семейном бизнесе имеет свои особенности, которые связаны как с семейными, так и с правовыми аспектами. Рассмотрим каждый из них.

Наследники в контексте наследственных правовых отношений, касающихся семейного бизнеса, представляют собой главную категорию участников, а их права и обязанности могут меняться в зависимости от законодательства, семейных традиций и определенных обстоятельств.

По классификации они разделяются на несколько категорий:

1. Прямые потомки первой очереди (дети, супруг, родители). Чаще всего, именно они обладают приоритетным правом на наследство.
2. Близкие родственники второй, третьей и последующих очередей (полнородные и неполнородные братья и сестры, дедушка, бабушка и т.д.). Они претендуют на наследство в том случае, если отсутствуют прямые потомки.
3. Наследники по завещанию. Данные лица могут быть как родственниками, так и посторонними лицами, все зависит от волеизъявления наследодателя. Данная категория чаще всего вызывает большинство споров со стороны родственников, так как порой совершенно чужие люди становятся наследниками [4, с. 277].

При наличии таких юридических документов, как завещание, брачный контракт, соглашение о наследовании, есть возможность упростить процесс наследования и избежать конфликтов. Данные документы прямо определяют права и обязанности наследников и могут содержать информацию о том, как именно будет вестись управление бизнесом после смерти основателя [5, с. 401–408].

Также, во многих странах законодательство в защиту прав определенных категорий наследников, предоставляет им обязательные доли [6, с. 104–105]. Это, в свою очередь, обозначает, что даже если наследодатель оставил завещание на иного человека, то определенный круг родственников все равно имеет право на минимальную долю в наследстве [7, с. 41].

Не редко возникают множественные конфликты между наследниками в семейном бизнесе по ряду причин. Это связано с различными взглядами и идеями о развитии бизнеса, неравным распределением активов, личными амбициями и эмоциональными связями.

Еще одной важной особенностью субъектного состава наследственных отношений, касающихся наследования бизнеса, является оформление наследства на несовершеннолетнего ребенка. Оно имеет свои ограничения и некие особенности, которые зависят от законодательства страны. Ярким примером является наследование имущества несовершеннолетними детьми, в том числе – долей в семейном бизнесе (юридическом лице) [8, с. 41]. Управление таким имуществом происходит через родителей или опекунов, так как до достижения совершеннолетнего возраста самостоятельно распоряжаться таким наследством они не могут.

Для обеспечения эффективного управления наследуемым семейным бизнесом могут использоваться различные механизмы. Один из них – создание доверительного управления, когда имущество передается профессиональному управляющему, который действует в интересах несовершеннолетнего наследника.

Другой вариант – назначение душеприказчика, который будет контролировать исполнение завещания и управлять активами до достижения ребенком совершеннолетия.

Особенность заключается не только в распоряжении таким имуществом, но и в самом процессе наследования, так как здесь может потребоваться согласие органов опеки, особенно в случае, если нет завещания. Наследование несовершеннолетним части семейного бизнеса происходит даже в том случае, если в завещании не указана доля ребенка, в таком случае наследование происходит по общим правилам. Согласие органов опеки является обязательным при дальнейшем распоряжении бизнесом (продажа, выход из компании), а также, потребуются доказать, что это отвечает интересам несовершеннолетнего.

Наследование семейного бизнеса также зависит и от правовой формы юридического лица, у каждой из них есть свои особенности. К примеру, при наследовании общества с ограниченной ответственностью наследники получают долю в уставном капитале, но для этого потребуются соблюдение конкретных процедур для передачи долей. В случаях с акционерными обществами – наследуются акции, в соответствии с корпоративными процедурами. По общим правилам наследования наследуется такое юридическое лицо, как индивидуальный предприниматель, это связано с тем, что бизнес в таком случае принадлежит одному человеку.

Значительным пробелом современного законодательства является неопределенность в розыске наследников. Правовые документы не отра-

жают порядок розыска нотариусом наследников, не предусмотрена эффективная система уведомления наследников об открывшемся наследстве. Использование информационных технологий предоставляет возможность отражения данных на едином сайте – Федеральной нотариальной палаты. Но фактически уровень правовой культуры современных граждан достаточен низок, большинство граждан не имеют представления о порядке функционирования данного сайта. Требуется усовершенствовать систему уведомления наследников особенно с участием несовершеннолетних лиц. [9, с. 40–42].

Еще одним актуальным на сегодняшний день нюансом является показатель эффективной деятельности и наследственное планирование. Это выражается в том, что наследодатель еще при жизни создает и накапливает капитал, тем самым, гарантируя преемственность своего бизнеса. Такие действия направлены на устранение недопониманий между наследниками и помогает справедливо распределять наследство.

Заключение.

Как показывает история, развитие наследственных правоотношений, находится в тесной и прямой зависимости от развития общественных отношений, общества и государства в целом. Не вызывает сомнений, что значение наследования и задач, выполнение которых возложено на него, гораздо шире и важнее, нежели просто уравнивание интересов наследников и наследодателя.

Представляется, что, кроме всего вышесказанного, наследование играет немалую роль в социализации уверенной в себе плеяды людей, чьи убеждения и идеология выросли не на пустом месте, а сами они ощущают себя не оторванным от дерева листочком, а одним из этапов величественного пути развития человеческой цивилизации.

Чем более высокого уровня развития достигло общество и государство, тем актуальнее для данного государства наследственные правоотношения, как один ключевых факторов развития института семейного бизнеса.

Продолжение развития и процветания частной собственности способствовало тому, что наследуемыми становятся практически все объекты, способные приносить доход и удовлетворять различные потребности людей.

Имея в собственности имущество, гражданин увереннее и стабильнее чувствует себя в системе современных общественных отношениях. Перечень имущества, которое мо-

жет передаваться по наследству, резко увеличился. Состав, количество и стоимость имущества, которое может находиться в собственности граждан, практически не ограничены. Масса появившихся предпринимателей, имеющих иногда солидную долю в уставном капитале, переходящую к наследникам, огромное количество приватизированных квартир, переходящих в порядке наследования, привели к тому, что наследникам бывает трудно разобраться в вопросах, касающихся их прав принять наследство.

Одним из ключевых инструментов предотвращения конфликтов и сохранения стабильности семейного бизнеса является заблаговременное планирование наследования. На сегодняшний день наследование семейного бизнеса является актуальным вопросом, а связано это с тем, что наследниками могут являться не только близкие родственники, но и посторонние лица, которые указаны в завещании. Стоит рассмотреть возможность внедрения ограничений связанных с наследованием семейного бизнеса в части круга лиц.

Составление завещания позволяет наследодателю определить порядок распределения активов и назначить исполнителей, которые будут следить за выполнением его воли. Важным элементом такого планирования является разработка стратегии управления бизнесом после смерти владельца.

Использование трастовых структур и семейных фондов позволяет сосредоточить управление активами в руках профессионалов, обеспечивающих долгосрочную устойчивость предпринимательства. Это гарантирует, что бизнес останется под контролем компетентных менеджеров.

Создание уставных документов, в которых четко прописаны условия и ограничения для наследников могут стать предпосылками роста бизнеса. Например, предусмотреть в уставе, что доли в уставном капитале переходят к наследникам только с согласия остальных участников общества. При отказе участников общества в согласии на переход доли к наследнику, доля переходит к обществу. Во-вторых, возможно рассмотреть реорганизацию бизнеса в другие юридические формы, что позволит перераспределить активы и урегулировать взаимодействие между участниками бизнеса.

Таким образом, для обеспечения устойчивости семейного бизнеса рекомендуется разработать четкие стратегические планы, предусматривающие механизм наследования и учитывающий определенные особенности субъектного состава наследственных правовых отношений.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Абраменков М. С. Наследственное право : учебник / М.С. Абраменков, А. Г. Сараев, В.А. Белов; Отв. ред. В.А. Белов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2022. 347 с.
2. Альбов А.П. Наследственное право: учебник и практикум для среднего профессионального образования / А.П. Альбов, С.В. Николюкин. 2-е изд. М. : Издательство Юрайт, 2022. 197 с.
3. Анищенко Е.Ю. Наследники по праву представления и необходимые наследники // Перо науки. 2019. № 6(6). С. 8–14.
4. Белов В.А. Наследственное право: учебник для вузов / В.А. Белов М.С. Абраменков, А.Г. Сараев; Отв. ред. В.А. Белов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2023. 346 с.
5. Жарехина В.Е. Принятие наследства // Синергия Наук. 2022. № 41. С. 401–408.
6. Волков А.Л. Современные проблемы института наследства в РФ // Интерактивная наука. 2022. № 4(50). С. 104–105.
7. Ермолаева Е.Л. Субъекты наследственных правоотношений // Современные научные исследования и инновации. 2023. № 11(103). С. 41.
8. Жилиева С.К. Сложности вступления и владения наследством несовершеннолетними // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 1(74). С. 41–44.
9. Алдаева В.В. Участие несовершеннолетних в наследственных отношениях // Молодой ученый. 2022. № 43(438). С. 40–42. URL : <https://moluch.ru/archive/438/95798> (дата обращения 10.03.2025).

References:

1. Abramenzov M. S. Inheritance law : textbook / M.S. Abramenzov, A.G. Saraev, V.A. Belov; Executive editor V.A. Belov. 2nd ed., revised and add. M. : Yurait Publishing House, 2022. 347 p.
2. Albov A. P. Inheritance law : textbook and practice for secondary vocational education / A.P. Albov, S.V. Nikoluykin. 2nd ed. Moscow: Yurayt Publishing House, 2022. 197 p.
3. Anishchenko E.Y. Heirs by right of representation and necessary heirs // The pen of science. 2019. № 6(6). P. 8–14.
4. Belov V.A. Inheritance law: a textbook for universities / V.A. Belov, M.S. Abramenzov, A.G. Saraev; Executive editor V.A. Belov. 2nd ed., revised and add. M. : Yurait Publishing House, 2023. 346 p.
5. Zharekhina V.E. Acceptance of inheritance // Synergy of Sciences. 2022. № 41. P. 401–408.
6. Volkov A.L. Modern problems of the Institute of inheritance in the Russian Federation / A.L. Volkov // Interactive science. 2022. № 4(50). P. 104–105.
7. Ermolaeva E.L. Subjects of hereditary legal relations // Modern scientific research and innovation. 2023. № 11 (103). P. 41.
8. Zhilyaeva S.K. The difficulties of entry and possession of inheritance by minors // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2022. № 1(74). P. 41–44.
9. Aldayeva V.V. Participation of minors in hereditary relations // Young scientist. 2022. № 43(438). P. 40–42. URL : <https://moluch.ru/archive/438/95798> (date of application 10/03/2025).

Информация об авторе

Кривицкая Юлия Станиславовна
старший преподаватель
кафедры гражданского права
юридического факультета,
Южный университет
(Институт управления, бизнеса и права)
ORCID: 0009-0007-8676-1271
Julia-424@yandex.ru

Yulia S. Krivitskaya
Senior Lecturer, Department of Civil Law,
Faculty of Law,
Southern University
(Institute of Management, Business and Law)
ORCID: 0009-0007-8676-1271
Julia-424@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 23.02.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 14.03.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.02.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-1-4>

УДК 340

Attribution

cc by

РЕГУЛИРУЕМОЕ ЭВОЛЮЦИОНИРОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА – ОСНОВА МОДЕРНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Матюшева Т.Н.

Северо-Кавказский филиал

Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева

Аннотация. Анализ состояния образовательного законодательства, несмотря на значительный прогресс в направлении создания эффективной системы образования, показывает, что некоторые ее элементы функционируют с недостаточно высокой степенью эффективности и требуют разработки мероприятий по их совершенствованию.

Основной целью настоящей работы выступает выявление и предложение возможных решений проблемы реформирования образовательного законодательства в совокупности мер по модернизации системы российского образования в исторической ретроспективе, а также формулировка приоритетных направлений развития образовательной системы в Российской Федерации.

Методология, методы и методики. При анализе действующего законодательства, регулирующего правоотношения, связанного с организацией и предоставлением образовательных услуг, применялись исторический, сравнительно-правовой и дедуктивный методы исследования: изучение научных источников по теме исследования, основных нормативных правовых актов по рассматриваемой тематике, изучение практики функционирования образовательных организаций.

Результаты исследования. Автором предпринята попытка анализа закона об образовании РФ 1992 года и ФЗ «Об образовании» 2012 года как основы предстоящего реформирования образовательного законодательства, предложение.

Ключевые слова: образование, нормативно-правовая база, сфера образования, право на образование, принципы государственной политики, образовательное законодательство, правовое регулирование отношений, общедоступность образования, равенство

Финансирование: инициативная работа.

Original article

REGULATED EVOLUTION OF LEGISLATION – THE BASIS OF MODERNIZATION OF THE EDUCATION SYSTEM

Tatiana N. Matyusheva

North Caucasus branch of the Lebedev Russian State University of Justice

Abstract. Introduction. An analysis of the state of educational legislation, despite significant progress towards creating an effective education system, shows that some of its elements do not function with a high enough degree of efficiency and require the development of measures to improve them.

The main purpose of this work is to identify and propose possible solutions to the problem of reforming educational legislation in a set of measures to modernize the Russian education system in historical retrospect, as well as to formulate priority areas for the development of the educational system in the Russian Federation.

Methodology, methods and techniques. When analyzing the current legislation regulating legal relations related to the organization and provision of educational services, historical, comparative-legal and deductive research methods were used: the study of scientific sources on the research topic, the main regulatory legal acts on the subject under consideration, the study of the practice of educational organizations.

The results of the study. The author has attempted to analyze the Law on Education of the Russian Federation of 1992 and the Federal Law «On Education» of 2012 as the basis for the upcoming reform of educational legislation, the proposal.

Keywords: education, regulatory framework, sphere of education, right to education, principles of state policy, educational legislation, legal regulation of relations, accessibility of education, equality

Funding: Independent work.

Введение. К проблемам, которые требуют внимания правовой науки, относятся обоснование воздействия на реформы образования процессов реформирования, происходящих в Российском государстве в целом в период его перехода к новому историческому типу, так как, «обеспечив переход государства и права к новому историческому типу, конституционная реформа проявила себя в содержании каждой отрасли права» [1, с. 107].

Глубокое теоретическое обоснование изменений в системе образования, произошедших после принятия на основе Конституции 1993 г. нового образовательного законодательства, активное содействие претворению в жизнь соответствующих его положений сегодня является одной из важнейших задач правовой науки. Прежде всего, совершенствование системы образовательных отношений. Необходимо отметить недостаточную эффективность и результативность бюджетных расходов. Поставленные задачи по оказанию полноценных и качественных образовательных услуг требуют детальной конкретизации.

Прежде всего, инвестиции в образование на долгосрочную перспективу при функционирующем экономическом механизме, как свидетельствует, например, мировой опыт второй половины XX века, определяли успех модернизации всего общества.

Страны, которые осуществляли значительные финансовые «вливания» в сферу образования, добились больших темпов экономического развития. В бывшем СССР подобная закономерность прослеживается при анализе образовательной ситуации 1930–1970 годов. В 1980-е годы эта тенденция начала меняться, вначале незначительно, потом существенно, и в 1990-е годы положение диаметрально изменилось.

Следует предпринять попытку по-новому подойти к оценке Законов об образовании с учетом изменений, произошедших в современном российском образовательном законодательстве.

Обсуждение.

Обзор литературы.

Советское законодательство в определенной степени послужило предметом исследования Г.А. Дороховой [2], Н.Г. Салищевой, Е.М. Ковешникова, Л.А. Стешенко [3], Г.С. Сапаргалиева [4].

Специфика отношений в области образования в Законе РФ «Об образовании» [5] отмечена и выражена законодателем — это единство целей регулирования отношений по образованию.

Закон РФ «Об образовании» послужил основной правовой базой дальнейшего реформирования системы образования, а изменения в Закон были шагами реформы, и анализ изменений это убедительно доказывает. Одновременно с принятием Закона было принято Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 10 июля 1992 г. № 3267-1 «О порядке введения в действие закона Российской Федерации «Об образовании» [6], в котором, кроме традиционного постановления о введении с момента опубликования, определялись сроки вступления в силу п. 4 ст. 17, п. 2 ст. 40, п. 2 и 3 ст. 41, п. 1 ст. 42 не конкретно, а расплывчато — с момента принятия Федеральной программы развития образования; также срок вступления в силу п. 5 ст. 15, ст. 38 и ст. 49 устанавливался как «по мере развертывания государственной аттестационной службы».

П. 3 данного Постановления определял возможность проведения в 1992–1994 годах аттестации образовательных учреждений государственными органами управления образованием по упрощенной процедуре, которая была предусмотренной пунктом 22 ст. 33.

П. 3 Постановления был установлен срок перехода на контрактную систему с 25 августа 1992 года; п. 2 ст. 56 Закона «Об образовании» предусматривал регулирование отношений работника образовательного учреждения и администрации контрактом.

Особый порядок введения требовал п. 11 статьи 50 Закона, устанавливавший, что для достигших одиннадцатилетнего возраста подростков с девиантным поведением, которые нуждаются в особых условиях воспитания и обучения и требующих специального педагогического подхода, должны быть созданы специальные учебно-воспитательные учреждения.

Особого внимания требует анализ изменений закона «Об образовании», их целесообразности, своевременности за последнее десятилетие, внесенных Федеральными законами либо Постановлением КС РФ. Изменениями в Закон сопровождались очередные реформы образования или модернизация.

Федеральным законом от 13 января 1996 года № 12-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «Об образовании» [7] были внесены изменения почти в половину статей закона РФ «Об образовании» 1992 г. редакционного и содержательного характера, которые и можно рассматривать как шаги очередной реформы системы образования. Эти шаги были существенны, и другой путь вряд ли был возможен, так как от советской системы образования до существующей в начале 90-х россий-

ской возможен был только последовательный переход.

Методология, материалы и методы

При анализе действующего законодательства, регулирующего правоотношения, связанных с организацией и предоставлением образовательных услуг применялись исторический, сравнительно-правовой и дедуктивный методы исследования: изучение научных источников по теме исследования, основных нормативных правовых актов по рассматриваемой тематике, изучение практики функционирования образовательных организаций.

Реформирование образовательной деятельности выразилось в изменениях содержательного характера Закона:

1) в ст. 16 п. 3 Закона «Об образовании» введена новелла о внеконкурсном поступлении при успешной сдаче вступительных экзаменов в образовательные учреждения среднего и высшего профессионального образования детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, инвалидов 1 и 2 групп, которым согласно заключению медицинской комиссии не противопоказано обучение в этих образовательных учреждениях; в данном изменении следует отметить, что «важную роль в трансформации отраслей российского права сыграла конституционная реформа» [1, с.138];

2) в ст.40 старой редакции закона введена норма: «доля расходов на финансирование высшего профессионального образования не может составлять менее трех процентов расходной части Федерального бюджета», кроме этого, введено положение о минимальном количестве студентов вузов, обучение которых ведется за счет бюджета – «не менее 170 студентов на каждые 10 тысяч человек, проживающих в Российской Федерации» (п. 2 ст. 40).

Далее, закон в новой редакции закрепил земельные участки за государственными и муниципальными образовательными учреждениями в бессрочное, бесплатное пользование (п. 1 ст. 39 закона в новой редакции); по новой редакции, аренда осуществлялась без права выкупа «с согласия образовательного учреждения по ценам, которые не могут быть ниже цен, сложившихся в данном регионе» (п. 11 ст. 39 Закона).

Введена норма: «Учредителем образовательных учреждений всех типов и видов, реализующих военные профессиональные образовательные программы, может быть только Правительство Российской Федерации».

Была уточнена типология образовательных учреждений. Внесены изменения в п. 20 ст. 33: «Первая аттестация вновь созданного образовательного учреждения может проводиться по его заявлению после первого выпуска обучавшихся,

но не ранее чем через три года после получения лицензии.

Таким образом, в старый закон были внесены изменения и дополнения, расширяющие содержание права на образование.

Результаты.

На примере института аттестации и аккредитации общеобразовательных учреждений мы можем наблюдать процесс его становления. В Законе РФ «Об образовании» были обозначены основные нормы данного института (п. 16–24 ст. 33 Закона). П. 16 определял право ОУ на выдачу выпускникам документа об образовании государственного образца, включения в схему государственного финансирования, пользования печатью с изображением государственного герба, связывая момент получения этих прав с моментом государственной аккредитации ОУ. В п. 17 ст. 33 дано определение свидетельства о государственной аккредитации ОУ как документа о признании государством статуса ОУ.

ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон «Об образовании» и «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» внесли изменения в существующие нормы, составляющие институт аттестации и аккредитации, которые выражались в следующем:

1) п. 16 ст. 35 новой редакции Закона «Об образовании» ограничил число субъектов сферы образования, получающих право на включение в схему централизованного государственного финансирования после прохождения аккредитации только общеобразовательными учреждениями;

2) в п. 17 появилось существенное дополнение о том, что свидетельство о государственной аккредитации, выдаваемое дошкольным образовательным учреждениям и учреждениям дополнительного образования детей, подтверждает и категорию исследуемых учреждений;

3) была введена новая норма о прохождении первой аттестации – не ранее чем через 3 года после получения лицензии и о поэтапном прохождении аттестации создаваемых образовательных учреждений общего образования.

Внесение изменений и дополнений в Закон РФ «Об образовании» 1992 г. дало возможность активизации работы в сфере законодательства об образовании. Закон «О внесении изменений и дополнений в Закон РФ «Об образовании» определил основные пути разработки законодательных актов, что, в свою очередь, позволило поставить вопрос о формировании новой отрасли законодательства.

В научных исследованиях отмечается тенденция специализации законодательства [8, с. 51].

Реализации принципа справедливости способствовали внесенные изменения в п. 4 и 5 ст. 7

Закона РФ «Об образовании», где определено, что «основные положения государственных образовательных стандартов начального общего, основного общего и среднего (полного) общего образования, порядок их разработки и утверждения устанавливаются федеральным законом».

В действовавшей ранее редакции только государственный образовательный стандарт основного общего образования устанавливался федеральным законом. Вводился в понятие «образовательный стандарт» компонент образовательного учреждения.

Федеральным законом от 10.01.2003 № 11-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «Об образовании» и Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» внесены изменения в ст. 28, 32, 33, 41, как в полном объеме, так и частично.

Положения Закона затрагивают интересы инвалидов и лиц, проживающих в отдаленных регионах России, не имеющих возможности непосредственно участвовать в образовательном процессе, что важно для решения вопроса реализации права на образование. Можно ли не считать введение дистанционного обучения не реформой способов обучения? Конечно же, нет, т.к. налицо изменение формы обучения.

По-прежнему, наблюдалась низкая практическая эффективность ряда норм о государственных гарантиях прав граждан в области образования.

И все же, довольно часто высказывается мнение о том, что «...вся нормативная база школьного образования находится у нас на уровне 1992 года» [9].

В системе образования фактически сложилось тяжелое положение, которое во многом было вызвано, на наш взгляд, не столько фактическими экономическими трудностями и низкой наполняемостью бюджетов, скорее, несовершенством существующей законодательной базы в сфере образовательного права.

Ошибочно изначальное возложение надежд на будущие законодательные акты: образование живет сегодня, и перспективное развитие образования нельзя связывать с принятием в будущем многочисленных законов и иных нормативных правовых актов или с изменениями и дополнениями в закон, и следует согласиться, что «именно «правовая запущенность» положения дел в школьном деле является корневой причиной ее бедственного состояния, ярко проявившись в последние годы» [9].

Заключение.

С вступлением 01 сентября 2013 г. в силу Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [10] актуализировался вопрос кон-

ституционно-правового регулирования реализации права на образование.

За прошедшие 10 лет после принятия ФЗ 273 накопилось много проблем, которые необходимо решить.

Проведение конституционной реформы 2020 г. во многом было обусловлено необходимостью более четкой правовой регламентации обязательств органов и должностных лиц всех уровней публичной власти по обеспечению конституционных гарантий реализации, охраны и защиты социальных прав граждан.

Главной задачей всей системы органов публичной власти является «обеспечение высоких стандартов жизни, равных возможностей для каждого человека, причем на всей территории страны и на это направлены все национальные проекты и планы развития» [11].

Продолжается дискуссия о ЕГЭ. ЕГЭ меняется и при всех недостатках даёт возможность детям из разных городов становиться студентами в тех вузах и в тех городах, в которых они хотят учиться. Это очень большое достижение.

Поэтому следует заниматься совершенствованием ЕГЭ, приведением его в соответствие с запросами общества.

Благодаря цифровой образовательной среде, у учащихся существенно расширяется доступ к качественным программам обучения, при этом самое главное, что не подразумевается уход от традиционных занятий в школах.

В соответствии с Национальным проектом «Образование», следует увеличить внимание престижу рабочих профессий, развитию системы среднего профессионального образования, оснащению колледжей современным оборудованием, поддержке мастеров производственного обучения, вовлечению граждан в волонтерскую деятельность через центры добровольчества, которые создаются на базе образовательных организаций.

Проект предусматривает проведение воспитательных работ в школах и колледжах, а также вовлечение молодежи в мероприятия патриотической направленности [12].

Планов реформирования законодательства об образовании озвучено много. Начинать реформирование следует с изучения эволюции законодательства об образовании. Изменения в Законе об образовательном законодательстве должны учитывать основные мировые тенденции развития образования, такие, как появление мирового образования и мировой педагогики как пространства соревнования и непрерывного сопоставления национальных образовательных систем, превращение образования в решающий фактор общественного развития и национальной безопасности, усиление внимания к раннему

детскому развитию, повышение уровня всеобщего образования, фактическая «бесплатность» всеобщего образования со стороны родителей и семьи, комплексный характер оценивания качества образования, выход на задачи, благодаря которым для разных категорий детей создается большое количество разных форм и типов обра-

зования, дополнительных образовательных программ, персонализация образования и фундаментализация его содержания, повышение доли государственных и общественных расходов на образование относительно расходов по другим сферам, усиление дополнительного образования и его всеобщность.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Курдюк Г.П. Отрасль права: эволюционирование и перспективы / Г.П. Курдюк, Л.В. Бутко. Краснодар: Краснодарская академия МВД России, 2004.
2. Дорохова Г.А. Законодательство о народном образовании. М. : Наука, 1985. 158 с.; Дорохова Г.А. Новое в законодательстве о народном образовании // Сов. государство и право. 1974. № 3.
3. Салищева Н.Г. О народном образовании / Н.Г. Салищева, Е.М. Ковешников, Л.А. Стешенко. М. : Юрид. лит-ра, 1974.
4. Сапаргалиев Г.С. Развитие советского законодательства о народном образовании // Сов. государство и право. 1974. № 3.
5. Закон РФ от 10.07.1992 № 3266-1 «Об образовании». Утратил силу // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 30. Ст. 1797.
6. Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 10 июля 1992 г. №3267-1 «О порядке введения в действие закона Российской Федерации «Об образовании» // Ведомости СНД и ВС РФ. 30.07.1992. № 30. Ст. 1798.
7. Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 03 марта 1993 г. № 4606-1 «О внесении изменений в Постановление Верховного Совета Российской Федерации «О порядке введения в действие закона Российской Федерации «Об образовании» // Ведомости СНД и ВС РФ. 01.04.1993. № 13. Ст. 460.
8. Федеральный закон от 13 января 1996 года № 12-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «Об образовании» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 150
9. Пинский А. Строгий закон или добрый барин? // Первое сентября. 1999. № 65.
10. Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Российская газета. 31.12.2012. № 303.
11. Послание Президента Российской Федерации В.В.Путина Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. № 7. 16 января 2020 г.
12. Национальный проект «Образование» // Национальные проекты. URL : <https://национальныепроекты.рф/projects/obrazovanie> (дата обращения 15.01.2025).

References:

1. Kurdyuk G.P. Branch of law: evolution and prospects / G.P. Kurdyuk, L.V. Butko. Krasnodar : Krasnodar Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2004.
2. Dorokhova G.A. Legislation on public education. M. : Nauka, 1985. 158 p.; Dorokhova G.A. New in the legislation on public education // Sov. state and law. 1974. № 3.
3. Salisheva N.G. On public education / N.G. Salisheva, E.M. Koveshnikov, L.A. Steshenko. M. : Legal literature, 1974.
4. Sapargaliev G.S. Development of Soviet legislation on public education // Sov. state and law. 1974. № 3.
5. Law of the Russian Federation of 10.07.1992 № 3266-1 «On Education» No longer in effect // Vedomosti SND and VS RF. 1992. № 30. Art. 1797.
6. Resolution of the Supreme Council of the Russian Federation of 10 July 1992 № 3267-1 «On the procedure for introducing the law of the Russian Federation «On Education» // Vedomosti SND and VS RF. 30.07.1992. № 30. Art. 1798.
7. Resolution of the Supreme Council of the Russian Federation of 03 March 1993 № 4606-1 «On Amendments to the Resolution of the Supreme Council of the Russian Federation «On the Procedure for Enacting the Law of the Russian Federation «On Education» // Vedomosti SND and VS RF. 01.04.1993. №13. Art. 460.

8. Federal Law of January 13, 1996 № 12-FZ «On Amendments and Additions to the Law of the Russian Federation «On Education» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 3. Art. 150
9. Pinsky A. Strict Law or Kind Master? // First of September. 1999. № 65.
10. Federal Law of December 29, 2012 № 273-FZ «On Education in the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. 12/31/2012. № 303.
11. Message of the President of the Russian Federation V.V. Putin to the Federal Assembly of the Russian Federation // Rossiyskaya Gazeta. № 7. January 16, 2020.
12. National Project «Education» // National Projects. URL : <https://nationalprojects.rf/projects/obrazovanie> (date of application 01/15/2025).

Информация об авторе

Матюшева Татьяна Николаевна

доктор юридических наук,
академик РАН,
Почетный работник сферы образования
Российской Федерации,
заведующая кафедрой
государственно-правовых дисциплин,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного университета
правосудия им. В.М. Лебедева
matyushevatn@rambler.ru

Tatiana N. Matyusheva

Doctor of Law,
Academician of the Russian Academy
of Natural Sciences,
Honorary Worker of Education
of the Russian Federation,
Head of the Department
of State and Legal Disciplines,
North Caucasus branch
of the Lebedev Russian State University of Justice
matyushevatn@rambler.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 05.02.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 15.03.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.02.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-1-13>

УДК 347.9

Attribution

cc by

ПРОБЛЕМА СУДЕБНЫХ ИЗДЕРЖЕК В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ДЛЯ НОВЫХ КРЕДИТОРОВ ПО ПЕРЕУСТУПЛЕННЫМ ПРАВАМ ТРЕБОВАНИЙ

Шурдумов А.А.

Кубанский государственный университет

Аннотация. Исполнительное производство является совокупностью правовых норм, регулирующих вопросы исполнения судебных актов, актов иных органов и должностных лиц. Так, физические и юридические лица, создавая между собой обязательственные правоотношения, и, в силу жизненных обстоятельств, приходят к вопросу об исполнении должником обязательств перед кредитором в этих отношениях. Институт исполнительного производства, призванный решать данные вопросы, имеет ряд недостатков в своем нормативно-правовом обеспечении, с которыми сталкиваются кредиторы в ходе деятельности по возврату просроченной задолженности. В частности, одними из таковых являются процессуальные и транзакционные издержки, связанные в прекращении исполнительного производства «новыми» кредиторами, по переуступленным задолженностям. В настоящей статье рассматривается обозначенная проблема и предлагается ее актуальное решение с учетом существующих правовых инструментов разрешения последующих конкретных ситуаций для физических и юридических лиц.

Ключевые слова: исполнительное производство, отзыв исполнительного производства, проблемы законодательства, возврат просроченной задолженности, правопреемство исполнительного производства, агентский договор, коллекторские организации, цессия, судебные издержки, новые кредиторы.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE PROBLEM OF LEGAL COSTS IN ENFORCEMENT PROCEEDINGS FOR NEW CREDITORS ON ASSIGNED CLAIMS

Albek A. Shurdumov

Kuban State University

Abstract. Enforcement proceedings are a set of legal norms regulating the execution of judicial acts, acts of other bodies and officials. Thus, individuals and legal entities, creating obligatory legal relations between themselves, and, due to life circumstances, come to the question of the fulfillment of the debtor's obligations to the creditor in these relations. The institution of enforcement proceedings, designed to resolve these issues, has a number of shortcomings in its regulatory framework that creditors face in the course of activities to recover overdue debt. In particular, one of these is the procedural and transaction costs associated with the termination of enforcement proceedings by «new» creditors for assigned debts. This article examines the identified problem and proposes its current solution, taking into account the existing legal instruments for resolving subsequent specific situations for individuals and legal entities.

Keywords: enforcement proceedings, withdrawal of enforcement proceedings, legislative issues, recovery of overdue debt, succession of enforcement proceedings, agency agreement, collection organizations, assignment, legal costs, new creditors.

Funding: Independent work.

Введение. Исполнительное производство – это совокупность правовых норм, определяющий «условия и порядок принудительного исполнения судебных актов, актов других органов и должностных лиц, которым при осуществлении

установленных федеральным законом полномочий предоставлено право возлагать на иностранных государства, физических лиц, юридических лиц, Российскую Федерацию, субъекты Российской Федерации, муниципальные образо-

вания обязанности по передаче другим гражданам, организациям или в соответствующие бюджеты денежных средств и иного имущества либо совершению в их пользу определенных действий или воздержанию от совершения определенных действий» [4].

На сегодняшний день законодательство Российской Федерации об исполнительном производстве в силу последних нововведений создало для физических и юридических лиц дополнительные издержки по переуступленным правам требования. Профессиональные коллекторские организации являются доминирующими приобретателями прав требований по ежегодным выставленным на продажу банками и иными кредитными организациями просроченным задолженностям. Данные юридические лица становятся новыми кредиторами для должников и сталкиваются с «актуальными» судебными издержками, в части процессуальной замены стороны по активным исполнительным производствам, что, собственно, отражается на предпринимательской прибыли.

Обсуждение. Федеральный закон «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 № 229 наряду с другими нормативно-правовыми актами, дополняющими правила регулирования обозначенных общественных отношений, является источником множества спор ученым-процессуалистам. Некоторые авторы склонны утверждать, что нормы права по исполнительному производству являются частью отрасли гражданского процессуального права. Другие же приписывают к арбитражно-процессуальному праву. Иной «берег дискуссий» стоит на мнении выделения правовых норм в самостоятельную отрасль или, по крайней мере, в отдельный институт российского права.

Однако статья 3 Федерального закона «Об исполнительном производстве» указывает на нормативно-правовую базу исполнительного производства, в которой, помимо данного закона и Конституции Российской Федерации, источниками права являются Федеральный закон «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» от 21.07.1997 № 118-ФЗ и иные федеральные законы, регулирующие условия и порядок принудительного исполнения судебных актов, актов других органов и должностных лиц [4].

Стоит отметить, что положения Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, в силу статей 1 и 2 данного же федерального закона, являются прямым источником права для исполнительного производства [3]. Такая позиция говорит о прямой взаимосвязи с Федеральным законом «Об исполнительном производстве» для «совместного» регулирования общественных отношений по исполнению судебных актов, актов иных органов и должностных лиц.

Законодательство об исполнительном производстве является процессуальным, поэтому наличие взаимосвязи с материальными отраслями права априорно. С данной позицией согласна Л.Г. Коновалова говоря, что «к числу базовых федеральных законов, содержащих нормы об исполнительном производстве, можно отнести также практически все кодексы, устанавливающие материальные и процессуальные правоотношения» [8, с. 66].

Исполнительное производство – один из правовых инструментов банков или иных кредитных организаций (кредиторов) для возврата просроченной задолженности, возникших в силу неисполнения заемщиками заключенных кредитных договоров.

Вышеуказанный инструмент обусловлен положениями Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. Законодатель предусматривает возможность кредиторов обратиться в суд, для получения исполнительного документа о взыскании суммы с заемщика в порядке исполнительного производства. Таковыми решениями являются:

- судебный приказ, который в соответствии со статьей 121 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации является судебным постановлением о взыскании денежных сумм и одновременно исполнительным документом, «если размер денежных сумм, подлежащих взысканию, или стоимость движимого имущества, подлежащего истребованию, не превышает пятьсот тысяч рублей» [3];

- исполнительный лист, выдаваемый судом после вступления судебного постановления в законную силу.

Обозначенные исполнительные документы исполняются и обеспечиваются в порядке, определенном Федеральным законом «Об исполнительном производстве» Федеральной службой судебных приставов.

Тем не менее, в силу жизненных обстоятельств, доля завершённых исполнительных производств по отношению к общему количеству возбужденных исполнительных производств согласно «Итоговому докладу о результатах деятельности ФССП России в 2024 году» составила 64,3 % [7].

В силу сказанного и необходимости сохранения репутации становится понятно, почему банки и иные кредитные организации прибегают к цессиям (уступка прав требования). В большинстве случаев, контрагентами таких сделок являются профессиональные коллекторские организации – юридические лица, осуществляющие «деятельность по возврату просроченной задолженности в качестве основного вида деятельности, включенное в государственный реестр» [5]. Объем работы профессиональных коллекторских организаций далеко не маленький. Согласно данным из сайта «PLUSworld» сумма переуступленных

задолженностей в 2024 году составила 89 млрд рублей из выставленных на 125 млрд рублей [10]. Поэтому на примере данных организаций разбирается проблема, выдвинутая в данной работе.

Согласно положениям Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) коллекторские организации или иные цессионарии, приобретающие права требований по обязательствам в отношении заёмщиков, становятся кредиторами для последних [1].

В вопросе правопреемства исполнительного производства новые кредиторы сталкиваются с некоторыми проблемами в части отзыва исполнительного производства в случае возврата просроченной задолженности. В качестве дальнейшего исследования вопроса берется в основу опыт трудовой деятельности автора данной статьи в непубличном акционерном обществе профессиональной коллекторской организации.

Некоторые коллекторские организации в качестве инструмента использует возможность выполнить свои обязательства заемщиками по неисполненным кредитным договорам на добровольный началах с предоставлением скидки (суммой прощения) и рассрочкой. Сделка оформляется соответствующим договором или офертой, не противоречащим законодательству. Практика показала, что заемщики охотно пользуются возможностью «закрыть» задолженность с наименьшей суммой, с учетом предоставляемой скидки (суммы прощения).

Возможность применения обозначенного «финансового рычага» для возврата задолженности обусловлена тем, что сумма приобретения прав требования по цессиям определяется процентом от общей суммы переуступаемой задолженности. Поэтому с учетом расходов на приобретение прав по цессиям, предоставление заемщикам скидки (суммы прощения) к их задолженностям, выплаты заработных плат своим работникам, транзакционных и прочих расходов, цель деятельности коллекторской организации об извлечении прибыли сохраняется.

Однако определенная часть переуступленных требований по цессиям коллекторской организации имеют активные исполнительные производства, «открытые» предыдущими кредиторами. Законодательство Российской Федерации предусматривает положения о процессуальном правопреемстве. Согласно статье 44 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и статье 52 Федерального закона «Об исполнительном производстве» такой процесс оформляется судебным решением о замене стороны.

Главная проблема, с которым сталкиваются новыми кредиторами в части правопреемства, — уплата государственной пошлины, возникшей в силу изменений в Налоговом кодексе Российской Федерации федеральным законом от

08.08.2024 г. № 259-ФЗ в размере 15000 рублей [6]. Становится понятным, почему новые кредиторы не спешат подавать заявления о замене стороны и оформлять правопреемство в исполнительных документах, так как для них создаются новые расходы. Особенно, данный вопрос касается задолженностей с незначительными суммами, которые «не далеки» от размера государственной пошлины. Уплата государственной пошлины для замены стороны несет лишь дополнительные расходы для организаций, а по обозначаемым задолженностям, потенциально, может привести в убыток, не говоря о прибыли. Тем самым, данная ситуация может не отвечать целям деятельности любой коммерческой организации, в том числе коллекторских.

Кроме того, возникают нюансы с самим исполнительным производством в случае возврата просроченной задолженности перед новым кредитором, независимо от вышесказанной «лояльности» некоторых коллекторских организаций. Погашение задолженности перед новым кредитором снимает обязательства в части наличия факта задолженности, но не для исполнительного производства. Даже в случаях желания новых кредиторов осуществить процессуальную замену стороны с дальнейшим отзывом исполнительных документов, практика показала, что судебная процедура затягивается на долгие сроки, в период которого могут происходить удержания у должника. Сказанное чревато также дополнительными транзакционными и временными издержками как для взыскателей, так и для должников. Предыдущие кредиторы в данных ситуациях ссылаются на отсутствие у них прав требований по задолженностям, в силу их передачи по цессиям, и не заинтересованы в проблемах новых кредиторов.

Результаты. Исходя из сказанного, становится понятно, что современные новшества принесли некоторые проблемы для цессионариев. Особенно, вопрос касается коллекторских организаций, цель деятельности которых основывается на возврате просроченной задолженности. Так как процессуальная замена стороны несет лишь дополнительные расходы, что может сказываться на бухгалтерском балансе, а также сам процесс процессуальной замены, потенциально, несет транзакционные и временные издержки, то возникает необходимость их разрешения.

Статья 49 Федерального закона «Об исполнительном производстве» гласит, что «взыскателем является гражданин или организация, в пользу или в интересах которых выдан исполнительный документ». Буквальное толкование данной нормы и отсутствие уточняющего нормативно-правового акта позволяют сказать, что взыскателем является банк или иная кредитная организация, получивший исполнительный документ. Последние же и, являясь цедентами указанных из практики случаев, имеют права и обязанности взыскателей. Анализ статей 52 Федерального закона «Об исполнительном производ-

стве» и 44 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих вопросы процессуального правопреемства, говорит о том, что замена стороны решается судом. Тем самым, новому кредитору может быть отказано в замене стороны по различным причинам. Банальным примером может стать недостоверное заполнение заявления новым кредитором. Мнение А.А. Мамаева в монографии «Правовое положение взыскателя в исполнительном производстве» разделяет указанное утверждение. Данный автор утверждает, что не существует четкой правовой позиции о положении взыскателя при правопреемстве требований по взыскиваемым задолженностям, приводя примеры с упущенными сроками [9].

Исходя из сказанного, можно сказать, что взыскателем формально продолжает быть банк или кредитная организация, получивший судебное решение о взыскании, не смотря на переуступку прав требований иным лицам. В отношении же договора цессии «цедент обязан передать цессионарию все полученное от должника в счет уступленного требования» (часть 3 статьи 389.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая)) [1].

Автору данной работы представляется целесообразным на этапе заключения договоров цессий совершать дополнительные сделки, связанные с агентированием предыдущих кредиторов.

Согласно статье 1005 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть вторая) «по агентскому договору одна сторона (агент) обязуется за вознаграждение совершать по поручению другой стороны (принципала) юридические и иные действия от своего имени, но за счет принципала либо от имени и за счет принципала» [2]. Тем самым, предыдущие кредиторы могут выступать от своего имени в юридических действиях, для удовлетворения интересов новых кредиторов. Так, у коллекторских организаций или иных цессионариев создается возможность разрешения описываемых проблем с судебными издержками в данной работе.

Заключение. Исполнительное производство, в силу последних изменений в части уплаты государственной пошлины, поставило некоторые «барьеры» для участников данных общественных отношений. В первую очередь, такое новшество отражается на деятельности коллекторских организаций. Разрешение обозначаемых проблем требует более углубленного изучения и выдвижения путей их решения. Приведенный автором данной работы правовой «инструмент», связанный с необходимостью заключения агентских договоров на этапе совершения сделок по переуступке прав требований, позволит разрешить обозначаемые нюансы, с которыми будут сталкиваться профессиональные коллекторские организации или иные новые кредиторы.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 28.12.2024, с изм. от 16.01.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.
4. Об исполнительном производстве: Федеральный закон от 02.10.2007 № 229 (ред. от 23.11.2024) // Российская газета. 2007. № 223.
5. О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях»: Федеральный закон от 03.07.2016 № 230-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 27 (Часть I). Ст. 4163.
6. О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах: Федеральный закон от 08.08.2024 № 259-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 33 (Часть I). Ст. 4955.
7. Итоговый доклад о результатах деятельности ФССП России в 2024 году: Федеральная служба судебных приставов (ФССП России). URL : https://fssp.gov.ru/deals/otchet_doklad_9/itogovyj-doklad-o-rezultatah-deyatelnost_2024 (дата обращения 15.03.2025).

8. Коновалова Л.Г. Нормативные правовые акты как источники правового регулирования исполнительного производства в Российской Федерации // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. 2015. № 12. С. 66–70.
9. Мамаев А.А. Правовое положение взыскателя в исполнительном производстве : монография. М. : Статут, 2023. 176 с.
10. Объём выставленных на продажу долгов МФО составил рекордные 125 млрд рублей: PLUSworld. URL : <https://plusworld.ru/articles/62196> (дата обращения 15.03.2025).

References:

1. Civil Code of the Russian Federation (part one) of 30.11.1994 № 51-FZ (as amended on 08.08.2024, as amended on 31.10.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301.
2. Civil Code of the Russian Federation (part two) of 26.01.1996 № 14-FZ (as amended on 13.12.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 5. Art. 410.
3. Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002 № 138-FZ (as amended on 28.12.2024, as amended on 16.01.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. № 46. Art. 4532.
4. On enforcement proceedings: Federal Law of 02.10.2007 № 229 (as amended on 23.11.2024) // Rossiyskaya Gazeta. 2007. № 223.
5. On the protection of the rights and legitimate interests of individuals in the implementation of activities to recover overdue debt and on amendments to the Federal Law «On microfinance activities and microfinance organizations»: Federal Law of 03.07.2016 № 230-FZ (latest revision) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2016. № 27 (Part I). Art. 4163.
6. On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation on Taxes and Fees: Federal Law of 08.08.2024 № 259-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2024. № 33 (Part I). Art. 4955.
7. Final report on the results of the activities of the Federal Bailiff Service of Russia in 2024: Federal Bailiff Service (FSSP of Russia). URL : https://fssp.gov.ru/deals/otchet_doklad_9/itogovyy-doklad-o-rezultatah-deyatelnosti_2024 (date of application 03/15/2025).
8. Konovalova L.G. Normative legal acts as sources of legal regulation of enforcement proceedings in the Russian Federation // Altai Bulletin of State and Municipal Service. 2015. № 12. P. 66–70.
9. Mamaev A.A. Legal status of the claimant in enforcement proceedings : monograph. M. : Statut, 2023. 176 p.
10. The volume of MFI debts put up for sale amounted to a record 125 billion rubles: PLUSworld. URL : <https://plusworld.ru/articles/62196> (date of application 03/15/2025).

Информация об авторе

Шурдумов Альбек Арсенович
аспирант кафедры
криминалистики и правовой информатики
юридического факультета им. А.А. Хмырова,
Кубанский государственный университет
ORCID 0009-0000-0359-8536
albek.shurdumov@mail.ru

Albek A. Shurdumov
Postgraduate Student
of the Department of Criminalistics
and Legal Informatics
of the Faculty of Law named after A.A. Khmyrov,
Kuban State University
ORCID 0009-0000-0359-8536
albek.shurdumov@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 10.03.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.03.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.03.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-1-6>

УДК 34.096

Attribution

cc by

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ СЛОВ И ТЕРМИНОВ

Ястребова О.И., Елкина Д.Д., Спиченко К.Н.

Северо-Кавказский филиал

Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева

Аннотация. В данной статье рассматривается оценка значения языка и влияния заимствованных слов на русский язык, рациональность регулирования данной сферы и введения специальных ограничений. Авторы акцентируют внимание на методах исследования, среди которых были – изучение нормативно-правовой базы, анализ литературы по данной теме. В статье авторы рассматривают современное правовое регулирование ограничений использования иностранных слов при интерпретации юридических текстов и делается вывод о рациональности использования заимствований в юридической и лингвистической сфере деятельности. Особое внимание авторы уделяют современному языку как средству манипуляции, социально-психологическому подавлению и ограничению. Выводы: вопрос о заимствовании иностранных слов в русский язык и их использовании является сложным и многогранным. С одной стороны, язык – это динамичная система, которая постоянно развивается, и заимствование слов может обогащать его, помогая адаптироваться к изменениям в мире. Кроме того, заимствования могут быть более удобными и лаконичными, особенно в научной и технической среде. С другой стороны, чрезмерное или неосознанное использование иностранных слов, особенно в тех случаях, когда имеются качественные русские аналоги, может угрожать языковой культуре и национальной идентичности.

Ключевые слова: язык, модификация языка, иностранные термины, правовое регулирование языка, ограничение применения языка, языковые средства, заимствование слов, использование иностранных слов, угроза языковой культуры.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

LEGAL REGULATION OF THE USE OF FOREIGN WORDS AND TERMS

Oksana I. Yastrebova, Daria D. Elkina, Kristina N. Spichenko

North Caucasus branch of the Lebedev Russian State University of Justice

Abstract. This article considers the evaluation of the language meaning and the influence of borrowed words on the Russian language, the rationality of regulation of this sphere and the introduction of special restrictions. The authors emphasize the methods of research, among which were - the study of the legal framework, analysis of literature on the topic. In the article the authors consider the modern legal regulation of restrictions on the use of foreign words in the interpretation of legal texts and conclude on the rationality of the use of borrowings in the legal and linguistic sphere of activity. The authors pay special attention to modern language as a means of manipulation, socio-psychological suppression and restriction. Conclusions: the issue of borrowing foreign words into the Russian language and their use is complex and multifaceted. On the one hand, language is a dynamic system that is constantly evolving, and borrowing words can enrich it, helping it adapt to changes in the world. In addition, borrowings can be more convenient and concise, especially in the scientific and technical environment. On the other hand, excessive or unconscious use of foreign words, especially in cases where there are high-quality Russian analogues, can threaten the language culture and national identity.

Keywords: language, language modification, foreign terms, legal regulation of language, restriction of the use of language, linguistic means, borrowing of words, use of foreign words, threat to linguistic culture.

Funding: Independent work.

Введение.

Язык, его изменение и модификация всегда является актуальным вопросом. Выступая не только как способ выражения своих мыслей, а как часть национальной культуры, язык может становиться предметом политических манипуляций, различных провокаций и даже репрессий. Так, например, одним из наиболее острых примеров политических манипуляций на основе языка, можно назвать запрет обучения в общеобразовательных учреждениях не на государственном языке на Украине. Так, ради политических целей были ограничены языки национальных меньшинств, в том числе русского языка. Было создано множество различных ограничений использования не украинского языка: введение квот на телевидение, радио, жесткие ограничения в сфере образования, творчества [1].

Введение подобных законов, которые напрямую противоречат основным постулатам демократии, правам национальных меньшинств, свободе самовыражения, — вызывает бурную общественную реакцию, что часто и является одной из целей подобных законов. Безусловно, такие провокации тут же порождают реакционные инициативы, которые будут направлены на ответные ограничения использования отдельных языков или их частей. Так, на уровне государственного регулирования можно увидеть тенденцию борьбы с проникновением иностранных слов в русский язык. Однако следует тщательно проанализировать рациональность ограничений в этой области, рассмотреть негативные и положительные стороны.

Обсуждение.

Профессор Н.Н. Целищев отмечает, что иностранные слова имели сильное влияние на русский язык на протяжении всей отечественной истории.

Начиная с эпохи крещения Руси, огромное влияние стал оказывать греческий язык как основной язык, который использовался при передаче религиозного опыта.

Затем, в ходе монгольского нашествия, колоссальное влияние стали оказывать различные тюркские языки.

Особенно наглядно становится заметно влияние немецкого и голландских языков в период правления Петра Великого, когда очень многие должности, государственные органы были переименованы на немецкий и голландский лад.

В период расцвета Первой Империи, завоеваний Наполеона Бонапарта, почти все состоятельные дворяне учили французский язык [2].

В наши дни, наибольшее влияние на русский язык оказывает английский язык, что неудивительно ввиду практически всеобщего изучения

его в государственных школах, а также учитывая популярность английского языка в мире в целом.

В течение веков деятели русской народной культуры и просвещения отбирали и совершенствовали в языке все наиболее ценное и выразительное, хранили и умножали его богатства. Языковые средства, правила их употребления регламентировались в соответствии с законами самого языка. В процессе развития русского литературного языка складывались и его нормы, а иностранные слова становились его частью.

Некоторые учёные считают проблемой русского языка неоправданное введение в текст заимствованных слов, которые наносят большой ущерб нашей речи и языку в целом. Однако утверждать, что заимствование слов исключительно вредно неконструктивно. Например, профессор Изотов считает, что заимствованные слова вредны только в том случае, когда в русском языке существуют аналоги. Он приводит пример с компьютерами, так как они появились впервые за границей, слова, связанные с компьютерами, программированием, IT сферой — почти все они являются заимствованиями [3]. Однако это не является проблемой, а наоборот, только увеличивает богатство русского языка.

Авторитетный российский лингвист Л.П. Крысин также считает, что заимствование иностранных слов не наносит значительный ущерб русскому языку. По его мнению, грамматика — это «костяк» русского языка и «иностранные слова иногда очень точно выражают суть предмета» [16].

Аналогичной позиции придерживается и Л.А. Нестерская, утверждая, что «обильный приток и активизацию заимствований не следует рассматривать как негативные явления в русском языке», потому что, если заимствования являются подтверждением жизнеспособности языка и открытости лексической системы, это характеризует данную ситуацию с положительной стороны [17].

В последние десятилетия наблюдается особенное увеличение притока иностранных слов в русский язык, в большей степени, из английского языка, что связано, прежде всего, с активизировавшимися экономическими, политическими, культурными, общественными связями России с англоязычными странами, в частности, с Англией и США.

Заметим, что значение заимствованных слов из иностранных языков для большинства русскоговорящих людей представляется малопонятным. Многие носители языка, не имеющие лингвистического образования, считают заимствования, особенно недавно вошедшие в русский язык, модными и поэтому стараются употреблять их в своей речи как можно чаще, не задумываясь о значении новой иностранной лексики. Для большинства употребление недавно вошедших в лексикон иностранных слов является атрибутом «современности», «современного продвинутого

человека», «современного взгляда на жизнь», что и порождает уверенность в необходимости использования нового заимствованного слова, ставшего «модным словом».

В своей работе «Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни» Л.П. Крысин также выделяет следующие причины появления в русском языке иностранных слов [16]:

- 1) необходимость наименования (нового явления, новой вещи, понятия и т.п.);
- 2) потребность в специализации понятий – в той или иной области;
- 3) необходимость разграничения близких по содержанию, но всё же различающихся понятий;
- 4) наличие тенденции к соответствию цельности обозначаемого понятия с нерасчлененностью обозначающего: если объект наименования представляет собой одно целое (или, по крайней мере, он как целое мыслится носителями языка), то говорящие стремятся обозначить его одним словом, а не словосочетанием, или же заменить описательное наименование однословным;
- 5) наличие в заимствующем языке сложившихся систем терминов, обслуживающих ту или иную тематическую область, профессиональную среду и более или менее единых по источнику заимствования этих терминов: если такие системы есть, то вхождение в язык и укрепление в узусе новых заимствований, относящихся к той же сфере и взятых из того же источника;
6. коммуникативная актуальность понятия, обозначаемого иноязычным заимствованием, при этом такая актуальность может быть различной на разных этапах развития одного и того же социума.

Данные причины имеют прямое влияние на внедрение иностранных слов в русский язык.

Однако мода на иностранные слова приобрела катастрофический характер, т.к. употребление этих слов может иметь негативный эффект. В процессе заимствования слов из других языков уже происходит частичная потеря значения, что ведет к расхождению понятийного содержания в межкультурном контексте. Языковая мода может иметь отрицательные последствия, когда заимствованные термины популяризируются без достаточной проработки их понятийного содержания; когда понятие трактуется на основе лишь собственного опыта; когда оно необдуманно используется только потому, что это модно сегодня.

Заметим, что с употреблением заимствованных слов может быть связана и речевая избыточность. В этом случае, рядом с заимствованным словом используется русское, очень близкое по смыслу, а иногда и дублирующее его значение. Например, студенты-вечерники ограничены ли-

митом времени, можно переделать так: Время студентов-вечерников ограничено; у студентов-вечерников мало времени.

Для решения этой проблемы Государственная Дума приняла правительственный законопроект о соблюдении норм литературного русского языка, который призван защитить его от засилья иностранных слов, аналоги которых есть в русском языке. Поправки вносятся в закон «О государственном языке РФ». Документ предполагает «осуществление контроля за соблюдением должностными лицами органов и организаций, гражданами РФ норм современного русского литературного языка» [6]. Ориентиром для лингвистической экспертизы будут нормативные словари и справочники, фиксирующие нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного [6]. Законопроект предполагает "недопустимость использования иностранных слов, за исключением не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке, перечень которых содержится в нормативных словарях.

Как отметила глава комитета Госдумы Елена Ямпольская: «Мы избавимся от кэшбеков, билбордов, сейлов» [6].

В соответствии с Федеральным законом о «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» отмечается, что «...При использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается употребление слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка (в том числе нецензурной брани), за исключением иностранных слов, которые не имеют общеупотребительных аналогов в русском языке...» [4].

Для борьбы с иностранным влиянием некоторые сторонники сохранения «чистоты» нашего языка предлагают введение различных санкций и штрафов за употребление «западных» слов. Однако такие радикальные меры есть не что иное, как посягательство на свободу слова; кроме того, они противоречат уголовному и административному кодексу Российской Федерации, так как произношение иностранных слов, заимствованной лексики не несет угрозу общественной безопасности, не посягает на экономические, политические и иные права людей.

Следует также привести некоторое оправдание использования англицизмов:

- во-первых, иногда англицизмы употреблять удобнее, т.к. они короче, четче выражают смысл;
- во-вторых, англицизмы уже многим понятнее, чем длинный перевод на русский язык;
- в-третьих, эти слова уже прочно вошли в русскоязычную речь, особенно у молодежи, в СМИ;

— в-четвертых, есть ли необходимость искоренять заимствованные слова в век глобализации, ведь они не считаются ненормативной лексикой.

Кроме того, русский язык является частью нашей национальной идентичности, именно поэтому для многих защита от иностранного влияния есть ни что иное, как проявление своей активной позиции, так как активное использование новых слов приводит к утрате той связи между человеком и родным языком, теряется часть национальной идентичности, часть самобытности.

В целях защиты русского языка от глобализационных процессов, в октябре 2024 года в Государственной Думе РФ был рассмотрен законопроект об ограничении использования англицизмов в рекламе. В частности, поступило предложение внести в ФЗ «О рекламе» пункт о том, что в рекламе не допускается «использование алфавитов не на графической основе кириллицы, за исключением указания фирменных наименований и товарных знаков, прошедших государственную регистрацию» [10], что подразумевает запрет использования алфавитов на графической основе латиницы и арабицы.

В процессе рассмотрения комитет Госдумы по экономической политике рекомендовал отклонить законопроект. Комитет аргументировал свою позицию следующим образом:

1. В соответствии с пунктом 1 части 5 статьи 5 Федерального закона «О рекламе» в рекламе уже не допускается использование иностранных слов и выражений, которые могут привести к искажению смысла информации [9].

2. Предлагаемый законопроект не учитывает, что использование в рекламе некириллических символов «может быть оправдано характером товара (услуги), являющейся объектом рекламирования». Так, например, латиница вполне оправданно используется в рекламе международных мероприятий, школ, где изучают иностранные языки, и туристических услуг [9].

Стоит отметить, что ранее уже принимались поправки для создания единой графической основы языка. В 1999 году в республике Татарстан был принят закон «О восстановлении татарского алфавита на основе латинской графики» [15].

На следующий год Государственная Дума приняла законопроект о внесении дополнения в Закон «О языках народов РФ». Дополнение заключается в следующем: «В Российской Федерации алфавиты государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик строятся на графической основе кириллицы» [8].

Вследствие принятия данного положения, закон Татарстана был отменен, т.к. не соответствовал новому принятому закону, который имел большую юридическую силу.

Также, согласно внесенным дополнениям, субъекты РФ были обязаны «привести свои законы и

иные нормативные правовые акты в соответствие с настоящим Федеральным законом в течение двенадцати месяцев со дня вступления его в силу» [8].

Однако в дополнении содержится норма, согласно которой формально «иные графические основы алфавитов государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик могут устанавливаться федеральными законами» [8].

Можно сделать вывод о том, что вопрос языковой политики преимущественно переходит в федеральное регулирование.

Федеральный закон «О внесении дополнения в статью 3 Закона РФ «О языках народов Российской Федерации»» был проверен на конституционность по запросу Государственного Совета и Верховного суда Республики Татарстан, а также в связи с жалобой гражданина С.И. Хапугина.

Конституционный суд (далее – КС) признал принятые положения не противоречащими Конституции на следующих основаниях, в которых, в том числе аргументировал целесообразность и значение принятия данной нормы [7]:

Во-первых, КС обосновал право федерального законодателя урегулировать принципиальные вопросы статуса государственных языков республик, затрагивающие интересы всей Российской Федерации и определить общие принципы правового регулирования этих языков, ссылаясь на то, что:

1) государственные языки республик – один из элементов конституционного статуса этих субъектов РФ, который обусловлен федеративным устройством Российской Федерации, основанном на ее государственной целостности, единстве системы государственной власти;

2) Конституция Российской Федерации относит установление основ федеральной политики и федеральные программы в области культурного и национального развития Российской Федерации, в том числе основ государственной языковой политики и содействие развитию государственных языков республик, к ведению Российской Федерации (статья 71, пункты «б», «е») [7].

Во-вторых, КС подчеркнул важность графической основы алфавита (т.е. системы знаков, употребляемых в письменности) государственного языка в качестве компонента правового статуса данного языка, т.к. употребление языка в качестве государственного в различных сферах государственной деятельности и в официальных отношениях предполагает его существование не только в словесной (устной), но и в письменной форме [7].

В-третьих, КС разъяснил, что, в первую очередь, смена графической основы алфавита государственного языка должна осуществляться с уче-

том исторических и политических факторов, национальных и культурных традиций, а не обуславливаться только особенностями фонетики языка [7].

Из вышеуказанных положений следует, что внесенные дополнения в первую очередь были приняты для централизации власти в руках федерального законодателя в сфере языковой политики, а также исходя из целей сохранения культурно-языкового единства государства, которое заключается в том, что языки существуют на графической основе кириллицы.

Отметим, что положительный опыт принятия законопроекта о единой графической основе языка может стать основой для будущих нововведений. Также подчеркнем, что, в отличие от предложения внести поправки в Закон «О рекламе», внесение дополнения в Закон «О языках народов Российской Федерации» является обоснованным, потому что язык и отдельные его компоненты формируют сознание и культуру граждан, в особенности, в период обучения и освоения языка. Говоря об использовании иностранных слов в рекламе, следует отметить, что это также влияет на формирование культуры в обществе, однако не в столь значительном объеме.

Однако полный отказ от заимствования иностранных слов нерационален и даже вреден для языка, задача, которого максимально точно передавать суть вещей, несмотря на ежедневно меняющийся мир. Кроме того, введение различных санкций, штрафов за обыденное использование иностранных слов будет противоречить Федеральным законам и Конституции Российской Федерации. К тому же, такие методы не будут эффективными, ни с точки зрения сохранения русского языка, ни с точки зрения практики. Ведь, не существует четкой регламентации, что будет являться заимствованным словом, а что являлось им когда то, а теперь составная часть русского языка.

Безусловно стоит отказаться от слов, у которых существуют прекрасные аналоги в русском языке. В случае, если аналогов нет, стоит руссифицировать заимствованные слова, подчинять их орфографическим и иным нормам русского языка, так, чтобы заимствованные слова были максимально органично вписаны в наш контекст.

В рамках сказанной в предыдущем абзаце идеи, в российских регионах уже стали принимать соответствующие законы. Например, в г. Краснодар городская Дума приняла решение о запрете «использования в текстах и изображениях на информационных конструкциях символов и надписей на иностранных языках, а также транслитераций, за исключением случаев указания фирменных наименований юридических лиц, являющихся коммерческими организациями, товарных знаков и знаков обслуживания, зарегистрированных в установленном порядке федеральным органом исполнительной власти по

интеллектуальной собственности» [11]. В свою очередь, под иностранным языком понимается «язык, народ – носитель которого проживает за пределами Российской Федерации, не относящийся к языкам народов Российской Федерации» [11], согласно решению, использовать на информационных конструкциях языки народов России разрешается [11].

В Краснодаре также были зафиксирован случай проведения разъяснительных работ, например, сотрудниками управления торговли и администрации Прикубанского округа, после которых предприниматель заменил вывеску на иностранном языке на вывеску на русском языке, что подчеркивает обеспечение соблюдения решений городской Думы [12].

Кроме того, аналогичная идея была реализована и в городе Саратове. Депутаты городской Думы приняли решение запретить «использование в текстах и изображениях на вывесках символов и надписей на иностранных языках, а также транслитераций, за исключением случаев указания фирменных наименований юридических лиц, являющихся коммерческими организациями, товарных знаков и знаков обслуживания» [13].

Наряду с этим, 05 декабря 2025 года на официальном сайте Саратовской городской Думы появился комментарий председателя Думы, Сергея Александровича Овсянникова, о необходимости применения штрафов по отношению к предпринимателям, которые не соблюдают внесенные изменения. Данный проект (о введении штрафов), по словам С.А. Овсянникова уже находится в разработке [14].

Таким образом, «местные власти», посчитав неоправданным использование иностранного языка на вывесках, а также, стараясь сохранить надлежащий культурный облик российских городов, начинают запрещать использование иностранных языков на информационных конструкциях.

Заключение.

Вопрос о заимствовании иностранных слов в русский язык и их использовании является сложным и многогранным. С одной стороны, язык — это динамичная система, которая постоянно развивается, и заимствование слов может обогащать его, помогая адаптироваться к изменениям в мире. Кроме того, заимствования могут быть более удобными и лаконичными, особенно в научной и технической среде.

С другой стороны, чрезмерное или неосознанное использование иностранных слов, особенно в тех случаях, когда имеются качественные русские аналоги, может угрожать языковой культуре и национальной идентичности. Например:

- 1) чрезмерное использование заимствованных слов может вызывать потерю их изначального значения;

2) возможна речевая избыточность, когда заимствованные и русские слова дублируют друг друга;

3) угроза утраты национальной идентичности и ослабление связи с родным языком.

Авторы статьи подчеркивают, что регулирование использования заимствований должно быть взвешенным. Запрет на иностранные слова, имеющие аналоги в русском языке, представляется разумным (например, как в случае с поправками в Закон «О государственном языке РФ» и Закон «О языках народов Российской Федерации»), но чрезмерная строгость или введение штрафов могут нарушить права граждан и противоречить принципам свободы слова.

Государственная Дума РФ уже предприняла шаги в данном направлении, внося поправки в законы о государственном языке, а на региональном уровне появляются инициативы по ограничению иностранных надписей в рекламе и вывесках (в Краснодаре и Саратове).

Тем не менее, полный отказ от заимствований нерационален. Заимствованные слова становятся частью языка, если они корректно интегрированы, и могут быть полезны в условиях глобализации, особенно в науке, технике и культуре. Важно стремиться к гармонии между сохранением самобытности русского языка и его адаптацией к современным реалиям.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Закон Украины от 25 апреля 2019 года № 2704-VIII Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного.
2. Целищев Н. Н. Защита чистоты и богатства русского языка // АОН. 2013. № 2.
3. Изотов В.П. В защиту русского языка // Среднерусский вестник общественных наук. 2007. № 2.
4. Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» от 01.06.2005 № 53-ФЗ.
5. Сидакова Н.В. Употребление иностранных слов в русском языке: логика речи или дань моде? // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 4(17). С. 111–114.
6. Госдума приняла законопроект о защите русского языка // RG.RU. URL : <https://rg.ru/2022/12/13/gosduma-priniala-zakonoproekt-o-zashchite-russkogo-iazyka.html>
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.11.2004 № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 10 Закона Республики Татарстан «О языках народов Республики Татарстан», части второй статьи 9 Закона Республики Татарстан «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан», пункта 2 статьи 6 Закона Республики Татарстан «Об образовании» и пункта 6 статьи 3 Закона Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина С.И. Хапугина и запросами Государственного Совета Республики Татарстан и Верховного Суда Республики Татарстан».
8. Федеральный закон «О внесении дополнения в статью 3 Закона Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» от 11.12.2002 № 165-ФЗ (последняя редакция)
9. Комитет Госдумы не поддержал инициативу об ограничении использования англицизмов // Парламентская газета URL : <https://www.pnp.ru/social/komitet-gosdumy-ne-podderzhal-iniciativu-ob-ogranichenii-ispolzovaniya-anglicizmov.html> (дата обращения 07.12.2024).
10. Законопроект № 1103844-7 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1103844-7> (дата обращения 08.12.2024).
11. Решение городской Думы Краснодара от 22 августа 2013 г. № 52 п. 6 «Об утверждении Правил благоустройства территории муниципального образования город Краснодар» (с изменениями и дополнениями).
12. Перевод на русский // Официальный Интернет-портал администрации муниципального образования город Краснодар и городской Думы Краснодара. URL : <https://krd.ru/novosti/glavnye-novosti/perevod-na-russkiy> (дата обращения 08.12.2024).
13. Решение Саратовской городской Думы от 27 октября 2023 года № 42-412 «О внесении изменений в решение Саратовской городской Думы от 25 декабря 2018 года № 45-326 «О Правилах благоустройства территории муниципального образования «Город Саратов».
14. Сергей Овсянников: «Запрет использования вывесок на иностранных языках должен неукоснительно соблюдаться» // Официальный сайт Саратовской городской Думы. URL : <https://saratovduma.ru/news/52451-sergey-ovsyannikov-zapret-ispolzovaniya-vyvesok-na-inostrannykh-yazykakh-dolzhen-neukosnitelno-soblyudatsya> (дата обращения 08.12.2024).

15. Закон РТ от 15 сентября 1999 г. N 2352 «О восстановлении татарского алфавита на основе латинской графики» (утратил силу).
16. Крысин Л.П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни / Л.П. Крысин; Под ред. Е. А. Земской // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М. : Языки русской культуры, 2000.
17. Нестерская Л.А. Языковые средства формирования оценочности в современной публицистике / Л.А. Нестерская Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. М. : МАКС Пресс, 2002. Вып. 21. 184 с.

References:

1. Law of Ukraine № 2704-VIII of April 25, 2019 On Ensuring the Functioning of the Ukrainian language as the State language.
2. Tselishchev N.N. Protection of purity and richness of the Russian language // AON. 2013. № 2.
3. Izotov Vladimir Petrovich In defense of the Russian language // Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2007. № 2.
4. Federal Law «On the State Language of the Russian Federation» dated 06/01/2005 № 53-FZ.
5. Sidakova N.V. The use of foreign words in the Russian language: the logic of speech or a tribute to fashion? // Baltic Humanitarian Journal. 2016. Vol. 5. № 4(17). P. 111–114.
6. The State Duma adopted a bill on the protection of the Russian language // RG.RU. URL : <https://rg.ru/2022/12/13/gosduma-priniala-zakonoproekt-o-zashchite-russkogo-iazyka.html>
7. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 11/16/2004 № 16-P «In the case of checking the constitutionality of the provisions of paragraph 2 of Article 10 of the Law of the Republic of Tatarstan «On the Languages of the Peoples of the Republic of Tatarstan», part two of Article 9 of the Law of the Republic of Tatarstan «On the State Languages of the Republic of Tatarstan and other languages in the Republic of Tatarstan», paragraph 2 of Article 6 of the Law of the Republic of Tatarstan «On Education» and paragraph 6 of Article 3 The Law of the Russian Federation «On the Languages of the Peoples of the Russian Federation» in connection with the complaint of citizen S.I. Khapugin and the requests of the State Council of the Republic of Tatarstan and the Supreme Court of the Republic of Tatarstan».
8. Federal Law «On Amendments to Article 3 of the Law of the Russian Federation «On the Languages of the Peoples of the Russian Federation» dated 11.12.2002 № 165-FZ (latest edition).
9. The State Duma Committee did not support the initiative to limit the use of Anglicisms // Parliamentary Newspaper URL : <https://www.pnp.ru/social/komitet-gosdumy-ne-podderzhal-iniciativu-ob-ogranichenii-ispolzovaniya-anglicizmov.html> (date of application 07.12.2024).
10. Bill No. 1103844-7 // Legislative Support System URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1103844-7> (date of application 08.12.2024).
11. Decision of the City Duma of Krasnodar dated August 22, 2013 № 52. P. 6 «On approval of the Rules for landscaping the territory of the municipality of Krasnodar» (with amendments and additions).
12. Translation into Russian // The official Internet portal of the administration of the municipal formation of the city of Krasnodar and the City Duma of Krasnodar. URL : <https://krd.ru/novosti/glavnye-novosti/perevod-na-russkiy> (date of application 08.12.2024).
13. Decision of the Saratov City Duma of October 27, 2023 № 42-412 «On Amendments to the decision of the Saratov City Duma of December 25, 2018 № 45-326 «On the Rules for landscaping the territory of the municipal formation «City of Saratov».
14. Sergey Ovsyannikov: «The prohibition of the use of signage in foreign languages must be strictly observed» // Official website of the Saratov City Duma. URL : <https://saratovduma.ru/news/52451-sergey-ovsyannikov-zapret-ispolzovaniya-vyvesok-na-inostrannykh-yazykakh-dolzhen-neukosnitelno-soblyudatsya> (date of application 08.12.2024).
15. Law of the Republic of Tatarstan dated September 15, 1999 № 2352 «on the restoration of the Tatar alphabet based on Latin graphics» (expired).
16. Russian Russian language of the end of the twentieth century (1985–1995) / Edited by E.A. Zemskaya. M. : Languages of Russian culture, 2000.
17. Nesteretskaya L.A. Linguistic means of evaluation formation in modern journalism // Language, consciousness, communication: Collection of articles / Ed. V.V. Krasnykh, A.I. Izotov. M. : MAKS Press, 2002. Iss. 21. – 184 p.

Информация об авторах

Ястребова Оксана Ивановна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры языкознания и иностранных языков,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного университета
правосудия им. В.М. Лебедева
miss.oxen@yandex.ru

Oksana I. Yastrebova

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Linguistics and Foreign Languages,
North Caucasus branch
of the Lebedev Russian State University of Justice
miss.oxen@yandex.ru

Елкина Дарья Дмитриевна

студентка 1 курса 103 группы
факультета подготовки специалистов
для судебной системы (юридический факультет),
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного университета
правосудия им. В.М. Лебедева
Yolkina.darina@yandex.ru

Daria D. Elkina

1st year Student of the 103 group
Faculty of Training Specialists
for the Judicial System (Faculty of Law),
North Caucasus branch
of the Lebedev Russian State University of Justice
Yolkina.darina@yandex.ru

Спиченко Кристина Николаевна

студентка 1 курса 103 группы
факультета подготовки специалистов
для судебной системы (юридический факультет),
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного университета
правосудия им. В.М. Лебедева
Kristina.spichenko@mail.ru

Kristina N. Spichenko

1st year Student of the 103 group
Faculty of Training Specialists
for the Judicial System (Faculty of Law),
North Caucasus branch
of the Lebedev Russian State University of Justice
Kristina.spichenko@mail.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 02.03.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.03.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.03.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

(РУБРИКА НЕ ВКЛЮЧЕНА В ПЕРЕЧЕНЬ ВАК ПРИ МИНОБРНАУКИ РФ)

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-1-9>

УДК 37

Attribution

cc by

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ВОСПИТАНИЕ ГАРМОНИЧНОЙ ЛИЧНОСТИ И НА УРОВЕНЬ ИНДИВИДУАЛЬНОГО, И СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ

Любецкий Н.П.¹, Самыгин С.И.², Агафонов С.В.³, Демьянова Л.М.⁴

^{1, 3, 4}*Донской государственный технический университет,*

²*Ростовский государственный экономический университет*

Аннотация. Сегодня, в условиях цивилизационной войны, экономических санкций и эскалации конфликта на Украине со стороны Запада, перед российским обществом наиболее остро стоит проблема образования – воспитания социально – зрелой, гармоничной личности – гражданина, ибо наличный человеческий материал неадекватен задаче возрождения могучей, суверенной России, т.е. государства – цивилизации, имеет недостаточно высокий интеллектуальной и изобретательский потенциал для этого и слишком низкую степень надёжности. Речь идёт не об отдельных умных, талантливых, надёжных людях и героях, каких у нас в России много, а о десятках миллионов людей со сниженной энергетикой субпассионариев – конформистов с несформированным историческим самосознанием и психологией «квалифицированного потребителя», взращённых в российской образовательной системе в эпоху либерализма, которые идеологически абсолютно несовместимы с нашими традиционными цивилизационными ценностями. Именно это обстоятельство в отечественном этногенезе, вкупе с традиционной болезнью «европейничанья» отечественной элиты и негативными особенностями двойственного русского национального характера (низкопоклонство), и явилось, – по мнению известного учёно-социолога А.А. Зиновьева, – причиной обрушения (дважды) российской государственности в XX веке. И это, русская Смута начала XX века (1905–1921) и конца XX века (1985–2000). Поэтому, главной проблемой либеральной России, на сегодня, является формирование – воспитание социально-зрелой, качественной личности – гражданина, способной думать (размышлять), предвидеть, способной жить хорошо, т.е. праведно и созидательно, своевременно и адекватно отвечая на демонические «угрозы – вызовы времени». Однако необходимо признать, что если ребёнку, подростку не обеспечить нормальные условия воспитания в семье и школе, то он будет обречён нести на себе клеймо умственной и нравственной порчи. А ведь образование и воспитание – ключевая функция государства и существуют в России для обеспечения общественного развития. Актуальность статьи заключается в том, что мы довольно подробно и обстоятельно перечисляем в ней основные факторы эндогенного и социального характера, влияющие на уровень индивидуального и социального здоровья в эпоху агрессивной глобализации, которые могут, при их недооценке правящей российской властью, вызывать ослабление институтов семьи и социализации, а также негативно влиять на воспитание гармоничной личности, на здоровье детей и молодёжи (эпигенетика), вызывая микроальтерации развития, т.е. нарушения развития на клеточном уровне. Причём, влияние этих тератогенных факторов могут быть необратимыми и вызывает ментальные нарушения, которые могут быть стойкими. Устранение этих различных негативных факторов и их купирование российским государством и обществом значительно улучшит физическое и психическое здоровье наших детей, которые сегодня дети, а завтра народ, а также смягчит напряжённую социальную атмосферу в российском эмоционально неустойчивом обществе, повысит его устойчивость и надёжность в условиях социокультурной мутации и турбулентности экономического развития России в XXI веке.

Ключевые слова: гармоничная личность, здоровый образ жизни – «ЗОЖ», массовый спорт, классическое школьное и базовое вузовское образование, традиционное семейное воспитание, историческое самосознание, депривация, эссенциальные (незаменимые) факторы развития ребёнка, национальная элита, социальная атмосфера, цивилизация.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

FACTORS INFLUENCING THE UPBRINGING OF A HARMONIOUS PERSONALITY AND THE LEVEL OF INDIVIDUAL AND SOCIAL HEALTH OF RUSSIAN YOUTH

Nikolay P. Lyubetsky¹, Sergey I. Samygin²,
Sergey V. Agafonov³, Lyudmila M. Demyanova⁴

^{1, 3, 4}Don State Technical University,

²Rostov State University of Economics

Abstract. Today, in the context of the civilizational war, economic sanctions and the escalation of the conflict in Ukraine by the West, Russian society is most acutely faced with the problem of education – the upbringing of a socially mature, harmonious individual citizen, because the available human material is inadequate to the task of reviving a powerful, sovereign Russia, i.e. the state of civilization, has an insufficiently high intellectual and the inventive potential for this and the degree of reliability is too low. We are not talking here about individual smart, talented, reliable people and heroes, of which we have many in Russia, but about tens of millions of people with reduced energy levels, subpassionaries, conformists with an unformed historical identity and the psychology of a «qualified consumer», raised in the Russian educational system in the era of liberalism, which is ideologically absolutely incompatible with our traditional civilizational values. It is precisely this circumstance in Russian ethnogenesis, coupled with the traditional disease of «Europeanization» of the domestic elite and the negative features of the dual Russian national character (low worship), that has appeared, according to the famous sociologist A.A. Zinoviev, – the reason for the collapse (twice) of Russian statehood in the twentieth century. And this is the Russian Troubles of the early twentieth century (1905–1921) and the end of the twentieth century (1985–2000). Therefore, the main problem of liberal Russia today is the formation and upbringing of a socially mature, high-quality personality – a citizen capable of thinking (reflecting), anticipating, capable of living well, that is, righteously and creatively, timely and adequately responding to demonic «threats – challenges of the time.» However, it must be recognized that if a child or teenager is not provided with normal conditions of upbringing in a family and school, then he will be doomed to bear the stigma of mental and moral damage. But education and upbringing are a key function of the state and exist in Russia to ensure social development. The relevance of the article lies in the fact that in our article we list in some detail the main factors of an endogenous and social nature that affect the level of individual and social health in the era of aggressive globalization, which, if underestimated by the ruling Russian government, can cause the weakening of family institutions and socialization, as well as negatively affect the upbringing of a harmonious personality, on the health of children and youth (epigenetics), causing developmental microalterations, i.e. developmental disorders at the cellular level. Moreover, the influence of these teratogenic factors can be irreversible and causes mental disorders that can be persistent. The elimination of these various negative factors and their relief by the Russian state and society will significantly improve the physical and mental health of our children, who are children today and people tomorrow, as well as improve the tense social atmosphere in Russia's emotionally unstable society, increase its stability and reliability in the context of socio-cultural mutation and turbulence of the economic development of Russia in the 21st century.

Keywords: harmonious personality, healthy lifestyle – «healthy lifestyle», mass sports, classical school and basic university education, traditional family education, historical self-awareness, deprivation, essential (irreplaceable) factors of child development, national elite, social atmosphere, civilization.

Funding: Independent work.

Введение.

Мы сегодня живём в обстановке судьбоносных решений. На кону – судьбы и России, и мира. Проблема управления страной была и есть краеугольным камнем жизни любого государства. От того, кто и как вырабатывает идеологию, принимает и реализует решения, определяющие жизнь, зависит всё, в том числе и здоровье граждан РФ. Следует признать, что в нашем государстве базовой идеологией всё ещё

является либерализм, причём либерализм – это мировоззрение, это философия, и *космополитизм является основой англосаксонского либерализма, где важен индивидуум, а не нация, не государство, не религия, не этнос* [1]. Главная задача либералов и либерализма освободить человека от государства, от уз семьи, от религии, от половой идентичности и т.д. Поэтому в современной либеральной России имеются серьёзные проблемы социального и педагогического характера в вопросах сохране-

ния и укрепления индивидуального и социального здоровья, школьного воспитания – образования, особенно в гуманитарной сфере, пропитанного сегодня духом неолиберализма. Кроме того, либерализм породил проблемы семейного воспитания, демографический кризис, а в духовной сфере – это проблема нравственности и воспитания гармоничной личности. Повторимся, но либеральная идеология является серьёзным препятствием в деле образования – воспитания образованной, творческой, гармоничной личности, уверенной в себе с доступом к своей великой православной культуре. Либералы хотят извести такого русского человека – творческую личность. А мы должны его спасти. Все эти наши проблемы эндогенного и социального характера, приводящие порой к патологическим состояниям здоровья, являясь следствием неэффективной экономической политики, крушения идеалов, проблем в управлении страной, а также когнитивно-ментальной войны коллективного Запада против России.

Сегодня Запад пытается через нашу **«пятую колонну»** в российской системе образования запустить в либеральной России процессы деградации традиционного российского общества и отечественной элиты, поразить массовое и историческое сознание русских людей, вызвать поколенческий раскол, отрыв нашей неискушенной молодёжи от отечественной истории и от великой православной культуры евразийской самобытной цивилизации.

В итоге, в современной России уже появилось множество субкультур и модных западных течений, занимающихся романтизацией **«животного начала»** в человеке, пропагандирующих бесчеловечность, уничижительное или неуважительное отношение молодых людей к самим себе, к родителям, учителям и друг к другу, что несовместимо с нравственным здоровым образом жизни и цивилизационным подходом в развитии России. Такое состояние **«умов ни в чём, не твердых»** у определённой генерации российской прозападной молодёжи, находит своё отражение в их **характерном асоциальном поведении** (конфликтность со старшим поколением, сознательное упрощение и искажение русского языка, несформированность национального самосознания, инертность, социальный инфантилизм, легковнушаемость, клиповое – разорванное, некритичное мышление; экстремизм, эстетизация смерти, половая распущенность, садомазохизм и любые иные формы извращений и неплототворного полового поведения), а **во внешнем виде** (вызывающая, слишком свободная или рваная одежда, татуировки, пирсинг, крашенные в яркие, немыслимые цвета волосы и т.д.) [2].

Гибридная цивилизационная война Запада против возрождающейся России в информационно-духовной сфере направлена англосаксонскими глобалистами на дегуманизацию, атомизацию, дебилизацию и космополитизацию населения

нашей страны: то есть, на разрушение традиционных моральных устоев российского общества с насаждением альтернативных (т.е. антигуманных ценностей), что усугубляется социальной и имущественной поляризацией российского общества и приводит к разрушению института семьи, российской системы воспитания – образования – особенно в гуманитарной сфере. Разумеется, всё это преподносится коварным Западом нашей неискушённой молодёжи с несформированной цивилизационной идентичностью под видом «цивилизованности», «прогресса», «свободы», «демократии», эмансипации «угнетённых и репрессированных» меньшинств и, в конечном итоге, приводит к изменённому состоянию сознания, к истеричным трансам одержимости, когда происходит утрата чувства «Я», а в человека с потревоженной психикой, как бы вселяется другой [3]. Всё это, конечно, не совместимо с понятием «здоровье».

В связи с вышеизложенным, мы попытались в нашей статье назвать (обозначить) эти негативные социальные факторы глобализации, которые вкупе с генетическим фактором (органические поражения мозга, перинатальная патология), могут серьёзно влиять и влияют на снижение уровня индивидуального и социального здоровья, на когнитивные способности, нравственность и... воспитание на фундаменте наших традиционных цивилизационных ценностей.

Обсуждение.

В этом разделе статьи нами даётся расширенное истолкование (пояснение) каждого пункта из нашего перечня основных факторов, влияющих, так или иначе, на воспитание, на уровень индивидуального и социального здоровья россиян в эпоху глобализации. Итак.

1. Генетика.

2. **Эмоциональное состояние человека** – зависит от удовлетворения его базовых потребностей: хорошего самочувствия, хорошей работы, справедливого дохода, доступности социальных благ, обеспеченной старости и т.д., а также от степени его духовного развития, правильного понимания мироустройства внешнего (геополитика) и внутреннего мира (цивилизационная идентичность), смысла своего существования (религия, философия). Иными словами – правильного мировоззрения, что в значительной степени сократит стрессовые ситуации. Поддержание гармоничного эмоционального состояния в обществе в целом, а значит и каждого его члена – основная задача всех органов власти в будущей солидарной России.

3. **Здоровый образ жизни** – индивидуальная система разумного, мотивированного поведения человека, основанная на ценностях физической культуры и спорта, традиционных духовно-нравственных ценностях, а также – на самодисциплине и самоограничении. Здоровый образ жизни – «ЗОЖ» – это, прежде всего, нравствен-

ный образ жизни на фундаменте Православия. Здоровый образ жизни – это систематические занятия физической культурой и соблюдение в быту определённого алгоритма действий, позволяющих не только сохранить, но и укрепить здоровье. Здоровый образ жизни должен стать потребностью современного человека. Для его стимулирования необходимо задействовать механизм поощрения тех, кто систематически занимается физической культурой, сдаёт регулярно нормы ГТО, ведёт социально активный образ жизни, а с другой – предусмотреть меры материальной и моральной ответственности для тех граждан, кто умышленно вредит своему физическому состоянию (курение, употребление спиртных напитков, увлечение соцсетями и т.д.), откровенно демонстрирует обществу нездоровый образ жизни: *«Живи ярко – умри молодым!»*.

4. Экологическое благополучие окружающей среды. С целью оздоровления среды обитания, а значит, и укрепления здоровья населения, необходимо принять новые экологические стандарты, реализовать глобальные Национальные проекты, направленные на:

- сохранение и приумножение естественного плодородия почвы, выращивание качественных продуктов питания;
- полный запрет на применение продуктов питания с использованием ГМО, сохранение и восстановление биологического разнообразия диких животных и растений, обеспечение неприкосновенности геномов человека и других биологических объектов;
- очистку сточных вод, оздоровление рек и подземных вод;
- сокращение вредных выбросов в воздушный бассейн;
- массовое озеленение среды обитания, восстановление лесного фонда;
- широкое применение природоподобных безотходных технологий в промышленности и сельском хозяйстве;
- замену большинства потребительских товаров, изготовленных из синтетических материалов – натуральными, отказ от одноразовой пластиковой упаковки;
- изменения структуры энергопотребления. Постепенная замена нефти, угля, газа другими возобновляемыми источниками энергии.

5. Развитие отечественной системы здравоохранения. Основной тренд в здравоохранении будущего – профилактика заболеваний, поддержание гомеостаза человека за счёт повышения естественного иммунитета и сдержанного (разумного) применения лекарственных препаратов химического синтеза. С этой целью, наряду с Министерством здравоохранения, в

стране необходимо создать Федеральную службу охраны здоровья, которая возьмёт на себя функции заказчика, плательщика и контроллера качества оказания медицинских услуг гражданам России. В регионах она будет представлена региональными службами охраны здоровья и их структурными подразделениями: офисами врачей общей практики, семейными врачами-педиатрами, муниципальными Центрами по контролю качества оказания медицинских услуг и региональным расчётным Центром. Система здравоохранения должна обеспечить равный доступ граждан РФ к качественной медицинской помощи, а также лекарственное и фармакологическое обеспечение в полном объёме.

6. Классическое школьное, традиционное семейное и фундаментальное базовое вузовское образование – воспитание творческой личности – гражданина на фундаменте культуры Православия, русской классической литературы, отечественной истории, обществознания, социологии, философии, математики, физики, географии, геополитики и физического воспитания. *Причём, нравственное воспитание должно опережать технологическое образование.* В сфере образования основной вектор преобразований должен быть направлен на возвращение национального образовательного суверенитета. Восточная мудрость гласит: *«Хочешь победить врага – воспитай его детей»*. Собственно, этим и занимаются сегодня ангlosаксы, внедряя исподтишка западные стандарты в наше образование, проводя его колонизацию; то есть, мы отдали самое дорогое, что у нас есть – образование будущих поколений – на аутсорсинг нашим стратегическим противникам. А ведь **образование и воспитание – ключевая функция государства**. Недостаток внимания к нему может обернуться потерей государства. В этой связи, прежде всего, необходимо восстановить единое образовательное пространство, когда все школы страны используют одинаковые учебные программы. Единое образовательное пространство, наряду с достойными едиными стандартами его финансирования, а также национальными рейтинговыми и количественными критериями оценки в сфере образования и науки – залог единства России. Российская система образования должна помочь учащимся и студентам получить панорамную, целостную и гармоничную картину мира, что научит их умению логически мыслить и принимать самостоятельные решения.

7. Качество и достойный уровень жизни граждан РФ, устраняющий серьёзную имущественную и социальную расслоённость (поляризацию) российского общества между богатыми и бедными. По мнению экономиста, академика Сергея Глазьева и объективным оценкам, – значения коэффициента фондов, то есть соотношения доходов крайних 10 % наиболее и наименее обеспеченных групп населения России принято считать соотношение 30:1 при пороговом, т.е. (критически предельном) значе-

нии коэффициента фондов 10:1. Что, естественно, вызывает социальную напряжённость в российском обществе.

И ещё, о качестве жизни и здоровье граждан РФ. В России сегодня существует множество «дыр» в налоговом законодательстве. Например, в 2020 году из России было вывезено больше капитала, чем ввезено на 50,4 млрд долл., в 2021 г. на 72,0 млрд долл., а в 2022 г., на рекордные 239 млрд дол. Это как раз те суммы, которые вывозили олигархи, имеющие израильское, американское гражданство, английское гражданство и налоговое резидентство. Размер, формально вывезенных на законных основаниях, а фактически украденных олигархами средств в 2022 г. равнялся 10 % от ВВП России. В условиях ежегодного вывоза из страны 10 % ВВП рассчитывать на победу в цивилизационной войне с Западом нам вряд ли приходится [4].

8. Крепкая, здоровая, полноценная семья как основа демографии, где царит атмосфера взаимной любви и уважения, постоянное присутствие воспитателя, у которого не расходятся Слово и Дело, приучение ребёнка к вдумчивому чтению, общественно-полезному и значимому труду к спортивным занятиям. Несоблюдение принципа гармоничного развития личности и наличие у ребенка вредных привычек — несовместимо с понятием «здоровье».

9. Сформированность исторического и цивилизационного самосознания российских детей, подростков и молодёжи на фундаменте традиционных жизненных ценностей православной культуры, русской классической литературы, отечественной истории, обществознания, философии, социологии, искусства и геополитики.

10. Физкультурная, медицинская и санитарная грамотность личности, плановая диспансеризация.

11. В жизни ребёнка, — для его нормального нервно-психического развития, — важно, чтобы одновременно «работали» четыре эссенциальных (то есть, незаменимых) фактора развития: родительская любовь и ласка, стимуляция физической нагрузкой, сбалансированное здоровое питание, комфортная социальная среда и грудное вскармливание от 1 года — до 1,5 лет.

12. Сформированность в стране пассионарной ответственной национальной элиты, заботящейся о своём народе, обладающей необходимой профессиональной подготовкой и «длинной волей», обеспечивающей нашей русской нации развитие, а не стагнацию, способную в исторических точках бифуркации российской цивилизации формировать и распространять русские смыслы, стратегически мыслить своевременно и адекватно отвечать на угрозы — вызовы времени.

Яркими представителями национальной элиты в истории России являются Александр Невский, преподобный Сергей Радонежский, Дмитрий Донской, Андрей Рублев, Максим Грек, Иван III, Иван IV, священник Гермоген, А.С. Пушкин, М.В. Лермонтов, А.М. Горчаков, Ф.М. Достоевский, К.П. Победоносцев, М.И. Глинка, Д.И. Скобелев, П.А. Столыпин, Г.К. Жуков, И.В. Курчатов, П.М. Фитин, С.П. Павлов, С.П. Королев, Ю.А. Гагарин, И.С. Глазунов, С.В. Лавров, В.В. Путин, Е.П. Велихов, А. Проханов, Н.А. Нарочницкая и др.

13. Отказ правящей элиты и российского общества от либеральной идеологии и переход, в рамках новой макроэкономической социально-справедливой политики Правительства РФ (лево-консервативная повестка дня), на стратегическое планирование и рыночную самоорганизацию (частно-государственное партнёрство). Именно об этом мечтал русский философ XIX–XX вв. Н.О. Лосский. Человечество, полагал он, должно отказаться как от одностороннего «**анархического капитализма**», так и от радикального социализма и выработать «**синтез ценных положительных сторон того и другого строя**». Идеалом Лосского было ориентированное на широкие слои народа «**общество социальной справедливости**», функционирующее на основе «**двух систем хозяйства, государственно-общественной и частной**». Высшая цель государства — «**обеспечить каждому члену общества духовные и материальные условия нормального развития, ведущего к порогу Царствия Божия**». Признавая только эволюционный путь развития общества, Лосский резко осуждал авантюризм и нигилизм во внутренней политике: «Попытки иных социальных реформаторов одним судорожным прыжком сразу поднять общество на гораздо более высокую ступень развития обыкновенно только разрушают достигнутое раньше скромное добро и вовсе не осуществляют новых высших форм совершенства» [5].

14. Создание в российском обществе животворящей социальной атмосферы — это нематериальная реальность в виде доминирующих в обществе русских смыслов и эмоций, а также оптимистичного образа будущего для совместных действий. Для воплощения в реальности животворящей социальной атмосферы в обществе необходимо единение граждан страны не только на основе общности русского языка, великой русской культуры, территории, но и идеологии, которой должны руководствоваться все облачённые властью лица в повседневной практике государственного управления. **Ибо идеология — это задающая цель и цельность, система мотивов, задающая вектор цели, определяющая целеполагание социальной системы. Нет цели — нет будущего!** Драматическая история России на протяжении последних пятисот лет свидетельствует о том, что без идеологии Россия как государство рассыпается в прах, вползая в очередную Смуту. Отсутствие на сегодня идеологии в нашей стране

означает фактически торжество англосаксонской либеральной идеологии, которая требует освоение индивидуума от всех форм коллективной идентичности (от власти Церкви, государства, от уз семьи и даже от пола), то есть, наличие десоциализация человека.

15. Отсутствие / наличие вредных привычек, несовместимых с понятием «здоровье», а именно:

- вандализм, игровая зависимость, алкоголизм, наркомания, курение, пренебрежение учёбой, знаниями, отечественной историей, культурой;
- отсутствие какого-либо желания трудиться, заниматься физической культурой и спортом;
- неуважительное отношение к родителям и педагогам, сквернословие, девиантное поведение, желание постоянно убежать из родительского дома, сексуальная расторможенность, физическая нечистоплотность, лживость по любому поводу, тяга к физическому и психологическому насилию над сверстниками в школе (*буллинг*), богоборчество, русофобия и эстетизация смерти; иррациональное, рискованное поведение в быту за гранью здравого смысла и общепринятых норм морали;
- нравственная и духовная ущербность, неспособность отличать добро от зла;
- откровенная демонстрация «*культуры нездоровья*», воровство, жестокость;
- жажда власти и денег – любой ценой, вплоть до убийства;
- азартные игры, беспорядочная еда (обжорство), компьютерная зависимость, увлечение порнографией, гаджетами, пребывание сутками в соцсетях с враждебным контентом, легковнушаемость склонность к демагогии и к западным цивилизационным ценностям, агрессивность, злой, нехороший язык, холуйство, вплоть до предательства.

Для справки:

Все эти негативные проявления асоциального характера могут быть спровоцированы, например, **органическими поражениями мозга** (черепно-мозговая травма, нейроинфекция) или **перинатальной патологией** (осложнения во время беременности матери, асфиксии новорожденного), или **генетическим фактором**, а могут быть спровоцированы вредными привычками родителей и воздействием на ребёнка негативных социальных факторов глобализации, сбивающих нормальное нервно-психическое развитие ребёнка, а именно: стресс, голод, гиподинамия, нищета, наказания, дефицитами общения, питания, физической нагрузки, дефицитом любви, дефицитом информации, положительных эмоций. Кроме того, вредные привычки и асоциальное поведение индивидуума могут

быть вызваны непоследовательностью воспитательных воздействий, отсутствием традиционного семейного и классического школьного образования – воспитания на фундаменте Православия. Даже физические сверхнагрузки могут спровоцировать девиантное поведение ребёнка. Следует отметить, что все эти дефициты стимуляций, вкупе с негативными социальными факторами глобализации, могут, – по мнению педиатров, – вызвать и вызывают **микрoальтерации развития** (т.е. нарушения развития на уровне клетки органов), причём эти изменения могут быть необратимыми и проявляться **ментальными нарушениями** на протяжении всей дальнейшей жизни индивидуума и даже передаваться по наследству [6].

В результате, неконтролируемая экспрессия генов и **дефициты стимуляции (депривация) могут привести к несозреванию лобных долей головного мозга, участвующих в формировании основных свойств целостной, качественной личности**, что серьёзно влияет на когнитивные способности индивидуума и... нравственность. Недаром, среди специалистов в нейропсихологии стало модным говорить о лобных долях (**префронтальная кора головного мозга**) [7] как о местонахождении нравственности! Специалисты – нейропсихологи, педагоги, врачи-педиатры, психологи, психиатры, социологи и общественные деятели отмечают существование сильной взаимосвязи, существующие между интеллектуальным и моральным уровнем личности и развитием корковых постсинаптических нейронных структур. Поэтому негативные факторы социализации наших детей и подростков, которые сегодня отмечают все объективные специалисты, как раз и являются причиной серьёзного падения одновременно и интеллекта, и нравственности в эпоху глобализации и трансформации наших традиционных жизненных ценностей в массовом сознании общества. Всё это стало возможным в условиях информационно-психологической войны коллективного Запада против России, направленной на уничтожение нашей страны.

Данный социальный феномен дополнительно усиливает социальную напряжённость в российском либеральном обществе в результате возникшего дисбаланса в структуре нашего общества, ибо все эти дети с девиантным и криминальным поведением, с неустойчивой психикой потом выходят во взрослую жизнь, образуя статистику характеров взрослого населения. Однако общество, в котором статистически преобладают дефективные характеры (как в нравственно-этическом, так и в интеллектуально-творческом отношении), неустойчиво и не способно жить хорошо; то есть, праведно и созидательно, своевременно и адекватно отвечая на современные демонические «Угрозы – вызовы» времени [8].

И здесь следует особо отметить, что вредные привычки и девиантное поведение некоей генерации социально инфантильной российской мо-

лодѣжи с несформированной цивилизационной идентичностью несовместимы с *«полнотой человека»*, которая проявляется в гармонии его духа, души и тела, гармонии духовных, социопсихологических телесных начал, в его духовном, психическом и физическом здоровье. То есть, вредные привычки и здоровье несовместны между собой, если мы мечтаем о гармоничном, социально ответственном человеке, где «возвышенный дух живѣт в совершенном теле» (П.Ф. Лесгафт) – главная цель физического воспитания и классического образования на фундаменте культуры Православия.

16. Действительный контроль государства за сохранением ценностного ядра российского мировоззрения, и это – симфоническая личность, цветущая сложность, соборность, вера, правда, служение, державность, душа, любовь, совесть и т.п. Именно эти жизненные ценности и составляют ценностное ядро российского мировоззрения с опорой на русскую философию, классическую русскую литературу, отечественную историю и искусство. Сегодня, в условиях когнитивно-ментальной войны Запада против России, чтобы укрепить российскую государственность и здоровье наших граждан, необходимо действительный контроль государства за соблюдением нравов в российском обществе, который предполагает введение цензуры, определённый алгоритм действий правящей власти по борьбе с *западничеством – тяжѣлая болезнь русского самосознания*, проникшего во все поры социального организма российского общества в приснопамятную эпоху архитекторов и прорабов «Перестройки» – драматическую эпоху Горбачѣва – Ельцина (лихие 90-е). Сегодня все, кому дорога Россия считают, что в борьбе за соблюдением нравов необходима «зачистка» российского информационного пространства, и это:

16.1. Запретить в нашей стране пропаганду радикального феминистского движения *«чайлдфри»* – отказ женщин от деторождения;

16.2. **Борьба с абортами (детоубийство)**;

16.3. **Борьба с незаконной миграцией**. Напомним, что по мнению Валерия Фадеева (Председатель Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и «правам человека»), в России сегодня обосновались 20 млн плохо говорящих по-русски, незнающих историю России и презирающих русскую культуру пассионарных мигрантов, которые в умелых руках западных спецслужб и провокаторов могут стать в нашей стране горячим материалом для новых «цветных» революций по сценарию Джима Шарпа, Дж. Сороса и Билла Гейтса;

16.4. **Контроль за вредоносным контентом** – ВК в соцсетях откровенно и открыто пропагандирующих западные ценности, разрушительные для российского общества. Этим сегодня намеренно «грешат» социальные сети «В Контакте», «Телеграмм», YouTube, Google, Facebook и т.д.

Именно по их инициативе к нашим детям попадает деструктивный, антигосударственный контент из Интернета, содержащий пропаганду ЛГБТ, суицида, стремление детей выйти из-под опеки родителей, порнографию, наркоторговлю, экстремизм, нагнетание социального пессимизма и нигилизма, тотального недовольства, этнический национализм, русофобию, богоборчество, «безопасный секс» как неотъемлемую часть современного образа жизни и т.п. Этот «девяятый вал» западной чернухи необходимо срочно остановить, иначе нам не сохранить российское государство;

16.5. **Вернуть в российскую школу классическую русскую литературу, советскую патристическую литературу**, а в российскую семью, вернуть русские народные сказки (детская литература). Именно в этой великой литературе «зашит» цивилизационный код русского общества;

16.6. **Принять на законодательном уровне закон «О наказании школьных хулиганов**, которые намеренно осуществляют психологическое и физическое насилие других учащихся (*буллинг*). Может быть, этот закон остановит этих детей-социопатов буквально терроризировавших нашу общеобразовательную школу. И давно пора министерству просвещения РФ (Министр Сергей Кравцов) ввести в практику жизни нашей школы оценку по поведению учащихся, что, несомненно, оздоровит атмосферу в школе, повысит качество школьного урока и уровень знаний, учащихся;

16.7. **Борьба с неоязычеством (многобожие)**, опирающегося идеологически на так называемую «Велесову книгу», однако, специалистами уже доказано, что эта книга хитроумная и злобная подделка – фейк, сочинѣнная русофобами и богоборцами в Польше и взятая на вооружение американскими психологами, работающими с нами в сфере социальной инженерии и только с одной целью – разрушить Православие, уничтожить наш цивилизационный культурный код, чтобы потом взять нас голыми руками. Недавно, наши спецслужбы обнаружили, что за неоязычеством в России стоит Дж. Сорос – идеолог глобализма и агент ЦРУ. Ещё Адольф Гитлер говорил, что нацизм – это не политика, а религия. Наше государство, правящая элита страны, РПЦ должны более серьёзно подойти к проблеме активной пропаганды неоязычества (многобожия) в России, осуществляемой сегодня людьми, которые многие годы жили и учились в США. И ещё, именно Фонд Сороса и организация USAID – Агентство США по международному развитию (штаб – квартира в Вашингтоне) финансируют многомиллионными траншами активистов неоязычества (многобожие) в нашей стране (пятая колонна).

Для справки: USAID – высший федеральный орган государственного управления США в области оказания «помощи» за рубежом. Причѣм, что очень важно, администратор Агентства и его

заместитель назначаются Президентом США с согласия Сената и действуют в координации с государственным секретарём США. Ни много, ни мало;

16.8. **Борьба с чиновниками из ювенальной юстиции**, которые, не ставя российское общество в известность о том, какой **«дивный новый мир» «экобиотехнофашизма»** для него они готовят, наспигивали наше российское законодательство западными нормами, которые закладывают основу для разрушения семьи под соусом защиты детских прав. Весь этот чиновничий маразм сторонников ювенальной юстиции направлен на принятие законопроектов, существенно облегчающих процедуру изъятия детей из родной семьи под разными предлогами – бедность, нищета, плохие жилищные условия. Православный священник **Максим Обухов**, руководитель известного на всю Россию медико-просветительского центра **«Жизнь»** считает, что **ювенальное изъятие детей ближе всего к фашизму**. Но гитлеровцы, как справедливо он отмечает, отбирали детей не у своего народа, а у тех, кого пытались завоевать. У врагов. Обер-предатели из российской ювенальной юстиции пошли ещё дальше, намеренно разрушая российские семьи. И настала пора их остановить!

16.9. **Борьба с кибермошенниками** с использованием искусственного интеллекта. Ежедневно, с вражеских колл-центров Украины (числом около 1000-и), в адрес доверчивых россиян, поступает 20 млн телефонных звонков с целью выманить личные сбережения у россиян. По статистике, в 2023 году кибермошенники украли у россиян 16 млрд руб.! А всего у российских граждан кибермошенниками изъято финансовых средств на общую сумму 158 млрд рублей! Последняя жертва – знаменитая российская певица Лариса Долина, лишившаяся в одночасье 180 млн рублей, в результате изощрённой психологической обработки. А началось всё с телефонного звонка. Считаем, что в данной ситуации прямая обязанность государства защитить своих граждан от этой напасти, иначе ни о каком здоровье россиян и речи быть не может;

16.10. **Борьба за чистоту русского языка, который сегодня засорён англицизмами (языковое чужебесие)**. Всё это – следствие нашего униженного многолетнего пресмыкательства перед Западом (низкопоклонства). А между тем, ещё Адольф Гитлер говорил, что русские перестанут быть русскими, если забудут русский язык. Поэтому, никогда не будем забывать проникновенные слова о русском языке И.С. Тургенева: «Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык – это клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками! Обращайтесь почтительно с этим могущественным орудием; в руках умелых оно в состоянии совершать чудеса». **«Традиция – это передача Огня, а не поклонение пеплу» (Г. Малер)**. Напомним неискушённому читателю, что Россия –

это государство – цивилизация со своей системой духовно-нравственных координат, со своим мировоззрением, со своей системой жизненных ценностей, коренным образом отличающейся от ценностей враждебной нам западноевропейской Цивилизации, в центре бытия которой падший человек, отменивший понятие Греха и Нравственность. А у нас, в центре Бытия наш Бог – Иисус Христос! Напомним, что русский язык – это язык Гавриила Державина, М.В. Ломоносова, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Ф.И. Тютчева, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, Юрия Бондарева, А.С. Грибоедова, Юрия Нагибина, М.А. Булгакова, М.А. Шолохова и др.;

16.11. **Ревизия (проверка) детской литературы на полках книжных магазинов России** на предмет наличия в текстах этих книг чуждых нашей евразийской цивилизации либеральных смыслов и враждебной англосаксонской идеологии. В 2022–2023 гг. группой экспертов под руководством председателя Совета по детской литературе России Николая Вячеславовича Нилова были проанализированы и классифицированы 930 книг из детской литературы, стоявших на полках в наших книжных магазинах и вот, что выяснилось: 60 % этой «литературы» содержит **«деструктивные»** темы, а именно: предать, это вовремя предвидеть, предавайте, чтобы самосохраниться, живите в своё удовольствие и ни с кем не объединяйтесь. Далее, человек – это вредное животное, вокруг вас не совсем люди, это скорее животные, вокруг вас не совсем люди, это скорее зверюшки и, чем на земле их будет меньше, тем лучше. Мальчику, по мнению авторов этой «литературы», – не надо быть смелым, не надо защищать родину, не надо быть героем, а вот девочка должна быть смелой без тормозов (а точнее, расхристанной) и не надо никакой семьи. Это совсем лишнее и хлопотно, **живите лучше для себя**. Мальчику, в случае опасности, надо научиться приспосабливаться, т.е. мимикрировать. И не переживайте, если ваше асоциальное поведение имеет отклонение от нравственной нормы, ибо **отклонение от нормы – это и есть новая нормальность**. И ещё, живите дорогие дети, не задумываясь о будущем, ибо сделайте себе только хуже. То есть, все эти смыслы, заложенные в современной детской литературе, написанной под диктовку Сороса и ЦРУЮ явно противоречат нашим традиционным жизненным ценностям. Наши хитроумные геополитические враги (англосаксы), через детскую литературу пытаются сегодня перекодировать сознание наших детей, начиная с детского сада. Глобалисты исподволь готовят из наших детей будущих врагов и разрушителей России. И это чревато.

В итоге, после действия на территории России либеральной идеологии (в течение 30-ти лет), при соцопросе российской студенческой молодёжи, который недавно проводил русский писатель Захар Прилепин выяснилось следующее: СВО России на Украине поддерживают только

44 % российских студентов, а 38 % студентов – против! Что касается российской науки, то здесь ситуация и того хуже – только 8 % российских учёных поддерживают СВО! А 1,2 млн чел. российской молодёжи – при объявлении Президентом РФ СВО на Украине, в феврале 2022 г. сразу рванули *«ничтоже сумняшеся»*, за рубеж, – в Казахстан, Армению, Грузию, чтобы только не защищать собственную страну!

Заметим, что все предложенные нами меры в борьбе за соблюдение нравов в российском обществе, отвечающих нашим цивилизационным ценностям, должны носить комплексный характер, иначе мы эту серьёзную, архиважную для будущего России проблему, не сдвинем с мёртвой точки и тогда нас всех ждёт, трагическая судьба Римской цивилизации, погибшей от падения нравственности в 476 году н.э., ибо, *«когда варвары пришли к стенам Рима, его душа была мертва»* (Г. Лебон). И здесь, по поводу нравов и их роли в сохранении стабильности российского общества, уместно вспомнить знаковое высказывание российского историка **Н.М. Карамзина**: *«Лучшие и прочнейшее изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений»*.

Чтобы самосохраниться в 21-м веке, государство должно ревностно следить за соблюдением нравов и традиций в обществе, помятуя об грозных уроках истории Древнего Рима. Поэтому любые нападки представителей других этносов на русскую нацию, русский язык, Православие на наши традиционные жизненные ценности должны тут же жёстко пресекаться нашим государством. В противном случае, невнимание к проблеме нравственности, угрожает существованию российской национальной общности. Правящая элита страны должна это ясно для себя осознать.

Результаты.

Многие угрозы – вызовы (факторы), влияющие на воспитание и здоровье россиян в эпоху глобализации, правящая элита страны – во главе с Президентом РФ В.В. Путиным – сегодня чётко видит и осознаёт. Подтверждением тому являются последние Указы президента и постановления правительства РФ в 2023–2024 гг. по незаконной миграции, коррупции, борьбе с этнической преступностью, в сфере экономики, экологии, нравственности, в сохранении культурного и технологического суверенитета страны и, конечно, в кадровой и демографической политике.

Показательно, что финансово-экономические институты поставили Россию на первое место в Европе по объёму экономики, по паритету покупательной способности (ППС) и на четвёртое место в мире. Хотя инфляция в России составляет 9,2–9,3 процента, зарплаты в реальном выражении за минусом инфляции выросли на 9 процентов [9].

Так что, всё хорошо и ничего не надо менять? В том то и дело, что менять надо и прежде всего нам в России жизненно необходима идеология, но не лишь бы какая идеология, а антилиберальная, антикапиталистическая. Ведь, традиционно, русская консервативная, монархическая, религиозная или евразийская философии были основаны на категорическом отвержении капитализма и либерализма [10]. Сегодня мещанская Европа, перманентно беременная фашизмом, сдвигается вправо, в то время как Россия делает выбор в пользу консерватизма, о котором ещё **Н.А. Бердяев** сказал: «Смысл консерватизма не в том, что он препятствует движению вперёд и вверх, а в том, что он препятствует движению назад и вниз, к хаотической тьме, возврату к состоянию, предшествующему образованию государств и культур. Смысл консерватизма – в препятствиях, которые он ставит перед проявлением зверино-хаотической стихии в человеческих обществах, которая может опрокинуть нас в Тёмные века».

Необходимо признать, что у нас сегодня существуют серьёзные проблемы с образованием и патриотическим воспитанием российской молодёжи с точки зрения, заявленного ещё 12 лет назад В.В. Путиным цивилизационного подхода (стратегическое планирование).

Сегодня налицо игнорирование российской системой образования концепта *Россия – государство – цивилизация*, предложенного президентом. Причины такого игнорирования разные:

- 1) это неумение работать с методологией цивилизационного подхода;
- 2) бюрократическая инертность;
- 3) саботирование со стороны идейных противников в сферах науки и образования.

«Глубинное государство» относится, очевидно, не только к реалиям Соединённых Штатов Америки [11]. Следует констатировать, что отрицательный отбор за долгие годы позднесоветского кризиса науки и образования, периода безденежья 1990-х годов и последующих неолиберальных реформ создал систему, которая не способна сама себя исправить или скорректировать. Система науки и образования продолжает меняться в худшую сторону под влиянием спонтанной активности академической и научно-образовательной либеральной министерской бюрократии, не способной к самореформированию. А между тем, образование и наука существуют в России для обеспечения общественного развития [12].

Что касается российской экономики, то в настоящее время проводимая государством политика полной открытости валютно-финансового рынка, рефинансирования спекулятивных валютных операций Банком России, завышенных

процентных ставок и свободного плавления курса рубля, по мнению экономиста, академика Сергея Глазьева, – ставит российскую экономику в полную зависимость от интересов международных, главным образом американских спекулянтов. В условиях, ведущейся США против России цивилизационной войны (в том числе, финансовой войны), обрекает российскую экономику на тяжёлые потери и гарантированное поражение. Она ежегодно теряет около 150 млрд долл. На вывозе капитала, ещё больше – на разорении и деградации производственной сферы, доходы которые утекают на финансовый рынок. Платить за пиршество обогащающихся на дестабилизации макроэкономической ситуации спекулянтов приходится населению страны, обесцениванием зарплат, сбережений и имущества. Это влечёт падение уровня жизни подавляющегося большинства населения, усугубляет и без того запредельное социальное неравенство [13].

Достижения наши в области отечественного здравоохранения, сохранения и укрепления здоровья граждан РФ сегодня более чем скромные. По данным органов федеральной статистики, уровень заболеваемости населения России очень высокий. Общее количество официально зарегистрированных заболеваний превышает общее население РФ в 1,6 раза [14]. По официальным данным, в 2014 году этот показатель составил 235 млн человек; то есть, в среднем, каждый гражданин нашей страны имеет как минимум какое-то одно заболевание. Среди наиболее распространённых заболеваний граждан нашей страны лидируют: болезни органов дыхания (23,8 %), системы кровообращения (14,5 %), болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани (8,4 %), заболевания органов пищеварения или мочеполовой системы (14,7 %).

В России очень высока смертность граждан, находящихся в трудоспособном возрасте. Так, в 2014 г. в трудоспособном возрасте скончался каждый сотый мужчина. Всего за год население трудоспособного возраста сократилось на 477 тыс. человек, из них 380 тысяч – мужчин [15]. Эксперты отмечают, что в целом в России 60 % обучающихся имеют нарушения здоровья [16]. По данным Минздравсоцразвития России, только 14 % обучающихся старших классов считаются практически здоровыми. Причём каждый пятый российский подросток старше 15 лет курит. Свыше 40 % допризывной молодёжи не соответствуют требованиям, предъявляемым армейской службой, в том числе в части выполнения минимальных нормативов физической подготовки [17]. По данным Минздрава РФ – после бездумного проведенной оптимизации – в российском здравоохранении на сегодня не хватает 25 тыс. врачей и 130 тыс. медсестёр, увеличилась заболеваемость населения, не хватает специалистов и лекарств. Однако при этом расходы на здравоохранение в России и сегодня более чем скромные – 3,8 % ВВП. Это 165 место в мире, между Габоном и Анголой. **Для сравнения** – в США

расходы на медицину – 17,1 % ВВП, во Франции – 11,5 %, в Германии – 11 % ВВП. Учитывая разницу в ВВП на душу населения, получаем, что расходы на отечественную медицину на одного человека у нас в 15–30 раз меньше, чем в развитых странах Запада. Немудрено, что по продолжительности жизни наша страна занимает 103-е место в мире из 183 стран [18]. Такова цена «болезни европейничанья», русофобии и богоборчества (низкопоклонство), которыми и до сих пор одержима часть нашей либеральной элиты, осевшей в социальной сфере. Конечно, те, кто пришёл в 1990-е гг. к власти, не подлинная элита, это именно волки в овечьей шкуре, смесь из коррумпированного чиновничества, коррумпированных спецслужб и бандитов.

Самое главное для нас, что Россия – это всё-таки государство failed state в силу политики полумер и полутонов. Да, налицо наличие суверенитета. Однако половинчатость принимаемых властью решений создаёт сегодня огромные проблемы в стране [19]. Спасибо В.В. Путину, что он спас страну, сохранил Россию от полного развала, но с ней тоже есть фундаментальные проблемы. В первую очередь, это коррупция, олигархат, вседозволенность правящей либеральной элиты, которая сама по себе никакого отношения к русской идентичности не имеет: она не верит в наши цивилизационные ценности, не верит в Россию, не предлагает людям внятного пути развития. Но это не причина, а следствие того, что у Президента как у высшей инстанции нет образа будущего. Для того, чтобы построить единое государство, нам необходимо сказать гражданам России, кто такие мы и куда мы идём? Путин склоняется к последовательной, внятной евразийской геополитической модели, но его свита по большей части невменяема [20], она продолжает играть смыслами, превращая их в посмешище, в бессмысленность, которая сегодня является главной стратегией либеральной элиты [20]. Наверху слова произносятся как бы правильные, однако, люди, сталкиваясь с этой бессмысленностью в реальной жизни, понимают, что где-то наверху непрерывно истребляют смыслы – торжествует лицемерие и двоемыслие. И это опасно, ибо вызывает социальное напряжение в российском обществе. **Уязвимое место нынешнего политического режима – это справедливость.** Это непонимание того, что есть подлинное, а что есть фиктивное. Эта симуляция и патриотизма, и либерализма – и она исчерпала свой срок.

Главное противоречие дня, которое сегодня мешает нам в России встать на путь устойчивого развития, отвечающий чаяниям большинства граждан РФ, **это противоречие между внешней политикой нашего государства и политикой внутренней.** Во внешней (евразийской) политике руководство страны возвращается на путь независимости (суверенитета), а вот в политике внутренней продолжает доминировать неолиберальный социально-экономический курс (двоемыслие), обслуживающий интересы транс-

национального капитала и российской компрадорской олигархии. Если эти улыбочивые «люди» с сожжённой совестью возьмут верх в нашей стране, то даже такая Россия, как сейчас, будет глобалистами уничтожена и это уже будет навсегда! Чтобы этого не произошло нам необходимо вернуться к историческому сознанию, что требует много сил, мыслей, бодрости, понимания цели, построения будущего, осмысления прошлого – всё это очень энергоёмкие вещи. А мы устали за бурный XX век, принёсший советскому народу невероятные страдания, лишения, разочарования, гибель городов, деревень, утрату культурных ценностей и миллионные людские потери. Власть и российское общество пытаются отложить принятие решений, но мы ощутимо подходим к критической черте нашей русской истории, где подобное состояние длится больше не может. Спасение здесь мы видим в одном – должна быть продолжена, начатая Президентом РФ В.В. Путиным, трансформация государственной правящей элиты в русскую контрэлику. Термин «контрэлита», введённый социологом **Вильфредо Парето**, относится к такой разновидности элиты, которая по каким-либо обстоятельствам не допущена до власти или не согласна с этой властью. Требуется (и это уже очевидно) замена либеральной компрадорской элиты ельцинского призыва на русскую контрэлику в социальной сфере. Это называется кадровой революцией. Стоит лишь убрать либералов из власти и тогда реально появится возможность построить общество социальной справедливости, устранить социальную и имущественную поляризацию общества, а возрождённая могучая Россия вновь станет «страной мечтателей, страной учёных» и героев.

Заключение.

Важным фактором улучшения состояния здоровья российского общества и, отдельно, каждого россиянина является политика государства по сбережению русского народа. А для этого необходимо провести деурбанизацию в нашей стране. То есть, из мегаполисов – многомиллионников надо расселить население страны в одно-двухэтажные дома по всей территории России. Каждая российская семья, желающая построить или приобрести собственный дом, должна иметь беспрепятственный доступ к финансовым ресурсам в виде долгосрочного дешёвого кредита в размере от 3 до 9-ти млн рублей на срок от 10 до 25 лет, полученный под минимальный процент – 2 до 4 %. Причём, размер кредита и срок на который он предоставляется, и процентная ставка должны дифференцироваться в зависимости от региона. Эта мера, по мнению специалистов, несомненно должна положительно повлиять на демографическую обстановку в Российской Федерации в ближайшие годы. Семья как основа демографии.

Очень важно для здоровья российских детей и подростков наличие в российских регионах в шаговой доступности, современной

качественной спортивной инфраструктуры (в соответствии с социальными нормами и нормативами), а также строительство и модернизация спортивных сооружений в рамках проекта: «Спорт – норма жизни» и, это: стадионы, плавательные бассейны, спортзалы, физкультурно-оздоровительные комплексы – ФОК(и), тренажёрные залы, футбольные поля, хоккейные площадки, легкоатлетические манежи, плоскостные спортивные сооружения при школах, в парках и в санаториях; крытые спортивные объекты с искусственным льдом, **наличие специализированных Центров в регионах по видам спорта**: спортивная и художественная гимнастика, тяжёлая атлетика, плавание, греко-римская борьба, лёгкая атлетика, биатлон, игровые виды спорта (б/б, в/б, гандбол), фигурное катание, большой теннис, спортивная гребля, велоспорт, конные виды спорта, пятиборье. Спортивные базы в Среднегорье и Высокогорье на территории России.

Фактором, влияющим на укрепление здоровья российской молодёжи, является организация и проведение качественного урока физвоспитания в школе и в вузах, что означает индивидуальный подход к учащимся и студентам со стороны преподавателя физвоспитания при проведении занятий, перманентный мониторинг состояния, здоровья детей и подростков врачом-педиатром – в течение года, а также физкультурное образование учащихся.

В российском обществе, в семье надо формировать настоящий «культ здоровья». С целью медико-биологического сопровождения спорта, в России необходимо открыть Национальный **Центр спорта**, который будет работать вместе с Российской академией наук и Федеральным медико-биологическим агентством. Во всех областях Российской Федерации необходимо создать, по примеру Челябинской области, **Фонд поддержки спорта**. Его деятельность позволит снизить зависимость отрасли «физическая культура и спорт» от бюджетных источников финансирования, оптимизировать расходы и повысить эффективность спортивной работы на региональном уровне. Для достижения целей Стратегии развития физкультуры и спорта до 2030 года необходимо законодательно определить регулирование приоритетных направлений развития в стране видов спорта, в первую очередь с точки зрения укрепления здоровья наших детей, молодёжи и граждан трудоспособного возраста, а также, с точки зрения его массовости и доступности. И это, конечно, королева спорта – лёгкая атлетика, гимнастика, конькобежный спорт, лыжные гонки – около 50-ти видов спорта. В рамках Комплексной программы Госкомспорта (базовый документ, определяющий развитие физкультуры и спорта в стране на ближайшие годы) и **Стратегии развития физкультуры и спорта до 2030 года**, необходимо увеличить консолидированные расходы на спорт с 670 млрд рублей в 2022 году и 844 млрд рублей в 2023 году до 1 триллиона рублей в 2025 году. Их эффектив-

ное администрирование (это ещё без корпоративных денег подсчитано) будет залогом кардинального повышения эффективности работы отрасли «физическая культура и спорт».

Для определения качества здоровья граждан РФ мы предлагаем следующие показатели: количество успешно сдавших нормативы физической подготовленности комплекса ГТО и прошедших плановую диспансеризацию. Напомним, что тем, кто успешно сдаёт тесты ГТО регулярно (ежегодно) проверяет своё здоровье, положен налоговый вычет.

Необходимо разработать поправку в Концепцию развития детско-юношеского спорта в России до 2030 года. Цель изменений – повысить доступность занятий физической культурой и спортом, в первую очередь, для детей, исключить взимание взносов за участие в соревнованиях. По мнению Президента РФ В.В. Путина, в отношении детей из малообеспеченных и многодетных семей **никаких так называемых взносов быть не должно и не может быть**. Особенно, когда речь идет о выполнении нормативов, разрядов. Если соревнования идут в рамках единого календарного плана [Минспорта РФ], где спортсмены, прежде всего, молодые, выполняют спортивные разряды, здесь не должно быть никаких сборов и поборов, здесь всё должно быть бесплатно и обеспечено государством. Нам надо уходить от избыточной коммерциализации массового спорта, – считает Президент РФ В.В. Путин. Например, в Белоруссии все дети тренируются бесплатно. С целью улучшения социальной атмосферы в российском обществе, в стране необходимо осуществить реформу государственной – ротацию российской элиты ельцинского призыва на приход во власть молодой, пассионарной, патриотичной, ответственной, русской Национальной элиты, заботящейся о своём народе исповедующей наши традиционные цивилизационные ценности, а именно: миротворчество, вместо мессианства, жертвенность, вместо исключительности – сочувствие, Я для мира (а не мир для меня), польза (вместо выгоды), поиск смысла, общинность (вместо гипериндивидуализма), идеальное намерение (вместо доминирования) и разумная достаточность – вместо обогащения. Серьёзным фактором, способным положительно повлиять на здоровье российской молодёжи, является личность самого преподавателя физвоспитания и детского тренера – их образованность, профессионализм, любовь к детям. Однако, по нашему глубокому убеждению, не может нищий преподаватель-тренер воспитать гармоничную личность. Поэтому необходимо срочно в 2–3 раза увеличить зарплату детского тренера и преподавателя физического воспитания. Античные греки это понимали, а мы, что хуже? У нового Министра спорта РФ Михаила Владимировича Дегтярёва такое понимание есть. И это залог наших будущих успехов.

Фактор, влияющий на индивидуальное и социальное здоровье – это изменения (меры) государства в макроэкономической политике с акцентом на социальную справедливость, что подразумевает структурные реформы в отечественной экономике, где по рецептам экономиста Сергея Глазьева, должен во всю мощь заработать механизм на основе «двух систем хозяйствования», сочетающих в себе стратегическое планирование и рыночную самоорганизацию – частногосударственное партнёрство (**лево-консервативная повестка дня**). Противостояние с Западом это – не на один год, а на весь 21 век. Поэтому из нашей молодёжи мы должны готовить патриотов с психологией победителя, способных защитить Родину от наших врагов, как с Юга или Востока, так и с Запада. А для этого необходимо в российской системе образования отказаться от порочной идеологии либерализма, сменив её на методологию цивилизационного подхода в образовании – в соответствии с Указом Президента РФ от 08.05.2024 г. № 314 «Об утверждении основ государственной политики РФ в области исторического просвещения». Во исполнение Указа Президента РФ № 314 необходимо с государственных и патриотических позиций тщательно проанализировать содержание школьных учебников по русской литературе (по Соросу и академику А. Леонтьеву) и внести соответствующие коррективы в наши школьные программы, а также и в вузовские, особенно в российских гуманитарных институтах, с целью изъятия из этих программ наработок англосаксонских теоретиков – глобалистов и, наконец, отказаться от либеральной парадигмы в отечественном образовании. Кроме того, с целью сохранения исторической памяти в российские технические вузы необходимо вернуть изучение обществоведческих курсов. Физическая культура оказывает положительное влияние на продолжительность здоровой и активной жизни, на воспитание в подрастающих поколениях чувства патриотизма, социальной ответственности, на улучшение качества жизни российской молодёжи, на экономический рост и другие факторы. Мы обязаны поддерживать тех, кто уже выбрал спорт. И конечно, важны и правильное воспитание на фундаменте культуры православия, и методически грамотная отечественная, профессиональная работа тренеров и наставников, чтобы регулярные спортивные нагрузки (индивидуальный подход), ответственное отношение к своему здоровью стали для подрастающих поколений россиян действительно нормой жизни. **Здоровье детей, молодёжи – это будущее России.** И здесь физическая культура, и спорт являются мощным инструментом формирования и воспитания гармоничной, социально ответственной личности – гражданина, но при условии активной вовлечённости в этот процесс семьи, школы, вузов, РПЦ, армии, кинематографа, СМИ, соцсетей и всего российского общества. Если озвученные нами в этих методических, авторских материалах факторы, влияющие на здоровье молодёжи, будут учтены правящей элитой

страны и местными органами власти на законодательном уровне, то 70 процентов граждан РФ действительно будут систематически заниматься физической культурой и спортом. И здесь необходимо отметить, что все проблемы организационного, социально-экономического, научного, финансового и правового характера по сохране-

нию и укреплению индивидуального и социального здоровья должны решаться правящей элитой страны вкупе (синергично) и комплексно. Именно такую масштабную задачу – 70 % систематически занимающихся физической культурой поставил перед работниками отрасли Президент РФ В.В. Путин. Так и будет.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Дугин А.Г. Антикапитализм справа. Пути к суверенной мысли. Беседы с Д.В. Роде. М. : Книжный мир, 2023. С. 221.
2. Мелёшин Д. Как сломать хребет западной деструктивной пропаганде? // Изборский клуб. 2022. № 10(108). С. 80.
3. Вызов глобальной антисистемы / Под ред. В.В. Аверьянова. М. : Изд. «Наше Завтра», 2022. С. 181.
4. Гапоненко А.В. Как нам обустроить русскую нацию? / А.В. Гапоненко, М.Ю. Родин М. : Книжный мир, 2024. С. 938.
5. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М., 1991. С. 225.
6. Шовкун В.А. Основы формирования здорового образа жизни у детей : монография. Ростов-н/Д. : Изд-во РостГМУ, 2023. С. 22.
7. Голберг Элхонон. Парадокс мудрости. Научное опровержение старческого слабоумия / Голберг Элхонон; Пер. с англ. Л. Афанасьевой. М. : Поколение, 2007. С. 206–207.
8. Основы социологии. Постановочные материалы учебного курса. М. : Концептуал, 2021. Т. V. С. 376.
9. Интервью берёт Россия (диалог Президента РФ В.В. Путина с россиянами) // Российская газета. 20.12.2024. № 289(9591). С. 1–3.
10. Дугин А.Г. Антикапитализм справа. Пути к суверенной мысли. Беседы с Д.В. Роде. М. : Книжный мир, 2023. С. 206.
11. Багдасарян Вардан. Мы – цивилизация // Газета «Завтра». 2024. № 47(1610). С. 1–3.
12. Колташов В. Академическая наука как проблема / В. Колташов, А. Коряковцев // Изборский клуб. 2024. № 6(124). С. 105.
13. Глазьев С. Экономика будущего. Есть ли у России шанс? («Коллекция Изборского клуба»). М. : Книжный мир, 2016. С. 623–624.
14. Созин А.В. Массовый спорт как фактор социально-экономической безопасности РФ и повышения эффективности человеческих ресурсов России. М. : ЛЕНАНД, 2018. С. 28.
15. Созин А.В. Массовый спорт как фактор социально-экономической безопасности РФ и повышения эффективности человеческих ресурсов России. М. : ЛЕНАНД, 2018. С. 29.
16. Созин А.В. Массовый спорт как фактор социально-экономической безопасности РФ и повышения эффективности человеческих ресурсов России. М. : ЛЕНАНД, 2018. С. 81.
17. Любецкий Н.П. Проблемы педагогического воспитания (образования) российской молодёжи / Н.П. Любецкий, Т.П. Верина, С.И. Самыгин // Наука. Образование. Современность. 2024. № 2. С. 146.
18. Малинецкий Г. Размышления о демографии // Изборский клуб. 2023. № 5(113). С. 52.
19. Дугин А.Г. Антикапитализм справа. Пути к суверенной мысли. Беседы с Д.В. Роде. М. : Книжный мир, 2023, С. 166.
20. Дугин А.Г. Антикапитализм справа. Пути к суверенной мысли. Беседы с Д.В. Роде. М. : Книжный мир, 2023. С. 218.

References:

1. Dugin A.G. Anti-capitalism on the right. Paths to sovereign thought. Conversations with D.V. Rode. M. : Knizhny Mir, 2023. P. 221.
2. Meleshin D. How to break the back of Western destructive propaganda? // Izborsk club. 2022. № 10(108). P. 80.
3. The challenge of the global antisystem / Edited by V.V. Averyanov. M. : Our Tomorrow Publishing House, 2022. P. 181.
4. Gaponenko A.V. How can we equip the Russian nation? / A.V. Gaponenko, M.Y. Rodin. M. : Knizhny Mir Publ., 2024. P. 938.

5. Lossky N.O. Conditions of absolute goodness. M., 1991. P. 225.
6. Shovkun V.A. Fundamentals of healthy lifestyle formation in children: monograph. Rostov-on/D. : Publishing House of RostSMU, 2023. P. 22.
7. Golberg Elkhonon. The paradox of wisdom. Scientific refutation of senile dementia / Golberg Elkhonon; Translated from English by L.Afanasyeva. M. : Generation, 2007. P. 206–207.
8. Fundamentals of sociology. Production materials of the training course. M. : Conceptual, 2021. Vol. V. P. 376.
9. Russia is interviewed (dialogue between Russian President Vladimir Putin and Russians) // Rossiyskaya gazeta. 20.12.2024. № 289(9591). P. 1–3.
10. Dugin A.G. Anti-capitalism on the right. Paths to sovereign thought. Conversations with D.V.Rode. M. : Knizhny Mir, 2023. P. 206.
11. Bagdasaryan Vardan. We are a civilization // The newspaper «Tomorrow». 2024. № 47(1610). P. 1–3.
12. Koltashov V., Koryakovtsev A.. Academic science as a problem // Izborsk Club. 2024. № 6(124). P. 105.
13. Glazyev S. The economy of the future. Does Russia have a chance? («Collection of the Izborsk Club»). M. : Knizhny Mir, 2016. P. 623–624.
14. Sozin A.V. Mass sports as a factor of socio-economic security of the Russian Federation and increasing the efficiency of Russia's human resources. M. : LENAND, 2018. P. 28.
15. Sozin A.V. Mass sports as a factor of socio-economic security of the Russian Federation and increasing the efficiency of Russia's human resources. M. : LENAND, 2018. P. 29.
16. Sozin A.V. Mass sports as a factor of socio-economic security of the Russian Federation and increasing the efficiency of Russia's human resources. M. : LENAND, 2018. P. 81.
17. Lyubetsky N.P. Problems of pedagogical education of Russian youth / N.P. Lyubetsky, T.P. Verina, S.I. Samygin // Science. Education. Modernity. 2024. № 2. P. 146.
18. Malinetsky G. Reflections on demography // Izborsk Club. 2023. № 5(113). P. 52.
19. Dugin A.G. Anti-capitalism on the right. Paths to sovereign thought. Conversations with D.V.Rode. M. : Knizhny Mir, 2023. P. 166.
20. Dugin A.G. Anti-capitalism on the right. Paths to sovereign thought. Conversations with D.V.Rode. M. : Knizhny Mir Publ., 2023. P. 218.

Информация об авторах

Любецкий Николай Петрович

кандидат социологических наук,
доцент, доцент кафедры теории
и практики физической культуры и спорта,
Донской государственный технический университет
lyubeckiyn@mail.ru

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук,
профессор кафедры финансового
и HR-менеджмента,
Ростовский государственный
экономический университет
samygin78_@yandex.ru

Агафонов Сергей Валерьевич

кандидат педагогических наук,
доцент, доцент кафедры теории
и практики физической культуры и спорта,
Донской государственный технический университет
79508572757@mail.ru

Демьянова Людмила Михайловна

кандидат медицинских наук,
доцент,
заведующая кафедрой физической культуры
и спортивно-оздоровительных технологий,
Донской государственный технический университет
lyudmila-d2@yandex.ru

Nikolay P. Lyubetsky

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Theory and Practice of Physical Culture and Sports,
Don State Technical University
lyubeckiyn@mail.ru

Sergey I. Samygin

Doctor of Sociology,
Professor of the Department
of Financial and HR Management,
Rostov State University of Economics
samygin78_@yandex.ru

Sergey V. Agafonov

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Theory and Practice of Physical Culture and Sports,
Don State Technical University
79508572757@mail.ru

Lyudmila M. Demyanova

Candidate of Medical Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department
of Physical Culture and Sports
and Wellness Technologies,
Don State Technical University
lyudmila-d2@yandex.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 15.01.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 02.03.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.03.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2025-1-12>

УДК 371.2, 37.01, 340.154

Attribution

cc by

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХ ШКОЛ И ШКОЛ ГРАМОТЫ ЧЕРКАССКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ДОНСКОГО ЕПАРХИАЛЬНОГО УЧИЛИЩНОГО СОВЕТА В КОНЦЕ XIX В.

Лядов В.В.¹, Петренко А.В.², Самыгин С.И.³

¹Лицей классического элитарного образования,

²Ростовский государственный медицинский университет,

³Ростовский государственный экономический университет

Аннотация. В статье рассматриваются основные нормативные правовые акты, которые регламентировали деятельность церковно-приходских школ и школ грамоты России в конце XIX – начале XX веков. Важнейшую роль в формировании этих школ сыграли «Правила о церковно-приходских школах» 1884 г. Они устанавливали иерархичное управление их деятельностью. На нижнем уровне управление деятельностью школ осуществлялось епархиальными учительскими советами. На основе архивных материалов Государственного архива Ростовской области раскрывается практика реализации некоторых административно-управленческих отношений в церковно-приходских школах Черкасского округа Всевеликого Войска Донского. Отмечается, что разрешение некоторых вопросов организационно-административного характера было затруднено из-за объективных причин – наводнений, эпидемий и т.п., а также ввиду нехватки денежных средств.

Ключевые слова: епархиальный училищный совет, народное образование, Русская Православная Церковь, церковно-приходская школа, школа грамоты, управление образованием, Черкасское отделение Донского епархиального училищного совета.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

SOME PROBLEMS OF THE ORGANIZATION OF EDUCATIONAL ACTIVITIES OF PAROCHIAL SCHOOLS AND LITERACY SCHOOLS OF THE CHERKASSY BRANCH OF THE DON DIOCESAN SCHOOL COUNCIL AT THE END OF THE XIX CENTURY

Vladimir V. Lyadov¹, Alexander V. Petrenko², Sergey I. Samygin³

¹Lyceum of Classical Elite Education,

²Rostov State Medical University,

³Rostov State University of Economics

Abstract. The article examines the main normative legal acts that regulated the activities of parochial schools and literacy schools in Russia in the late 19th – early 20th centuries. The most important role in the formation of these schools was played by the «Rules on parochial schools» of 1884. They established hierarchical management of their activities. At the lower level, management of schools was carried out by diocesan teachers' councils. Based on archival materials of the State Archives of the Rostov Region, the practice of implementing some administrative and managerial relations in parochial schools of the Cherkassy District of the Great Don Army is revealed. It is noted that the resolution of some organizational and administrative issues was difficult due to objective reasons – floods, epidemics, etc., as well as due to the lack of funds.

Keywords: diocesan school council, public education, Russian Orthodox Church, parochial school, literacy school, education administration, Cherkassy branch of the Donskoy diocesan school council.

Funding: Independent work.

Введение.

Епархиальные училищные советы в конце XIX – начале XX вв. являлись важным элементом системы управления церковно-приходскими школами, которые играли значительную роль в образовательной системе Российской империи. Их деятельность регулировалась обширным законодательством, направленным на организацию и контроль образовательного процесса, обеспечение финансирования и воспитания в духе православной веры.

В условиях второй половины XIX века одной из важнейших задач государства было распространение доступного начального образования среди всех слоев населения. Эта миссия ложилась не только на государственные структуры, но и на Церковь, которая выступала активным участником образовательного процесса. Приходское духовенство инициировало создание церковных школ, которые должны были обеспечить:

1. Распространение грамотности среди широких слоев населения.
2. Духовно-нравственное воспитание, основанное на православных традициях.
3. Укрепление религиозного мировоззрения как одного из инструментов сохранения общественного порядка.

Для достижения этих целей Церковь нуждалась не только в финансовых и кадровых ресурсах, но и в четкой системе управления образовательной деятельностью. На практике данная деятельность имела множество проблем, связанных как с материальным обеспечением учебного процесса, так и с его организацией в течение учебного года. Большая часть таких проблем имела объективный характер и была связана с природными и социально-экономическими условиями жизни общества Области Войска Донского.

Обсуждение.

Отправной точкой формирования системы церковного образования стало утверждение Александром III в 1884 году «Правил о церковно-приходских школах» [4, с. 70–73] – первого нормативного акта, регламентировавшего деятельность этих учреждений. Согласно «Правилам о церковно-приходских школах» 1884 года, высшее руководство церковными образовательными учреждениями было возложено на Святейший Синод. Основными функциями Синода в этой сфере являлись формирование стратегических направлений развития церковного образования, рассмотрение отчетов, ежегодно представляемых епархиальными архиереями, с целью анализа результатов образовательной деятельности, регламентация кадровой политики, включая установление требований к педагогам и законоучителям. Синод выполнял координационные функции между государственными органами и церковными структурами, обеспечивая реализа-

цию государственной образовательной политики через систему церковных школ.

Одним из важнейших элементов управления церковными школами стал епархиальный училищный совет – коллегиальный орган, созданный для решения задач, связанных с развитием церковного образования.

Епархиальный училищный совет формировался под руководством архиерея и включал в себя:

1. Представителей духовенства, назначаемых архиереем.
2. Светских лиц, обладающих «преданностью делу народного образования» и знакомых с духовными нуждами населения.
3. Директора народных училищ, который приглашался для участия в заседаниях с правом голоса [4, с. 78].

Такое многостороннее представительство обеспечивало разнообразие мнений и опыта, что способствовало эффективному решению проблем церковного образования.

В «Правилах» 1884 года указано, что «училищный совет рассматривает отчеты священников-наблюдателей и представляет епархиальному архиерею свои соображения о мерах, кои могут способствовать распространению в народе просвещения в духе православной церкви» [4, с. 78].

Таким образом, совет выполнял следующие задачи:

1. Обсуждение вопросов, связанных с организацией новых школ и улучшением существующих.
2. Разработка рекомендаций для архиерея по вопросам, связанным с распространением православного просвещения.
3. Контроль за качеством образовательного процесса и подготовкой педагогов.

В некоторых епархиях полномочия епархиального училищного совета могли быть переданы церковным братствам, которые активно занимались организацией образовательной деятельности. По сохранившимся архивным сведениям не удалось установить, существовал ли подобный опыт в Области Войска Донского.

К 1896 году накопленный опыт работы церковных школ позволил Синоду систематизировать и закрепить ключевые принципы их организации и управления. Итогом стало утверждение «Положения об управлении школами церковно-приходскими и грамоты ведомства Православного Исповедания». Вместе с Положением был утвержден штат училищного совета при Святейшем Синоде, который включал личный состав (председатель и его помощник, наблюдатель церковно-приходских школ и школ грамоты и два

помощника, девять постоянных членов, врач, архитектор), канцелярию (делопроизводители и его помощники, бухгалтер и его помощник) и статистический отдел (делопроизводитель и его помощник). Согласимся с позицией Красницкой Т.А., что «...он, по сути, решал все административные вопросы <...>, учебно-воспитательные <...> и хозяйственные по церковно-школьному делу» [2, с. 18].

В соответствии с параграфом 29 «Положения», постоянные члены совета избираются из духовных и светских лиц. Назначение числа тех и других зависит от епархиального преосвященства. Члены утверждаются в должностях епархиальным преосвященством. Епархиальные наблюдатели выбираются епархиальным преосвященством из лиц, удовлетворяющих следующим требованиям: обладают высшим богословским образованием или доказали многолетним трудом свою педагогическую опытность.

Согласно параграфу 26 «Положения об управлении школами церковно-приходскими и грамоты ведомства Православного Исповедания», на епархиальных училищных советах лежало заведение церковно-приходскими и школами грамотами, забота о «благоустройстве» существующих и об открытии и содержании новых школ в епархиях («епархиальный училищный советъ завѣдываетъ школами церковно-приходскими и грамоты въ епархіи, заботясь, по указавіи епархіальнымъ преосвященныхъ, о благоустройствѣ существующихъ и объ открытіи и содержаніи новыхъ школъ») [5, с. 136]. Подробнее функции советов в Положении разъяснены не были, но их реализация может быть рассмотрена на основе фактических материалов архивов.

В Области Войска Донского в конце XIX века действовал Донской епархиальный училищный совет. Ему подчинялись окружные училищные советы. В Государственном архиве Ростовской области (далее – ГАРО) сохранилось большое количество документов, характеризующих отношения между епархиальным советом и советами окружными.

На основе рапортов окружных училищных советов составлялись списки школ, состоявших при русской православной церкви. Так, в 1897 г. в списке Черкасского отделения Донского епархиального училищного совета значились 38 церковно-приходских школ и школ грамоты. Из них 16 школ были смешанными, 5 – мужскими, 3 – женскими; об оставшихся 4 школах сведения отсутствуют [7, с. 10–23]. Первая из перечисленных школ была открыта в 1887 г., а большая часть остальных – в период с 1894 по 1897 гг. Данный список свидетельствует о существовании системы учёта образовательных организаций; отражаемые сведения (наличие или отсутствие удобных помещений и проч.) подтверждает ранее изложенную мысль о том, что именно епархиальные училищные советы заботились о благоустройстве школ. Нельзя, однако, сказать,

что эта деятельность всегда была успешной: более половины школ, представленных в списке, не имели собственных помещений для занятий, учили детей в «неудобных условиях». Д.В. Пополитов справедливо отмечает, что «строительство зданий для школ полностью зависело от желания и средств станичного или волостного управления и прихожан» [3, с. 102].

На основе другого дела, представленного в ГАРО, можно увидеть, каким образом осуществлялась забота о благоустройстве. Так, в январе 1900 г. Училищный совет препровождает в Черкасское отделение на неотложные нужды церковных школ в 1900 г. 1500 рублей из суммы 50 % сбора [8, с. 2]. Затем, по мере накопления, обещаются недостающие деньги в то же отделение. 04 февраля 1900 г. в дополнение к 1500 руб. в отделение из суммы 50% сбора 1200 руб. [8. Л.7] Данные средства Черкасское отделение могло расходовать по своему усмотрению. Однако в ряде случаев средства были целевыми: 22 января 1900 г. вследствие отношения Училищного Совета при Святейшем Синоде 11 января 1900 г. за № 118 Епархиальный Училищный совет сообщает Черкасскому отделению, что в Черкасское Окружное казначейство переведены 2100 рублей, из них 1500 на содержание Аксайской второклассной школы и 600 – на содержание Окружного Наблюдателя [8, с. 3].

Денежные средства поступали не только от Донского епархиального училищного совета, но и частным образом. Однако во всех случаях попечитель рапортовал о пожертвовании отделению училищного совета, а оно – епархиальному совету, благодаря чему осуществлялся учёт полученных средств. Лицам, пожертвовавшим большие суммы, могли выдаваться свидетельства Донского епархиального училищного совета. Например, 21 января Донской епархиальный училищный совет выдаёт ряд свидетельств и грамот за пожертвования:

- выдано свидетельство Александру Маркову – 200 рублей на нужды Новочеркасской Соборной церковно-приходской школы;
- выдано свидетельство Стефану Дронову – 50 рублей в пользу бедных учеников Мишкинской церковно-приходской школы (деньги, вероятно, предназначались как для оплаты обучения, так и для приобретения необходимых учебных принадлежностей);
- выдано свидетельство попечителю Кривянской церковно-приходской школы Василию Васильевскому (отметка о пожертвовании отсутствует, вероятно, забыли поставить);
- грамота за пожертвование 350 рублей на строительство здания Синявской церковно-приходской школы Георгию Сидоренкову;
- выдано свидетельство священнику х. Синявского Петру Автономову за пожертвование 100 рублей «на то же предмет» (здание Синявской церковно-приходской школы) [8, с. 4].

Вёлся учёт и средств, которые поступают на содержание диаконов (как правило, законоучителей в школах) и других учителей. При этом Донской епархиальный училищный совет просил Черкасское отделение сообщать о всех случаях, когда учителя осуществляют свою деятельность ненадлежащим образом. Так, 28 февраля 1900 г. вследствие отношения Училищного Совета при Святейшем Синоде от 22 февраля 1900 г., Епархиальный училищный совет предлагает Черкасскому отделению представить сведения о том, какая сумма поступает в Отделение в год на церковные школы от каждой с указанием прихода, а также сколько денег расходуется на незамещенные диаконские должности и на содержание диаконов, которые не занимаются учительством «по неспособности или нерадению». От руки в документе карандашом написано: Сулин – 300 р.; Слюс. – 120 р.; Г.Борис.- 180 р.; Влад. – 180 р. [8, с. 13] Некоторые записи, однако, имели неформальный характер. Так, в одном из листов содержатся записи карандашом:

Син. 250 р.

Гнил. 240 р.

Нов.-Алек. 130–250 р.

Перс. 100 р.

Сулин 1/3 – 300 р.

Кагал. Дон. – 100 р.

Нов. Слюс. 1/3 – 120 р.

Г.Бор. 1/3 – 180 р.

Кундр <нрзб.> – 100 р.

Осип. Клим. – 100 р. [8, с. 15].

В отдельных случаях, Черкасское отделение самостоятельно рапортует в Донской епархиальный училищный совет о том, что «...в отделение поступают взносы по незамещенным вакансиям в приходах: Синявском – 270 р.; Гниловском – 240 руб.; Соколово-Кундрюческом – 240 руб.; Персиановском – 100 руб. (зачеркнуто карандашом)» [8, с. 14].

Административные вопросы были связаны и с организацией учебного процесса в церковно-приходских школах и школах грамоты. Так, учебный год должен был начинаться 1 сентября, однако далеко не всегда на деле это обстояло так. Мешать началу учебного года могли различные причины, о чём свидетельствуют архивные данные за период с 1892 по 1900 гг.

Например, в х. Каменнобродском (Протопоповская школа грамоты) в 1892 г. занятия начались 01 октября [6, с. 1]. В 1895 г. в той же школе занятия начались 9 сентября [6, с. 6]. В том же году отец Иоанн рапортует училищному совету, что «...в одной половине хутора Протопоповского открылась болезнь дифтерит, и были случаи

смерти детей. В настоящее время некоторые родители разбирают детей своих из школы. Два ученика заболели сего 6-го ноября», по какой причине занятия были прекращены [6, с. 1]. В 1894 г., как следует из рапорта, занятия в церковно-приходской школе при Аксайской Успенской церкви начались только после рождественских каникул в связи с болезнью (болезнь в рапорте не указана) [6, с. 3]. 14 сентября 1896 г. священник Петр Руднев рапортует, что в Александровской школе «...прием учеников в школу начат со 2 сентября и закончен 7 сентября, принято 30 душ; правильные занятия в школе начаты 9 сентября» [6, с. 19]. 14 сентября 1895 г. отец Иоанн Александров рапортует, что в Вербинской школе занятия начались 9 сентября, а в Зверевской, «по неимению помещения», ещё не начинались [6, с. 15]. В 1895 г. тот же священник докладывает, что занятия в Зверевской школе начались 2 декабря 1895 г. в помещении временно-устроенного вокзала. Проводятся только устные, письменные провести невозможно, т.к. нет для этого условий [6, с. 12]. 13 сентября 1895 г. заведующий Поповской церковно-приходской школой Александр-Невской церкви города Александр-Грушевского священник Симеон Поярков рапортует, что занятия в школе начались 04 сентября 1895 г. Учеников в школе – 18 человек [6, с. 15]. В сентябре 1895 г. священник Александр Попов рапортует, что в Покровской Кривянской школе грамоты для девочек «...мною был отслужен молебен перед учением и школа грамоты для девочек объявлена открытой, а 18-го числа начаты занятия в ней [6, с. 14]. 28 сентября 1896 г. заведующий Поповской церковно-приходской школой Александр-Невской церкви города Александр-Грушевского священник Симеон Поярков рапортует, что в той же школе занятия начались с 23 сентября. Всего принято 11 учащихся, в том числе 6 прошлых лет, 5 – вновь поступивших [6, с. 20]. 10 сентября 1897 г. кафедральный протоиерей Новочеркасского кафедрального собора Георгий Федоров рапортует, что начать занятия 1 сентября не представляется возможным, т.к. помещение для школы будет готово только к 20 сентября; с этого числа просит дозволить начать учебные занятия [6, с. 24].

Даже начавшийся учебный процесс часто прерывался по различным причинам. Так, 24 апреля 1896 г. священник Петр Руднев рапортует, что занятия в церковно-приходской школе Старочеркасской и в церковно-приходской школе Обуховской прекращены 08 и 15 апреля 1896 г., соответственно, в связи с наводнением [6, с. 16]. 5 мая 1897 г., согласно рапорту священника отца Павла Ковалевского в Преображенской церкви Старочеркасской станицы дети с 1 мая 1894 г. не посещают школу грамоты в связи с наводнением, занятия на май прекращены [6, с. 5]. Аналогичная ситуация в названной школе была также в мае 1897 г. [6, с. 22], мае 1898 г. [6, с. 33] и мае 1899 г. [6, с. 38]. Во многих школах занятия по весне прекращались в связи с задействованием детей в сельскохозяйственных работах. Иллю-

страцией здесь может служить рапорт отца Иоанна Александрова Андреевской церкви посёлка Сулиновского Александрово-Грушевского благочиния от апреля 1894 г.: он сообщает Совету, что занятия прекращены 28 апреля, но более не начинались, о чём он не стал сообщать дополнительно «так как хорошо знал, что на Страстной неделе и в неделю Святой Пасхи занятия во всех школах прекращаются». Далее он объясняет: «Имея это в виду, я был вполне уверен, что занятия после Пасхи опять будут продолжаться, но оказалось, что в расчётах своих ошибся, так как земледельцы с полями до Пасхи еще не управились. Когда ученики ... в школу не явились, я вынужден был доложить об этом отделению. Нужно при этом отметить, что в школе Вербинской дети исключительно крестьян-земледельцев, которых с ранней весны всегда разбирают ... для полевых работ. Привлечь их в это время в школу нет никакой возможности, так как родители их, скорее всего, предпочли бы взять навсегда детей своих из школы, чем отрывать их от работы в ущерб своих жизненных интересов» [6, с. 6]. Занятия прекращались и по причине болезней. 14 октября 1899 г. земский врач 2-го участка Черкасского округа просит временно отстранить детей от занятий в связи с заболеванием скарлатиной [6, с. 8]. 27 сентября 1900 г. священник Петр Смирнов, заведующий Егорлыкской церковно-приходской школой, рапортует, что занятия в школе по требованию земского врача прекращены с 27 сентября в связи с распространением скарлатины [6, с. 45].

Заключение.

Период с 1884 по 1896 годы стал ключевым этапом в развитии церковного начального образования в России. Принятие «Правил о церковно-приходских школах» 1884 года положило начало системной работе по созданию школ, а утверждение «Положения об управлении школами церковноприходскими и грамоты» 1896 года завершило формирование централизованной системы управления.

Роль епархиальных училищных советов и других управленческих структур была важна для успешного выполнения образовательной миссии Церкви. Создание системы церковных школ сыграло важнейшую роль в образовательной политике Российской империи.

Церковные школы охватили сельские районы, где государственные образовательные учреждения были слабо развиты, что способствовало распространению грамотности. Школы обеспечивали не только обучение, но и воспитание в духе православной традиции. Образовательные инициативы стали примером эффективного сотрудничества религиозных и государственных институтов.

Приведённые выше сведения позволяют судить о хозяйственной деятельности церковно-приходских школ. В случае необходимости, Донской епархиальный училищный совет сам

направлял денежные средства «на неотложные нужды», требуя отчёта об их использовании. Учёт денежных средств, поступивших (как от епархиального совета, так и из иных источников) в церковно-приходские школы и школы грамоты, вёлся на уровне школ, затем поступал в отделение училищного совета, а потом препровождался в епархиальный училищный совет. Приведённые выше документы подтверждают данную схему.

Можно выделить некоторые проблемы, связанные с хозяйственным обеспечением деятельности церковно-приходских школ.

Во-первых, проблема обеспечения школ помещениями разрешалась не в полной мере ввиду нехватки средств на приобретение таковых во всех школах. Это было связано как с недостатком финансирования со стороны Донского епархиального училищного совета (выше отмечается факт, что выделяемые денежные суммы не всегда предоставлялись в срок), так и с тем, что данная обязанность была прежде всего заботой приходского духовенства. Последнее сильно зависело от своего прихода и пожертвований со стороны прихожан, которых, видимо, не хватало на решение всех хозяйственных вопросов.

Во-вторых, сама система учёта денежных средств отличалась несовершенством. Несмотря на наличие норм, на основе которых должны были составляться соответствующие отчёты, отношения и рапорты, в некоторых случаях допускалось внесение изменений в эти сведения. Иногда сообщения имели и неформальный характер, о чём свидетельствуют как пометки карандашом, так и выполненные им же записи. Это связано, вероятно, с тем, что на нижнем уровне соответствующая документация составлялась приходским священником, не обладавшим юридическими или специально-экономическими познаниями и имеющим помимо заполнения документов многочисленные иные обязанности.

Наконец, нельзя сказать, что единообразно отмечались и заслуги частных жертвователей. В некоторых случаях им выдавались соответствующие свидетельства, однако, судя по проанализированным архивным материалам, это происходило не всегда. Такой разнообразный подход мог не только повлиять на мотивацию жертвователей, но и отражает разнообразие методов работы в разных приходах епархии. Разумеется, верующие люди, жертвуя средства на нужды церковно-приходских школ, руководствовались словами Господа: «когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая» (Мф. 6, 3). Но различное отношение к благодетелям могло вызывать у них ощущение несправедливости или незаметности их вкладов.

Начало учебного года зачастую откладывалось. К основным причинам, по которым откладывалось начало учебного года, относятся неустroенность соответствующих помещений, стихийные природные явления, болезни, позднее за-

вершение приёма учеников. При этом последнее обстоятельство объясняется, например, приговором граждан Мишкинской станицы, в котором отмечается: «мы ... вынуждены ходатайствовать перед Епархиальным Училищным начальством разрешить учителю нашей школы приемку детей в школу начинать 15 сентября, и кончать учение в первых числах мая» [6, с. 31] в связи с тем, что дети задействуются на полевых работах. В связи с тем, что решения о возложении какой-либо ответственности за нарушение срока начала занятий в архивных материалах отсутствуют, можно предположить, что норма о начале занятий с 1 сентября имела рекомендательный характер, либо о том, что Донской епархиальный училищный совет, осознавая реальную ситуацию в приходах, относился к пропуску сроков с пониманием и потому не применял никаких санкций. Можно утверждать, что организация начала учебного процесса сталкивалась с рядом трудностей, напрямую вытекавших из социально-экономических условий жизни казаков и крестьян Донской земли. Разрешение этой проблемы

возможно было только в комплексе с разрешением прочих проблем.

Перерывы занятий в течение учебного года также составляли одну из проблем организации учебного процесса. Они происходили как по причине задействования учеников школ в сельскохозяйственных работах (основная причина), так и в связи с эпидемиями болезней (корь, скарлатина), а также из-за стихийных природных явлений (преимущественно наводнения). Всё это сказывалось на качестве образования и его доступности. Разрешение этих вопросов осуществлялось преимущественно на местах по инициативе духовенства соответствующих приходов.

Несмотря на трудности, система начального образования на Дону постепенно развивалась. Как справедливо отмечает С.Ю. Гречко, церковно-приходские школы «...успешно выполняли главную функцию – воспитание личности, прививали населению идею необходимости образования и развития грамотности среди молодого поколения» [1, с. 48].

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Гречко С.Ю. Церковно-приходские школы в Усть-Медведицком округе Области войска Донского в конце XIX – начале XX века // Вестник ВолГУ. Серия 9: Исследования молодых ученых. 2015. № 13.
2. Красницкая Т.А. Система управления церковными школами в дореволюционной России (на материалах Владимирской и Костромской губерний) // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История РПЦ, 2011. № 42.
3. Пополитов Д.В. Развитие системы образования в Донской епархии во второй половине XIX начале XX века (на примере Хоперского округа) // Вестник ЧелГУ. 2009. № 32.
4. Правила и программы для церковно-приходских школ и школ грамоты, 1894 г. // Хрестоматия по истории педагогики / Под ред. С.А. Каменева; Сост. Н.А. Желваков. М., 1936.
5. Сборник для справок в служебной практике причта: «Календарь священника» / [соч.] свящ. А. Тресвятского. 4-е испр. и доп. изд. Самара : Тип. Духовной консистории (Н.А. Жданова), 1899. 409 с.
6. Рапорты наблюдателей, заведующих церковноприходскими школами Черкасского округа по различным жалобам и объяснения учителей на жалобы заведующих // ГАРО. Ф. 373. Оп. 1. Д. 3.
7. Список школ грамот, церковно-приходских школ Черкасского округа Донского епархиального училищного совета Ведомства православного исповедания (Черкасское отделение епархиального училищного совета) с указанием года открытия // ГАРО. Ф.373. Оп. 1. Д. 12.
8. Отношения Донского епархиального училищного совета в Черкасское отделение совета, список церковных школ Черкасского и части ростовского округов, в которых были учреждены экзаменационные комиссии на 1899/1900 г. // ГАРО. Ф. 373. Оп. 1. Д. 14.

References:

1. Grechko S.Y. Church and Parish Schools in the Ust-Medveditsky District of the Don Army Region at the End of the XIX – Beginning of the XX Century. Series 9: Research of Young Scientists. 2015. № 13.
2. Krasnitskaya T.A. The system of management of church schools in pre-revolutionary Russia (based on the materials of the Vladimir and Kostroma provinces). Episode 2: History. History of the Russian Orthodox Church, 2011. № 42.
3. Popolitov D.V. Development of the education system in the Don diocese in the second half of the XIX early XX century (on the example of the Khoper district) // Vestnik ChelSU. 2009. № 32.
4. Rules and programs for parochial schools and literacy schools, 1894 // Reader on the history of pedagogy. Ed. by S.A. Kamenev; Compilation N.A. Zhelvakov. M., 1936.

5. Collection for References in the Service Practice of the Clergy: «Priest's Calendar» / [Op. cit.] A. Tresvyatsky. 4th revised and supplemented edition. Samara : Tip. Spiritual Consistory (N.A. Zhdanova), 1899. 409 p.
6. Reports of observers, heads of parochial schools of the Cherkasy district on various complaints and explanations of teachers on complaints of heads // GARO. Fund 373. Op. 1. D. 3.
7. List of literacy schools, parochial schools of the Cherkasy district of the Don Diocesan School Council of the Department of Orthodox Confession (Cherkassy branch of the diocesan school council) with an indication of the year of opening // GARO. F.373. Op. 1. D. 12.
8. Relations of the Don Diocesan School Council to the Cherkassy Branch of the Council, List of Church Schools of Cherkasy and Part of the Rostov Districts, in Which Examination Commissions for 1899/1900 were Established. F. 373. Op.1. D. 14.

Информация об авторах

Лядов Владимир Владимирович

учитель обществознания
частного образовательного учреждения
«Лицей классического элитарного образования»
popov-52mail.ru

Петренко Александр Викторович

кандидат юридических наук,
доцент кафедры медицинского права,
Ростовский государственный
медицинский университет Минздрава России
milena.555@mail.ru

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры
финансового и HR-менеджмента,
Ростовский государственный
экономический университет
samygin78_@yandex ru

Vladimir V. Lyadov

Teacher of Social Studies
Private Educational Institution
«Lyceum of Classical Elite Education»
popov-52mail.ru

Alexander V. Petrenko

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor
of the Department of Medical Law,
Rostov State Medical University
of the Ministry of Health of the Russian Federation
milena.555@mail.ru

Sergey I. Samygin

Doctor of Sociology,
Professor of the Department
of Financial and HR Management,
Rostov State University of Economics
samygin78_@yandex ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 26.02.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.03.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.03.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ. СОВРЕМЕННОСТЬ

Корректор: Попов М.Ю.

Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Дизайн обложки: Кручинова С.В.

Сдано в набор 21.03.2025

Подписано в печать 25.03.2025

Формат 60x84¹/₈. Бумага типографская № 18

Печать riso. Уч.-изд. л. 6,81

Тираж 550 экз.

Отпечатано ИП Фоменко О.Я.

Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 131

e-mail: id-yug@id-yug.com